

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129, каб. 126
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 17, № 3
2022

Vol. 17, No. 3
2022

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Исторические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающий редактор

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арби-кон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследования, в которых рассматриваются ценностные ориентиры современного общества – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В данном номере журнала представлено осмысление социокультурных проблем в рамках всемирной, отечественной и региональной истории. Также в журнал вошли статьи по востоковедению, освещающие проблемы материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2022

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 28.10.2022. Дата выхода в свет 31.10.2022.
Формат 60×84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial".
Способ печати оперативный. Заказ № 22126.

Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 16,9. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Historical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal

in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editors

Konstantinov, Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The editorial policy of the journal focuses on the studies which examine the values of modern society – new and traditional, significant not only for the individual and specific society of different regions but also for the world culture as a whole in the face of challenges and threats of the technological revolution, crisis of cultures and their value bases, and the total digitalization of the world community. The issue presents an understanding of sociocultural problems within the framework of the world, national and regional history. The issue also includes the articles on Oriental studies covering the problems of material and spiritual culture of the East.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, students, workers in culture and education, everyone who is concerned about humanism in its original and fundamental status, the problem of preserving the cultural diversity of society, and everyone who is interested in the mental picture of the world, sign realities of different societies.

© Transbaikal State University, 2022

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 28.10.2022. Date of publication 31.10.2022.

Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 22126.

Conv. quires 19,3. Ed.-print quires 16,9. Circulation 1000 copies. (First impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Богуславская Вера Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчинова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизия);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (штат Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения ИФЛ СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сидоров Виктор Александрович**, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэгмэдийн Цэрэндорж**, доктор исторических наук, доцент, Институт истории, этнографии АНМ (Улан-Батор, Монголия);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afanas'eva, El'mira M.**, Doctor of Philology, Chief researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Boguslavskaya, Vera V.**, Doctor of Philology, Associate Professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yuri M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Iizuka Fumie**, Doctor of Anthropology, California State University (California, USA);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Liga Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Sidorov, Viktor A.**, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsegmed Tserendorj**, Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaator, Mongolia);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaator, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ: СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

<i>Дроботушенко Е. В.</i> Материалы к истории православной церкви на севере и северо-востоке Китая в начале 1930-х годов	8
<i>Коскина М. М.</i> Основные направления политики России в борьбе за сферы влияния на севере Тихого океана в начале XVIII века	17
<i>Мамкина И. Н.</i> Государственная политика в области еврейского образования в первой половине XIX века	27
<i>Юрганова И. И.</i> Православный трансфер на восточных окраинах империи: краткий исторический обзор газеты «Епархиальные ведомости»	37

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

<i>Воронченко Т. В.</i> Пограничные локусы в историко-культурном контексте: геопоэтика границы (на литературно-фольклорном материале российско-китайского и мексикано-американского пограничья)	47
<i>Маджаров А. С.</i> Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода)	59
<i>Сазонова В. А.</i> Китайские рабочие на золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов во второй половине 20-х годов XX века: адаптация к новым социально-культурным условиям	69

АРХЕОЛОГИЯ: ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ

<i>Денисенко В. Л.</i> Трансформация погребального обряда народов Центральной Азии на территории Северной Индии в эпоху раннего железного века	78
<i>Добровольский Л. С., Каженова Г. Т., Умиткалиев У. У.</i> «Этничность» скифов: проблематика в аспектах онтологии и гносеологии	89
<i>Кулаков В. И.</i> Уникальная форма обрядности раннесредневекового населения Самбии	100

МЕНТАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

<i>Кискидосова Т. А.</i> Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в 1850–1880-е годы: по материалам всеподданнейших отчётов генерал-губернаторов	109
<i>Путилин М. С.</i> Сюжет о царе-старце как феномен ментальности общества XIX века	119

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

<i>Поогоо Чултэмсурэн, Гомбожапов А. Д.</i> Халхасский Цогту-тайджи: диссонанс оценок в историографии	128
<i>Семушев И. Н.</i> Деятельность Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова по изучению истории и культуры монгольских народов в 1920-е годы	136

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

<i>Волочаева А. В.</i> Зоя Вениаминовна Мошкина – ведущий учёный по истории политической каторги и ссылки в Забайкалье	145
<i>Константинов А. В.</i> Прозвучит ли сигнал пионерского горна?	155

CONTENTS

HISTORY: MEANINGS AND VALUES

Drobotushenko E. V. Materials for the History of the Orthodox Church in the North and Northeast of China in the Early 1930s	8
Koskina M. M. The Main Directions of Russian Policy in the Struggle for Spheres of Influence in the North Pacific Ocean at the Beginning of the 18th Century	17
Mamkina I. N. Jewish Education State Policy in the First Half of the XIXth Century	27
Yurganova I. I. Orthodox Transfer on the Eastern Outskirts of the Empire: a Brief Historical Review of the Newspaper <i>Diocesan Gazette</i>	37

INTERCULTURAL INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Voronchenko T. V. Border Loci in Historical and Cultural Context: Geopoetics of Border (Based on Literature and Folklore of Russian-Chinese and Mexican-American Borderlands)	47
Madzharov A. S. N. Y. Danilevsky and O. Spengler on "Slavic" and "Romano-Germanic" Cultural-Historical Types and Prospects of Their Interaction (Comparison of the Concept and Method)	59
Sazonova V. A. Chinese Workers at the Gold Mines of Sretensky and Chita Districts in the Second Half of the 1920s: Adaptation to New Socio-Cultural Conditions	69

ARCHAEOGRAPHY: CULTURAL HERITAGE

Denisenko V. L. Transformation of the Funeral Rite of the Peoples of Central Asia on the Territory of North India During the Early Iron Age	78
Dobrovolskiy L. S., Kazhenova G. T., Umitkaliev U. U. "Ethnicity" of the Scythians: Problems in the Aspects of Ontology and Gnoseology	89
Kulakov V. I. A Unique Form of Ritualism of the Early Medieval Population of Sambia	100

MENTAL AND SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGION

Kiskidosova T. A. The State of Towns and the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s–1880s: Based on the Materials of Reports of Loyal Governors-General	109
Putilin M. S. The Story of the Starets Tsar as a Mental Phenomenon of Society in the 19th century	119

ARCHAEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

Poogoo Chultemsuren, Gombozhapov A. D. Khalkhas Tsogtu Khuntaiji: Dissonance of Assessments in Historiography	128
Semushev I. N. Work of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongolian Scientific Society for the Study of the History and Culture of the Mongolian Nation in the 1920s	136

PEOPLE. EVENTS. TIME

Volochaeva A. V. Zoya Veniaminovna Moshkina – Leading Scientist on the History of Political Hard Labor and Exile in Transbaikalia	145
Konstantinov A. V. Will the Pioneer Horn Sound?	155

ИСТОРИЯ: СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

HISTORY: MEANINGS AND VALUES

Научная статья

УДК 271.2:94.5

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-8-16

Материалы к истории православной церкви на севере и северо-востоке Китая в начале 1930-х годов

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
DRZZ@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

В статье, в контексте имеющихся данных по истории православия на севере и северо-востоке Китая, приводится новая информация, характеризующая самые разные аспекты существования и деятельности православной церкви в начале 1930-х гг. Это время стало достаточно сложным для русских эмигрантов на рассматриваемых территориях. Они являлись основными носителями православия. В исследовании использованы общенаучные методы сбора, анализа и синтеза материала, что особо важно при работе с источниками, а также специальные методы исторического познания. Хронологический метод позволил характеризовать события в их последовательности, сравнительно-исторический дал возможность сравнивать факты и явления в разные временные отрезки. Главным выводом исследования стало замечание о том, что в рассматриваемое время условия существования представителей православного сообщества в регионе осложнялись рядом факторов. Это карательные походы в места их проживания красноармейских отрядов, установление марионеточного режима государства Маньчжоу-Го, сильнейшее наводнение в г. Харбин. Отмеченное привело к закрытию ряда православных храмов и значительному оттоку прихожан. Основу статьи составили малоизвестные и неизвестные архивные документы, информация в которых в некоторых случаях знакома по публикациям, но встречаются и совершенно новые, не известные ранее факты. Череда событий начала 1930-х гг. привела к тому, что значительная часть представителей российской эмиграции (в основной своей массе православных) покинула регион, отправившись дальше, в глубь Китая, позднее – за его пределы. Это, в свою очередь, привело к сокращению количества православных верующих, снижению доходов священников, закрытию церквей.

Ключевые слова: православие, церковь, священнослужитель, верующие, прихожане, Северный и Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, Харбинская епархия

Original article

Materials for the History of the Orthodox Church in the North and Northeast of China in the Early 1930s

Evgeny V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia
DRZZ@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

In the context of the available data on the history of Orthodoxy in the north and northeast of China, the article provides new information characterizing various aspects of the existence and activity of the Orthodox Church in the early 1930s. This time was quite difficult for Russian emigrants in the territories under consideration. They

© Дроботушенко Е. В., 2022

were the main bearers of Orthodoxy. The research uses general scientific methods of collecting, analyzing and synthesizing material, which is especially important when working with sources, as well as special methods of historical cognition. The chronological method made it possible to characterize events in their sequence, the comparative historical method made it possible to compare facts and phenomena in different time periods. The main conclusion of the study was the observation that at the time under consideration, the conditions of existence of representatives of the Orthodox community in the region were complicated by a number of factors. These are punitive campaigns to the places of their residence of the Red Army detachments, the establishment of the puppet regime of the state of Manchukuo, the strongest flood in Harbin. This led to the closure of a number of Orthodox churches and a significant outflow of parishioners. The article is based on little-known and unknown archival documents, which, in some cases, repeat the information found in publications, while in some cases they give completely new, previously unknown facts. A series of events in the early 1930s led to the fact that a significant part of the representatives of the Russian emigration – Orthodox for the most part, left the region, going further into China, and then beyond its borders. This, in turn, led to a reduction in the number of Orthodox believers, the income of priests fell, churches began to close.

Keywords: Orthodoxy, church, clergyman, believers, parishioners, Northern and Northeastern China, Manchuria, Harbin diocese

Введение. История православия в целом и православных сообществ, в частности, на севере и северо-востоке Китая в разные годы находила отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. Изучена она относительно подробно. Это труды таких исследователей, как С. Н. Баконица, В. В. Коростелев, А. К. Караулов, С. С. Троицкая и др. [1–8 и др.].

Существуют некоторые специальные узконаправленные публикации по истории православных храмов русского Трёхречья или со страницами биографий подвижников православия на севере и северо-востоке Китая [9–11 и др.].

Отдельные факты по православной истории Северного и Северо-Восточного Китая можно найти в некоторых обобщающих трудах [12; 13 и др.]. Следует отметить, что страницы истории православия на рассматриваемых территориях в разное время нашли отражение в работах иностранных авторов [14–21 и др.].

Несмотря на наличие определённого количества публикаций по проблематике исследования, отдельные аспекты рассматриваемой истории требуют уточнения и конкретизации. Это и состояние православной церкви в регионе, и в целом его изменение в начале четвёртого десятилетия XX в. Среди частных вопросов, на наш взгляд, на современном этапе изучения остаётся вопрос о количестве православных храмов на рассматриваемой территории, помимо времени их существования, необходима информация, когда в них велись службы, и т. д.

Следует остановиться на территориальных рамках исследования. Северный и Северо-Восточный Китай традиционно принято именовать Маньчжурией. В настоящее

время это территория Автономного района Внутренняя Монголия и провинции Хэйлуцзян. Иногда к нему также относят провинции Шаньси, Ляонин, Хэбэй и Цзилинь.

В рассматриваемое время на севере и северо-востоке Китая было два больших центра расселения русских эмигрантов, бежавших с территории Российской империи. Это территория в бассейне трёх рек (Ган, Дербул и Хаул), получившая из-за появления там большого числа русских поселений наименование «русское Трёхречье». В литературе можно встретить самые разные трактовки места расположения названных земель. Некоторые исследователи отмечают, что это Барга – западная часть провинции Хэйлуцзян Северной Маньчжурии. Иные авторы говорят о том, что только Северная Барга – это и Трёхречье, и Приаргунье. Кто-то Баргой называет всю Внутреннюю Монголию или всю Северную Маньчжурию [22, с. 121; 23, с. 111; 24; 25, с. 43 и др.].

Согласно архивным источникам, русское Трёхречье располагалось в регионе Северная Барга¹ – это часть территорий Северной Маньчжурии. Второй центр русской эмиграции севера и северо-востока Китая – г. Харбин и его окрестности. Сообщества российских эмигрантов оказались дисперсно разбросаны по всей территории рассматриваемого региона, однако многие из них были небольшими.

Хронологические рамки исследования predetermined тем, что начало четвёртого десятилетия стало переломным в жизни российской эмиграции на севере и северо-востоке Китая и, как следствие, в истории православия. Особенно тяжёлым отмечен

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р9145. – Оп. 1. – Д. 254. – Л. 16.

1932 год, когда возникли «осложнения» на северо-восточной линии Маньчжурской железной дороги (бывшая Китайско-Восточная железная дорога), связанные с появлением там японских войск. Однако и в предыдущие годы назвать жизнь выходцев из России на данной территории спокойной нельзя. Конец 1920-х гг. – время карательных походов на территорию русского Трёхречья красноармейских отрядов. Такой рейд совершён в 1929 г. под руководством некоего Моисея Жуча, в 1932 г. был рейд отрядов «двух Иванов», Ивана Пешкова и Ивана Аксенова. Согласно архивным документам, они сжигали целые русские деревни. Уничтожены посёлки Цанкир-Булак и Тынхэ, сожжены Дамосово и Ключи¹.

Уже в конце третьего – начале четвёртого десятилетий XX в. население русского Трёхречья стало покидать регион, направляясь в сторону Харбина, на территории, где ситуация была спокойнее.

К 1930-м гг. XX в. значительная часть русских, согласно архивным данным, покинула практически все населённые пункты одной из четырёх больших групп поселений на территории русского Трёхречья, располагавшихся вдоль железной дороги (Маньчжурия, Чжалайнор, Цаган, Хорхонтэ, Ваньгунь, Хайлар, Хакэ, Чжаромтэ, Якеши, Мяньюхэ).

Во второй группе поселений вдоль тракта «Якеши – Трёхречье» прекратили работу все постоянные дворы на участке «Трёхречье – Хайлар», был заброшен посёлок Шахецзы². В 1932 г. произошло сильнейшее наводнение в Харбине, что ухудшило и без того сложное финансово-экономическое положение российских эмигрантов³.

Через негативных событий в итоге приведёт к внутренней миграции выходцев с территории Российской империи уже по Китаю. Они направятся на юг. Значительная часть выходцев из «Русского Харбина» оседает в Шанхае, после чего отправится дальше, через филиппинский остров Тубабао в Австралию, Южную и Северную Америку.

Таким образом, время рубежа третьего–четвёртого десятилетий XX в., начала 1930-х гг., стало одним из самых сложных для русского православного населения Се-

верного и Северо-Восточного Китая, этот период требует к себе пристального внимания. Изложенное полностью относится к православию в регионе.

Цель статьи – обратиться к неизвестным или малоизвестным фактам из истории православия на севере и северо-востоке Китая.

Методология и методы исследования. В основу исследования положен принцип объективности исторического познания, позволивший при анализе явлений дистанцироваться от субъективных оценок, не подтвержденных фактами из источников. Принцип историзма дал возможность рассматривать явления в их историческом развитии, а факты – в исторической последовательности появления.

Исследование опирается на цивилизационный подход в характеристике событий, позволяющий рассматривать русскую православную эмиграцию на севере и северо-востоке Китая как особую общность, находящуюся в условиях чуждых социально-культурных ценностей.

Методы, используемые автором, являются как общенаучными, так и специальными методами исторической науки. К первым можно отнести методы сбора и анализа материала. Они особенно важны при работе с архивными источниками. К специальным методам относится хронологический, дающий возможность рассматривать факты и явления в их хронологической последовательности. Сравнительно-исторический метод позволяет сравнивать события в разные периоды времени.

Методология исследования predeterminedena использованием совокупности принципов, подходов, методов.

Результаты исследования и их осуждение. Основу исследования составили имеющиеся публикации, а также документальные источники, из которых богатейшими, по имеющимся данным, являются доклады Харбинскому епархиальному собранию. Полные доклады за первые годы четвёртого десятилетия находим в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Они представлены в фонде Р6343 «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. 1921–1941»⁴.

Православие в Маньчжурии в рассматриваемое время существовало в рамках Харбинской епархии под юрисдикцией За-

¹ ГАРФ. – Ф. Р9145. – Оп. 1. – Д. 254. – Л. 16.

² Там же; Майер В. Славный сибиряк // Гражданская война в России: Великий отход / И. И. Серебrennikov. – М.: АСТ: Ермак, 2003. – С. 32.

³ ГАРФ. – Ф. Р5963. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 49–50.

⁴ Там же. – Ф. Р6343.

рубежного синода Русской православной церкви (Архиерейского синода Русской православной церкви за границей), созданной в 1922 г.¹, в состав которой вошли Хайларское и Цицикарское викариатства². В литературе традиционно отмечается, что Хайларское викариатство появилось только в 1934 г., Цицикарское – в 1940 г., к сожалению, ссылок на источники информации нет, как нет имён викарных епископов. При этом исследователи говорят о проживании их в Харбине. Архивные документы начала четвёртого десятилетия XX в. не упоминают о викариатствах Харбинской епархии [6, с. 134]³.

Окормляемые харбинским епископом православные Северного и Северо-Восточного Китая в начале четвертого десятилетия XX в. столкнулись с серьёзными трудностями в отправлении своей веры.

В феврале 1932 г. на территории Маньчжурии японские власти установили марионеточное государство Маньчжоу-Го (Даманьчжоу-диго, 大滿洲帝國). В новых условиях полностью прекратились богослужения в православных церквях ряда населённых пунктов региона – в Ханьдаохэцзы, Шитоухэцзы, Пограничной, Машин, Ашихэ, на Мулинских копиях и на Тигровой даче, а также в Михайловском посёлке. Периодически службы не велись в других населённых пунктах, по западной линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), уходившей в сторону г. Чанчуня⁴.

Сложное положение было у православной общины Чжаланьтунь. Настоятель чжаланьтунской церкви отец Артемий Глинский был арестован. Аналогичная участь постигла и часть прихожан. Они были отправлены под охраной в г. Хайлар, который на тот момент являлся самым большим населённым пунктом окружающей территории. Причина ареста неизвестна. Там некоторое время

они находились в заключении. Освобождены были после нескольких ходатайств: настоятеля Спасо-Преображенской церкви г. Хайлар отца Валентина Синайского, старосты той же церкви Иллариона Кирилловича Громаковского и хайларского присяжного поверенного Иннокентия Илларионовича Покрова⁵.

Ещё хуже дела обстояли на Мулинских копиях, где погиб «организатор православия» протоиерей Павел Голионко. Его тело было обнаружено обезглавленным, позже захоронено в ограде Михайло-Архангельской церкви Мулина. Кроме того, на территории копей арестовали прихожан православного храма и отправили на территорию Советской России⁶.

Серьёзным потрясением для православной церкви стал «Великий потоп» в Харбине, т. е. наводнение 1932 г., когда затопило храмы Затона, Сунгарийского городка, Сунгарийского городка (Ченка), Механических мастерских (Ильинский), Пекинской миссии (Благовещенский) и Софийский. Само наводнение продолжалось три месяца, после чего велись восстановительные работы, службы в церквях не проводились⁷.

Помимо работы по восстановлению культовых построек, православное духовенство также помогало пострадавшим от наводнения. На этом поприще особо отличился протоиерей Михаил Филологов, Николай Вознесенский (будущий епископ, а затем архиепископ Хайларский, викарий Харбинской епархии)⁸.

Реалии нового режима привели к постоянному сокращению численности прихожан в храмах. Особенно уменьшились приходы при церквях вдоль железной дороги. К 1932 г. в Чжалайноре осталось только 10 православных семей, в Стихах (приводится по источнику) – 25⁹.

Сокращение количества прихожан привело к падению церковных доходов, что, в свою очередь, заставляло священников работать в нескольких населённых пунктах. Так, настоятель церкви на станции Айхэ (Эхо) отец Георгий Кияшко служил также в деревне Хайлин, тем не менее, в совокупно-

¹ Определения Высшего Русского Церковного Управления Заграницей // Церковные ведомости. – 1922. – № 4. – 1 мая. – С. 11.

² Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с решением Константинопольского Патриархата об учреждении епархиальной структуры на территории Китайской Автономной Православной Церкви. – Текст: электронный // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. – URL: <http://mospat.ru/ru/news/65368/> (дата обращения: 29.11.2021).

³ ГАРФ. – Ф. Р6343. – Оп. 1. – Д. 245; Хайларское викариатство. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/1667551> (дата обращения: 29.11.2021). – Текст: электронный.

⁴ ГАРФ. – Ф. Р6343. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Л. 3.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – Л. 4–5.

⁹ Там же. – Л. 2.

сти доходы, полученные с двух мест, выходили небольшими¹.

Следует отметить, что окормление нескольких общин в разных поселениях предопределено недостаточным количеством священнослужителей, а также размерами населённых пунктов, которые не предполагали наличие священника в каждом. Однако в докладах акцент сделан именно на доходной части культовой деятельности.

Данные публикаций и источников в сведениях расходятся. Один из спорных вопросов в истории православия на севере и северо-востоке Китая в начале 1930-х гг. – количество православных храмов. Согласно данным источников, в общей сложности на севере Китая в рассматриваемое время было 24 православных храма и молитвенных дома, из них 13 находились в Харбине: 1) Свято-Николаевский кафедральный собор; 2) Софийская церковь. Приход был расположен на пристани Харбина; 3) Иверская; 4) Свято-Алексеевская на Зелёном Базаре; 5) Свято-Борисовская (Остроумова политотдела); 6) Иоанно-Богословская при школе Русского дома; 7) Свято-Николаевская на Затоне; 8) Петропавловская Сунгарийского городка; 9) Ильинская при механических мастерских; 10) Иоанно-Предтеченская при Московских казармах; 11) Свято-Алексеевская в Модягоу; 12) Богородицкий Владимирский женский монастырь; 13) Казанско-Богородицкий мужской монастырь; 11 так называемых «линейных» – по линии железной дороги: 1) Свято-Серафимовская на станции Маньчжурия; 2) Чжалайнорская Ильинская на станции Чжалайнор; 3) Чжалайнорская Михайло-Архангельская на Чжалайнорских копиях; 4) Свято-Введенская на станции Фуляэрд; 5) Свято-Николаевская на станции Пограничная; 6) Михайло-Архангельская на станции Мулин; 7) в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» на Мулинских копиях; 8) Благовещенская на станции Ашихэ; 9) Казанско-Богородицкая на станции Эрендзянцзы; 10) Свято-Николаевская на станции Куаньченцзы; 11) Петропавловская на станции Шуанченпу²; 1 молитвенный дом Харбинской епархии располагался в г. Кобе (Япония).

Согласно В. В. Коростелеву и А. К. Каралову, только в г. Харбине в начале 1930-х гг. действовало 23 православных храма, включая монастырские и тюремный [7, с. 445–

¹ ГАРФ. – Ф. Р6343. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 2.

² Там же. – Л. 35–50.

500]. Авторы отмечают, что в районе «Пристань» были церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, которая передана Харбинской епархии только в 1947 г., Софийская и Иверская. По архивным источникам, церковь в районе «Пристань» только Софийская; в докладах Харбинскому епархиальному собранию от 1932 г. о ней не говорится как о действующей вне епархии. Иверскую церковь с районом «Пристань» авторы одного из докладов не связывают. Возможно, имелась в виду церковь во имя Иверской иконы Божией Матери в районе госпитального городка [Там же, с. 455–456, 462, 466–467]³.

Не встречаем в источниках упоминания о втором храме в женском монастыре Харбина, который современные авторы именуют «Пещерным» [6, с. 494]⁴. При этом источники говорят о храме при политотделе, именуемом «Остроумовским» – в публикациях о нём упоминания нет⁵. По данным А. П. Тарасова, только в русском Трёхречье было 18 православных церквей [12, с. 270].

Основания не доверять официальному докладу Харбинскому епархиальному съезду у нас нет, однако в перечне храмов не упоминается Свято-Николаевская церковь на станции Чжалайнор, о которой говорится при характеристике в регионе общего бедственного положения православия в это время.

Осмелимся предположить, что речь в докладе шла только о действующих на тот момент церквях. Об этом говорит отсутствие в перечне затопленных церквей Харбина храмов, не действовавших в полосе отчуждения КВЖД. В то же время исследователи приводят перечень всех церквей, по которым им встретилась информация.

На разные количественные данные в имеющихся публикациях в одной из статей указал известный исследователь фольклора русского Трёхречья В. Л. Кляус [11, с. 25].

Как отмечалось, к началу 1930-х гг. в русском Трёхречье часть деревень была полностью уничтожена, некоторые оказались заброшенными. Церкви, возможно, числились в каких-либо перечнях, однако на самом деле службы в них больше не велись, сами строения могли и вовсе не существовать.

На наш взгляд, требуется дальнейшая работа по уточнению количества право-

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – Л. 39.

славных храмов на севере и северо-востоке Китая в начале 1930-х гг., а также времени, чтобы выяснить, когда в них реально велись службы. Придерживаясь позиции, что перечень действующих храмов, приведённых в одном из докладов Харбинскому епархиальному съезду, верен, становится очевидным значительный упадок православия на севере и северо-востоке Китая уже в 1932 г.

Общие тенденции существования православной церкви на территории рассматриваемого региона в начале четвёртого десятилетия XX в. можно оценить как негативные. Из архивных источников известна информация о некоторых фактах, положительно повлиявших на развитие православия. Одним из, пожалуй, самых ярких событий в жизни Харбинской епархии стало открытие прихода в г. Кобе (Япония) в 1931 г. и приходов на севере Кореи в 1932 г. Настоятелем в первом стал бывший инок Харбинского мужского монастыря. Параллельно с этим о вхождении в Харбинскую епархию ходатайствовал православный приход в Австралии. Однако решением Заграничного Синода он остался в его непосредственном управлении¹.

Несмотря на отмеченное ранее закрытие православных храмов и прекращении богослужений, в 1931 г. на территории русского Трёхречья в населённом пункте Драгоценка построена постоянная приходская церковь взамен такой же в посёлках Верх-Кули и Усть-Щучье².

В Харбинской епархии велась миссионерская работа, её представители занимались образовательной деятельностью. В то же время их объёмы представляются не слишком значительными. В документах встречаем упоминание о миссионерстве протоиерея Аристарха Пономарева, который за отчётный период 1932 г. провёл семнадцать миссионерских бесед³. О другой миссионерской деятельности сведений не приводится.

С учётом нахождения в инокультурной, инорелигиозной среде объёмы миссионерства представляются малыми. На наш взгляд, этому есть объяснение. В российской эмигрантской среде на севере и северо-востоке Китая подавляющее число было православных, а также представителей православной эмиграции – священнослужителей, что предопределяло отсутствие потребности в активном миссионерстве среди китайского

населения, а также неправославных эмигрантов с территории Российской империи.

В Харбине в 1931–1932 гг. «осуществлены выпуски богословских курсов. При том, что число обучающихся доходило почти до сорока, выпускалось менее десяти человек»⁴. В епархиальном центре действовала православная библиотека, работали музыкальные курсы, Церковное Братство в честь Иконы Божией Матери «Нечаянная Радость» (основано в 1923 г. при Свято-Николаевском соборе). Делалась попытка издания епархиальной газеты «Воскресенье» (разрешение на издание получено не было)⁵.

Православная жизнь продолжится сначала под юрисдикцией Зарубежного синода Русской православной церкви, затем Московской Патриархии Русской Православной Церкви. Однако положение со временем будет только осложняться. Постоянной станет нехватка средств на содержание церковных институтов. Осложнение ситуации приведет, например, к переносу, либо во второй половине 1930-х, либо в начале 1940-х гг. в Шанхай Харбинского женского монастыря.

В 1956 г. Харбин покинет последний правящий епархиальный архиерей епископ Харбинский и Маньчжурский, управляющий Восточно-Азиатским Экзархатом Московской Патриархии Преосвященный Никандр (Викторов) [7, с. 393].

На долгие годы православие на севере и северо-востоке Китая уйдёт на бытовый уровень. Однако именно в этом регионе оно начнёт своё возрождение в дальнейшем. После длительного перерыва первый православный действующий храм появится в Харбине в 1986 г. Это Покровская церковь. Службы в ней начал вести единственный, имевший на тот момент времени государственную регистрацию православный священник в стране иерей Григорий Чжу (Чжу Шипу, 朱世樸)⁶.

⁴ Там же. – Л. 22–23.

⁵ Там же. – Л. 24–35.

⁶ Китайская автономная православная церковь. – Текст: электронный // Православная энциклопедия. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/1841143.html> (дата обращения: 27.11.2021); Святейший Патриарх Кирилл (Гундяев), ОВСЦ МП Китайская автономная православная церковь: история, сегодняшний день, перспективы: доклад председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. – Текст: электронный // Русская народная линия. Информационно – аналитическая служба. – URL : http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/11/27/kitajskaya_avtonomnaya_pravoslavnaya_cerkov_istoriya_segodnyashnij_den_perspektivy/ (дата обращения: 27.11.2021).

¹ ГАРФ. – Ф. Р6343. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 20.

² Там же. – Л. 22.

³ Там же. – Л. 21.

На Территории русского Трёхречья церковь во имя Святителя Иннокентия Иркутского была освящена в конце 1990-х гг. [13, с. 202].

Заключение. Таким образом, жизнь православной церкви на севере Китая в начале четвёртого десятилетия XX в. была достаточно активной, именно в этот период времени пришлось преодолевать значительные трудности.

Проведённый анализ источников позволил автору исследования выделить факторы, повлиявшие на ухудшение положения православия на рассматриваемой территории. Это карательные походы красноармейских отрядов в русское Трёхречье, осложнение ситуации на севере и северо-востоке Китая в связи с японской оккупацией, сильнейшее наводнение в г. Харбин. Итогом стал значительный отток основных носителей православной веры – русских представителей российской эмиграции с севера страны вглубь, в Тяньзинь, Шанхай, а затем из Китая в Австралию, Южную и Северную Америку.

На наш взгляд, именно с рассматриваемого времени состояние и деятельность православной церкви на севере и северо-востоке страны кардинально изменились. Постоянно сокращалось число верующих, уезжали священнослужители, снизились доходы приходов.

Следует сказать, что далеко не все исследователи акцентируют внимание на массовом отъезде с территории севера и северо-востока Китая в конце 1920-х – начале 1930-х гг. На наш взгляд, это достаточно важно, так как в настоящее время не существует чёткой, устоявшейся периодизации истории российской эмиграции в Китае, тому подтверждение – наличие одной из реперных дат в ней и в истории православной церкви на рассматриваемой территории.

Несмотря на ухудшение ситуации в Северном и Северо-Восточном Китае в связи с японской оккупацией в целом и ухудшение финансово-экономического положения Харбинской епархии в частности, сокращение количества храмов, численности священнослужителей и верующих, православная церковь в регионе продолжала не только существовать, но и постепенно развивалась в отдельных направлениях своей деятельности. Активно работали богословские и музыкальные курсы, епархиальная библиотека, была предпринята попытка издания епархиальной газеты.

Существующие в настоящее время спорные факты, явления и события в православной истории рассматриваемого региона заставляют говорить о необходимости дальнейшей кропотливой работы с архивными документами.

Список литературы

1. Баконина С. Н. Вопрос о правовом статусе Харбинской епархии в период распространения советского влияния в Китае в 1920-е годы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. С. 49–53.
2. Баконина С. Н. Жизнь и деятельность митрополита Харбинского и Маньчжурского Мефодия (Герасимова), 1856–1931 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2016. С. 127–132.
3. Баконина С. Н. Русская православная церковь в Маньчжурии и местные китайские власти (страницы биографии епископа Камчатского Нестора [Анисимова], 1923–1928 гг.) // Общество и государство в Китае: материалы XXXIX Науч. конф. М.: ИВ РАН, 2009. Вып. 2, № 4. С. 84–105.
4. Баконина С. Н. Харбинская епархия в период распространения советского влияния в Китае (1923–1924 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. «История. История Русской Православной Церкви». 2008. Вып. 2. С. 131–153.
5. Баконина С. Н. Харбинская епархия в трудах современников (1920–1940-е гг.) // Наука и школа. 2012. № 4. С. 184–187.
6. Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014. 389 с.
7. Коростелев В. В., Караулов А. К. Последний Архипастырь Маньчжурии: к 110-летию со дня рождения архиепископа Никандра. Текст: электронный // Русская Атлантида. № 7. URL: <http://rusatlantida.narod.ru/ra7/3.htm> (дата обращения: 27.11.2021).
8. Коростелев В. В., Караулов А. К. Православие в Маньчжурии. 1898–1956. Очерки истории. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2019. 880 с.
9. Троицкая С. С. Харбинская епархия, её храмы и духовенство: к 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии, 1922 – 11/24 марта – 2002. Брисбен: Изд. Н. И. Дмитровского-Байкова, 2002. 100 с.

10. Сердюк М. Б. Особенности религиозной жизни россиян в Маньчжурии // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Каневская (г. Владивосток, 24–26 сентября 1999 г.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. Кн. 2. С. 147–151.
11. Кляус В. Л. Церкви Трёхречья // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 25–34.
12. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: ЗабГПУ, 2003. 432 с.
13. Тарасов А. П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 187–208.
14. Чжан Цзунхай. Русская православная церковь в Харбине (до захвата Маньчжурии Японией) // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 102–103.
15. Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing, 2002. 584 p.
16. Baker K. A History of the Orthodox Church in China, Korea and Japan. Lewiston; New York: Edwin Mellen Pr, 2006. 265 p.
17. Parry A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917: Their Cultural, Political, and Economic Role // The Pacific Historical Review. 1940. Vol. 9, no. 4. Pp. 401–424.
18. Parry A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917: Their Cultural, Political, and Economic Role. Ph. D. diss. Chicago: University of Chicago, 1938. 138 p.; Chicago: Berkeley, Calif, 1940. 424 p.
19. Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952: Unpublished Memoirs of Valerij Pereleshin by Thomas Hauth. Leuxenhoff: The Hague, 1996. 139 p.
20. Russian émigré authors: a biographical index and bibliography of their works on theology, religious philosophy, church history and orthodox culture 1921–1972. Compiled by Nicolas Zernov. Boston: G. K. Hall & Co., 1973. 182 p.
21. Woerl M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok. Текст: электронный // ROCOR STUDIES. Historical Studies of the Russian Church Abroad. URL: <https://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/> (дата обращения: 02.12.2021).
22. Аргудяева Ю. В. Русское население Трёхречья // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.
23. Белоглазов Г. П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии в конце XIX – 20-х годах XX в. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 5. С. 108–115.
24. Доценко П. Трёхреченская Голгофа. Текст: электронный // Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского URL: <http://www.xxl3.ru/pages/docenko.htm> (дата обращения: 27.11.2022).
25. Ностаева Е. В. Харчинский вопрос в Барге (1917 г.) // Восточный архив. 2010. № 1. С. 43–48.

Сведения об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: DRZZ@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

Для цитирования

Дроботушенко Е. В. Материалы к истории православной церкви на севере и северо-востоке Китая в начале 1930-х годов // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 8–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-8-16.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 20.04.2022.

References

1. Bakonina, S. N. The question of the legal status of the Harbin diocese during the spread of Soviet influence in China in the 1920s. Russia and China: history and prospects of cooperation. Blagoveshchensk: BGPU, 2014: 49–53. (In Rus.)
2. Bakonina, S. N. The life and work of Metropolitan Methodius (Gerasimov) of Harbin and Manchuria, 1856–1931. Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Blagoveshchensk: BGPU, 2016: 127–132. (In Rus.)

3. Bakonina, S. N. The Russian Orthodox Church in Manchuria and local Chinese authorities (pages of the biography of Bishop Nestor [Anisimov] of Kamchatka, 1923–1928). Society and the state in China: XXXIX scientific conference. Moscow: IV RAN. Issue II: 4, pp. 84–105, 2009. (In Rus.)
4. Bakonina, S. N. Harbin diocese during the spread of Soviet influence in China (1923–1924). Bulletin of PSTGU II. History. History of the Russian Orthodox Church, issue 2(23), pp. 131–153, 2008. (In Rus.)
5. Bakonina, S. N. Harbin diocese in the works of contemporaries (the 1920s–1940s). Science and school, no. 4, pp. 184–187, 2012. (In Rus.)
6. Bakonina, S. N. Church life of the Russian emigration in the Far East in 1920–1931. M: PSTGU, 2014. (In Rus.)
7. Korostelev, V. V., Karaulov, A. K. The last Archpastor of Manchuria: to the 110th anniversary of the birth of Archbishop Nikandr. Russian Atlantis, no. 7. Web. 27.11.2021. <http://rusatlantida.narod.ru/ra7/3.htm> (In Rus.)
8. Korostelev, V. V., Karaulov, A. K. Orthodoxy in Manchuria. 1898–1956. Essays on history. M: PSTGU, 2019. (In Rus.)
9. Troitskaya, S. S. Harbin diocese, its churches and clergy: to the 80th anniversary of the establishment of the Harbin-Manchurian diocese, 1922 – March 11/24 – 2002. Brisbane: Izdanie N. I. Dmitrovskogo-Bajkova, 2002. (In Rus.)
10. Serdyuk, M. B. Features of the religious life of Russians in Manchuria. Russians in the Asia-Pacific Region. Cooperation at the turn of the century. Materials of the first international scientific and practical conference. Vladivostok, 24–26 September, 1999. Vladivostok: DVU, 1999. Book 2: 147–151. (In Rus.)
11. Klyaus, V. L. Churches of the Three Rivers. Traditional culture, no. 4, pp. 25–34, 2014. (In Rus.)
12. Tarasov, A. P. Transbaikalia and China: experience in the analysis of international relations. Chita: RIS ZabGPU, 2003. (In Rus.)
13. Tarasov, A. P. Russian national volost Enhe in Barga, Russians' search for their national identity in border China. Problems of the Far East, no. 1, pp. 102–121, 2016. (In Rus.)
14. Zhang Zonghai. Russian Orthodox Church in Harbin (before the capture of Manchuria by Japan). Russia and the Asia-Pacific region, no. 4, pp. 102–103, 2001. (In Rus.)
15. Bakich, O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. N. Y. -Paris: Norman Ross Publishing, 2002. (In Engl.)
16. Baker, K. A History of the Orthodox Church in China, Korea and Japan. Lewiston, New York: Edwin Mellen Pr., 2006. (In Engl.)
17. Parry, A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917: Their Cultural, Political, and Economic Role. The Pacific Historical Review, vol. 9, no 4, pp. 401–424, 1940. (In Engl.)
18. Parry, A. Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917: Their Cultural, Political, and Economic Role. Ph. D. diss. Chicago: University of Chicago, 1938; Chicago: Berkeley, Calif, 1940. (In Engl.)
19. Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952: Unpublished Memoirs of Valerij Perelešin by Thomas Hauth. Leuxenhoff: The Hague, 1996. (In Engl.)
20. Russian émigré authors: a biographical index and bibliography of their works on theology, religious philosophy, church history and orthodox culture 1921–1972. Compiled by Nicolas Zernov. Boston: G. K. Hall & Co., 1973. (In Engl.)
21. Woerl, M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok. ROCOR STUDIES. Historical Studies of the Russian Church Abroad. Web. 02.12.2021. <https://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/> (In Engl.)
22. Argudyaeva, Yu. V. Russian population of Three Rivers. Russia and the Asia-Pacific region, no. 4, pp. 121–134, 2006. (In Rus.)
23. Beloglazov, G. P. Russian agricultural culture in Manchuria in the late 19th – 1920s. Bulletin of the FEB RAS, no. 5, pp. 108–115, 2007. (In Rus.)
24. Dotsenko, P. Trekhrechenskaya Golgotha. Red Terror during the Civil War: Based on the Materials of the Special Investigative Commission to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks. Magnetic storms of our Fatherland. Web. 27.11.2021. <http://www.xl3.ru/pages/docenko.htm> (In Rus.)
25. Nostaeva, E. V. Kharchinsky question in Barga (1917). Eastern archive, no. 1, pp. 43–48, 2010. (In Rus.)

Information about author

Drobotushenko Evgeny V., Candidate of History, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: DRZZ@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>.

For citation

Drobotushenko E. V. Materials for the History of the Orthodox Church in the North and Northeast of China in the early 1930s // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 8–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-8-16.

Received: February 11, 2022; approved after reviewing April 15, 2022; accepted for publication April 20, 2022.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья

УДК 910.4; 63.3(2)51; 327

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-17-26

Основные направления политики России в борьбе за сферы влияния на севере Тихого океана в начале XVIII века

Мария Михайловна Коскина

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия;

Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

maria14678@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6877-7647>

Статья посвящена изучению истоков колониальной борьбы европейских держав за сферы влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе в конце XVII – первой половине XVIII в. Международная обстановка, сложившаяся вокруг процесса открытия и освоения северного района Тихого океана, фактор опасения метрополий утратить сферы своего влияния выделяются как одна из главных причин продвижения стран в регионе. Систематизируются причины изучения Северо-Тихоокеанских территорий, отмечаются экономические, политические и научные предпосылки. В первой половине XVIII в. Тихий океан становится ареной геополитических интересов ведущих держав. С одной стороны, для этого периода характерно англо-французское колониальное противостояние. С другой – интерес этих стран к северу Тихого океана не был так ярко выражен в сравнении с позициями России и Испании в регионе. Тем не менее на стыке Азии и Америки произошло столкновение интересов нескольких стран, выраженное в непосредственной и потенциальной экспансии. Именно в первую половину XVIII в. прослеживается формирование международных отношений по вопросам изучения севера Тихого океана и зарождение борьбы держав за сферы влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В статье рассматривается взгляд Испании, Франции, Великобритании и России на ход колонизации Северной Америки. Российская империя представляется основным участником геополитики на севере Азиатско-Тихоокеанского региона. Систематизируются и анализируются основные направления политики России в борьбе за сферы влияния в регионе. Изучается установление российско-британских, российско-французских и российско-испанских отношений по вопросам исследования указанных территорий в первой половине XVIII в., анализируется взаимовлияние стран на процесс изучения Северо-Тихоокеанского региона и дальнейшего освоения западного побережья Северной Америки.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, сферы влияния, колонии, международные отношения, Российская империя

Благодарность: Исследование выполнено в Институте всеобщей истории РАН за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043> «Борьба за колонии на Севере Тихого океана в XVIII – первой половине XIX в.».

Original article

The Main Directions of Russian Policy in the Struggle for Spheres of Influence in the North Pacific Ocean at the Beginning of the 18th Century

Maria M. Koskina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Moscow Region State University, Mytishchi, Russia

maria14678@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6877-7647>

The article is devoted to the study of the origins of the colonial struggle of European powers for spheres of influence in the Asia-Pacific region in the late 17th – first half of the 18th century. The international situation around the process of opening and developing the northern Pacific Ocean, the fear of metropolises to lose their spheres of influence stand out as one of the main reasons for the advancement of countries in the region. The reasons for the study of the North Pacific Territories are systematized, economic, political and scientific prerequisites are noted. In the first half of the 18th century, the Pacific Ocean became the arena of geopolitical interests of leading powers. On the one hand, this period was characterized by an Anglo-French colonial confrontation. On the other hand, the interest of these countries in the north of the Pacific Ocean was not so pronounced in comparison with the positions of Russia and Spain in the region. Nevertheless, at the intersection of Asia and

© Коскина М. М., 2022

America, there was a clash of interests of several countries, expressed in direct and potential expansion. It was in the first half of the 18th century that the formation of international relations on the study of the North of the Pacific Ocean and the emergence of the struggle of powers for spheres of influence in the Asia-Pacific region were traced. The article examines the view of Spain, France, Great Britain and Russia on the course of colonization of North America. The Russian Empire seems to be the main participant in geopolitics in the north of the Asia-Pacific region. The main directions of Russia's policy in the struggle for spheres of influence in the region are systematized and analyzed. The development of Russian-British, Russian-French and Russian-Spanish relations on the study of these territories in the first half of the 18th century is studied, the interaction of countries on the process of studying the North Pacific region and the further development of the west coast of North America is analyzed.

Keywords: Asia-Pacific, spheres of influence, colonies, international relations, Russian Empire

Acknowledgements: The study was supported at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences by the Russian Science Foundation grant no. 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043>, "The struggle for colonies in the North Pacific Ocean in the XVIII – first half of the XIX centuries".

Введение. Активная колониальная экспансия европейских держав в XVIII в. привела к вовлечению в орбиту их политики обширных территорий Азии, Африки и Америки. Север Тихого океана оставался неизученным регионом, его потенциал вызывал интерес у многих стран, стремившихся расширить научные знания о мире, но также ведущих напряжённую борьбу за природные ресурсы, развитие торговли и промыслов. Конкуренция европейских государств за расширение сфер влияния являлась одной из важнейших причин дальнейшего поиска и освоения новых земель. Представляется актуальным рассмотреть малоизученный аспект темы – международную обстановку конца XVII – первой половины XVIII в., сопутствующую процессу открытия и освоения северного района Тихого океана, особое внимание уделяется Российской империи как участнику geopolitics на севере Азиатско-Тихоокеанского региона. Изучение истоков борьбы за колонии позволит понять процессы, происходившие на данной территории в более позднее время.

В отечественной и зарубежной историографии в целом поднимались вопросы изучения Азиатско-Тихоокеанского региона, которые, в том числе касались особенностей освоения этих территорий европейскими странами [1–8]. При этом международные отношения в регионе остаются малоизученной темой. Исключение составляют некоторые недавно вышедшие работы [9–14]. Вместе с тем изучение взгляда российского, испанского, французского и британского правительств на ход колонизации Северной Америки требует дальнейших исследований. Особый интерес представляет рассмотрение Российской империи как одного из главных участников процесса освоения

Азиатско-Тихоокеанского региона и анализ взаимовлияния стран в этом вопросе.

Методология и методы исследования. При написании статьи использована методология, опирающаяся на современные достижения исторической науки и учитывающая достижения междисциплинарного подхода. Применены как традиционные методы исследования – сравнительный, описательный, так и новые – элементы микроистории и др. При рассмотрении исследовательского вопроса использованы теоретические исторические (биографический, ретроспективный), а также методы смежных исторических дисциплин (метод картографии) и др. В данной статье мы опираемся на методику изучения истоков Русской Америки, предложенной А. Ю. Петровым, в частности, обращаемся к истории Русской Америки в «узком и широком аспектах» [15].

Результаты исследования и их обсуждение. Победа в Северной войне сделала Россию полноправным участником европейской международной системы. В 1721 г. Россия была провозглашена империей. Пётр I наблюдал все происходившие процессы, связанные с колонизацией новых территорий и уже видел свою страну колониальной державой, которая, закрепившись на своих западных границах, имела амбиции на южном и восточном направлениях, проявляла интерес к заокеанским территориям. В результате проведённых Петром I реформ появилась материальная база для будущих исследований: создание военно-морского флота, развитие металлургии, судостроения, торговли, астрономии, картографии и др.

Россия не принимала непосредственного участия в колониальных войнах западных стран. Однако вопрос о безопасности своих владений на Дальнем Востоке был актуален

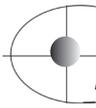
для Петровской эпохи. Оказывало своё влияние стремление Англии и Франции воспрепятствовать усилению военного могущества России. Укрепление границ, помимо других обстоятельств, требовало изучения и освоения земель в северной части Тихого океана, что являлось внешнеполитическим вопросом стратегического значения [2, с. 43]. Пётр I понимал, что у западных стран нет точных сведений о северных тихоокеанских территориях. Россия могла включиться в борьбу за колонии по праву первооткрывателя. Образование «заморских» колониальных владений могло повлиять на усиление международного положения государства и закрепление за ним статуса империи. Интерес к новым землям был вызван не только научной составляющей и экономическими факторами, но политические, стратегические причины, конкуренция стран за расширение сфер влияния, геополитические интересы укрепления своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе повлияли на дальнейшее изучение указанных территорий.

В Петровскую эпоху географические изыскания и развитие самой географии носили организованный государственный характер. Проводились широкие исследования, направленные на изучение европейской территории России, Каспийского моря и прилегающих к нему обширных территорий, восточных регионов страны. В Восточной политике Петра I мы выделяем несколько направлений: Сибирь, Китай, Дальний Восток, Тихий океан. В это время проводились поиски сухопутных путей в Китай и Индию. При проведении дипломатической миссии в Китай российскому послу поручались политические и торговые задачи по урегулированию спорных вопросов. Параллельно было необходимо производить сбор научного материала как о Китае, так и о Сибири по пути следования. При изучении внутренних районов Сибири большое внимание уделялось научным изысканиям в разных областях знания, исследованиями руководили широко образованные учёные. Плаванья по Северному Ледовитому океану были обусловлены поиском новых земель. Участие в них принимали служилые люди. Более подробно следует выделить изучение Дальнего Востока и изыскания в водах Тихого океана, проведённые российскими тихоокеанскими экспедициями конца XVII – первой половины XVIII в.

Экспедиции можно разделить по географическому признаку, поскольку они имели разные направления исследовательской деятельности. На Дальнем Востоке перед ними стояла задача открытия морского пути из Охотска на Камчатку, который мог бы предоставить возможность для плаваний по Тихому океану и поиска новых земель. Одновременно экспедиции должны были проводить изыскания вдоль западного побережья самого полуострова и южной его оконечности, изучать южные берега Охотского моря, исследовать северные Курильские острова и морской путь с Камчатки к берегам Японии. На Тихом океане экспедициям предписывалось проводить поиск земель восточнее «Анадырского носа», исследовать тихоокеанский путь в Северную Америку, установить подлинное взаиморасположение Азии и Америки. Русские географические открытия способствовали образованию «заморских» колониальных владений. Открытие Америки со стороны России являлось закономерной частью широкого колониационного движения через Сибирь к берегам Тихого океана, а затем и северо-западной части Америки [16, с. 307].

Российские тихоокеанские экспедиции можно условно классифицировать и по некоторым характеристикам организации и проведения исследований. Так, выделим государственные и частные экспедиции. Указы об организации исследовательских плаваний, как правило, исходили от императора, но сибирский губернатор мог и самостоятельно выступать за проведение исследований в регионе. Инициаторами новых изысканий могли быть сибирские казаки, которые проводили свои собственные исследования. Такие плаванья были характерны для ранних экспедиций на Дальнем Востоке. Они преследовали государственные интересы и действовали по указу императора, однако плаванья могли быть своевольными, частными (например, экспедиция И. П. Козыревского на Курильские острова). Исследования на Тихом океане также имели частную инициативу, но в основном исходили от государства. В связи с этим интерес представляет предложение Ф. С. Салтыкова по организации купеческой деятельности по освоению Азиатско-Тихоокеанского региона уже в начале XVIII в. [17].

Другим критерием в классификации проводимых исследований можно назвать

их секретный и открытый характер. Понимание необходимости исследования белых пятен на карте, в частности севера Тихоокеанского региона, присутствовало как у соотечественников, так и у иностранцев. Общественное движение народных масс на восток не было секретом для людей эпохи Петра I. Сведения о проводимых исследованиях распространялись, собирались и влияли на дальнейшее изучение новых территорий. При организации первых тихоокеанских экспедиций в инструкциях не упоминается конфиденциальность проводимых исследований. Однако, с другой стороны, организация правительственных экспедиций на Тихом океане вместе с тем носила секретный характер. Следует учитывать, что помимо официальных инструкций существовали негласные инструкции, возможно, в устной форме, либо дополнительные документы, которые уничтожались сразу после прочтения (например, экспедиция И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лукина, а также экспедиции на Камчатку В. Беринга). Как отмечают современные исследователи, одна из причин секретности была связана со стремлением избежать конфликта с западными странами по вопросам международного колониального права, нормы которого уже действовали в Западной Европе с конца XV в., но ещё не применялись в России. Наблюдалось стремление избежать конфликта с мадридским двором, считавшим север Тихого океана своими колониальными владениями [14, с. 93].

Российские тихоокеанские экспедиции можно разделить по масштабности задействованных в их организации и проведении российских регионов и структур. Изучение севера Тихого океана российскими экспедициями представляется постепенным процессом, охватывающим большой временной промежуток, в течение которого организация исследований претерпела качественные изменения. От менее масштабных экспедиций (в плане стоящих перед ними целей, количества участвующих в их осуществлении лиц, их профессионализма, финансовой стороны вопроса, вовлечённости других территорий страны и различных учреждений в их реализацию) правительство постепенно пришло к идее организации специальной глобальной экспедиции по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона, которой стала Вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга.

Со временем географические изыскания на севере Тихого океана приобрели вид единого, целенаправленного процесса, имевшего сложные и многочисленные задачи и представляющего собой волю монарха по реализации многостороннего плана открытия и освоения Азиатско-Тихоокеанского региона. Такая продуманная система организации масштабных исследований на Севере Тихого океана, подчинённая государственному контролю, вовлекающая в реализацию различные регионы страны, многочисленные учреждения, профессиональных исполнителей – участников плаваний, была заложена и во многом оформлена благодаря замыслам и деятельности Петра Великого.

В результате деятельности экспедиций были найдены новые сухопутные маршруты между Якутском и Охотском, изучен морской путь от Охотска до Камчатки, исследованы северные Курильские острова, южная часть Охотского моря и Шантарские острова. Первыми русскими, обнаружившими Северную Америку, были И. Федоров и М. Гвоздев, которым удалось подойти к «Большой земле» в 1732 г. Однако для освоения Дальнего Востока, открытия и колонизации северо-западной части Америки особое значение имели Камчатские экспедиции под руководством В. Беринга [18; 19]. В целом в первой половине XVIII в. деятельность экспедиций повлияла на изучение и освоение севера Тихого океана, подготовку дальнейших масштабных исследований, закрепление приоритета России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Одной из главных стран – участниц борьбы за сферы влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе являлась Испанская монархия. Права на испанские территории на северо-западе Северной Америки были официально заявлены на международном уровне и подтверждены географическими изысканиями ещё в XV в. Причиной возобновления испанской колонизации в XVIII в. наряду с другими обстоятельствами следует считать внешнеполитический фактор. До испанских властей доходила информация о приближении русских к северо-западному побережью Америки. Опасаясь утратить сферу своего влияния, во второй половине XVIII в. испанцы активно продвинулись в Верхней Калифорнии и основали ряд миссий [см.: 9].

В свою очередь, в России планировали составить конкуренцию испанской колони-

зации в Северной Америке, используя при этом дипломатию и слабые места испанской политики продвижения. Особое место занимали идеи по мирному освоению новых территорий. Вопросы с положением «иноверцев» в первой половине XVIII в. стояли на повестке дня, так как со времени продвижения русских на север Тихого океана продолжалось активное взаимодействие с коренными жителями [20, с. 49].

Другой страной, заинтересованной в изучении Азиатско-Тихоокеанского региона, была Франция. Проникновение французов в Северную Америку относится ко второй половине XVI в., а систематическая колонизация – к началу XVII в. В 1716 г. при посещении Франции Петром I Парижская академия наук выразила мнение о необходимости исследования взаиморасположения Азии и Америки, отталкиваясь, прежде всего, от важности проблемы, стоявшей перед географической наукой. При этом отмечалось, что подобное исследование может быть осуществлено только русским царём.

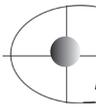
Вместе с тем Парижская академия наук обратилась к Петру I с просьбой разрешить французским ученым проехать в Сибирь, определить расстояние между восточным побережьем Азии и западным побережьем Северной Америки, изучить состав населения Америки и прилегающих к ней островов. Принимая во внимание позицию царя в этом вопросе, становится очевидным его ответ: царь заявил французским учёным, что Россия собственными средствами решит поставленную задачу. Данная ситуация подчёркивает геополитические интересы стран при изучении указанных территорий [2, с. 24–25].

Камчатские экспедиции Беринга вызвали интерес и усиливали беспокойство европейских стран. Иностранные дипломаты, в том числе и французские, стремились собрать информацию по этому вопросу. Французский посол Кампредон оставил сведения о поиске морского пути в Индию. Он сообщал, что после Северной войны главной задачей Петра I стало налаживание торговых связей с восточными странами. Посол считал, что царь направил из Архангельска два корабля для установления истинного взаиморасположения Азии и Америки и отыскания морского пути в Индию через устье реки Обь. Французский посол полагал, что если бы такой путь был найден, то Россия

могла бы составить конкуренцию Англии и Голландии, так как на его преодоление до берегов Японии уходило бы два месяца, а не полтора года как при кругосветном путешествии [17, с. 32]. Исследователи считают, что такая экспедиция могла быть реальной, но она закончилась неудачей так же, как и экспедиция на Дальний Восток из Архангельска. Французский специальный посланник Эдуар-Саломон Фонтон де ль'Этан-ла-Виль собирал сведения об исследованиях В. Беринга [9, с. 15].

Любопытное предположение было выдвинуто М. И. Беловым. Как известно, во время Первой Камчатской экспедиции В. Беринг не стал продвигаться севернее 67° 18' с. ш. и 167° з. д. и отдал приказ о возвращении на Камчатку. Исследователь предполагал, что в таком решении какую-то роль сыграли связи В. Беринга с некоторыми иностранными дипломатами. Достижение экспедицией Аляски, на территорию которой могла претендовать Франция, союзница Голландии, позволило бы закрепить эту землю по праву первооткрытия за Россией [21, с. 255–256]. Получалось, что В. Беринг не хотел плыть к берегам Аляски, поскольку мог нарушить интересы Франции. Конечно, с таким предположением едва ли можно согласиться, тем более что в 1730 г. В. Беринг подал правительству проект организации новой экспедиции к берегам Америки и Японии. Посещение Японии не могло совпадать с интересами Голландии, которая в то время являлась единственной страной, получившей от Японии право торговли [22, с. 354]. В целом стремление к исследованию Японии, возможность установления с ней контактов ещё в петровское время было актуальным вопросом. Интересно также, что Пётр I, хорошо знавший карты, считал, что Япония и Америка находятся недалеко друг от друга. Этот факт отмечается некоторыми исследователями как объяснение поиска берегов Америки вблизи Курильских островов.

Интерес Франции к российским открытиям можно рассмотреть с точки зрения научных причин, заключающихся в стремлении Франции получить новые географические сведения, собранные иностранными экспедициями. С середины XVIII в. на французских картах изображался архипелаг из предполагаемых островов на западе Тихого океана. В атласе Ж. Н. Делиля показан маршрут испанца Менданы, в «Общем

атласе» Ж. Б. де Анвиля был изображён ряд островов [23]. Результаты российских открытий также нашли своё отражение на сводных картах Франции. Французские картографы долгое время сотрудничали с Петербургской академией наук. При организации Второй Камчатской экспедиции профессор Ж. Н. Делиль был специально приглашен из Франции для утверждения будущего маршрута экспедиции.

С другой стороны, в это время происходили случаи похищения российских карт. Было установлено, что английский посол в Петербурге и некий французский агент одновременно получили карту В. Беринга без его ведома. Как выяснилось, сам Ж. Н. Делиль в больших количествах пересылал карты в Париж. Опубликованная в 1752 г. карта Делиля не соответствовала действительности и предположительно была издана одновременно для использования новых сведений и для подрыва приоритета русской науки [1, с. 253–255].

На рубеже XVII–XVIII вв. Британская империя состояла из одиннадцати колоний на восточном побережье Северной Америки и ещё не имела твёрдых позиций на севере Тихого океана. Однако Компания Гудзонова залива занималась продвижением к северо-западу Америки, границы колоний постепенно двигались на запад. В первой половине XVIII в. британские моряки неоднократно осуществляли кругосветное плавание, заходя в северную часть Тихого океана. Английские корабли достигали калифорнийского побережья, нападали на испанские суда, демонстрировали свои притязания на сферы влияния в Новом Свете [24, с. 36–40].

В XVIII в. ценные разведданные предоставляли британскому правительству дипломаты, а также военные специалисты, находившиеся на царской службе [25, с. 177–178]. Морской офицер Джон Ден помимо других фактов развития российского флота оставил интересные предположения о возможностях использования военного флота России в мирное время, в том числе для развития торговли. Кроме того, интерес представляют сведения об острове Тобаго в Вест-Индии [26]. Предложение по захвату острова Тобаго принадлежало английскому купцу Руперту Беку. В 1699 г. герцог Фердинанд просил Петра I принять под свою державу принадлежавший ранее Курляндии остров. Отмечалось, что такой шаг мог бы

положительно повлиять на развитие торговли между Россией и Латинской Америкой. Однако данный проект не был осуществлён [Там же, с. 186].

Многие страны были заинтересованы в открытии пролива Аниан и снаряжали исследовательские экспедиции. Изначально цель плаваний была научная – географические изыскания и описание новых территорий. Постепенно поиск пролива приобретал экономическое и политическое значение. Попытки иностранцев найти путь в Индию и Китай вдоль берегов Северного Ледовитого океана, как и северо-западным путём, обогнув Северную Америку, оказались безуспешными. Между тем в северо-восточном проходе вокруг Азии совершались открытия русскими путешественниками [1, с. 28].

К Петровской эпохе относятся идеи Ф. С. Салтыкова по поиску и использованию морского пути от Архангельска в Тихий океан, до Японии и Китая. По его мнению, такой путь мог бы принести большую пользу государству и позволил бы конкурировать с западными торговыми компаниями в восточных странах [17, с. 21–24]. Английский капитан Джон Перри в своей книге сообщает сведения о запланированных российских тихоокеанских экспедициях. Отмечает, что Пётр I хотел провести исследования для определения возможности прохождения кораблей мимо Новой Земли в Татарское море. Дальнейшее строительство кораблей в этом регионе и отправка их к берегам восточных стран могли бы привести к открытию нового, выгодного пути для торговли [27, с. 40–41].

Пётр I планировал проложить торговый путь в Индию и поэтому намеревался послать два корабля на Мадагаскар, который рассматривался как промежуточная станция для торговли с Индией. По инструкции кораблям было необходимо идти до Бенгалии. Пираты, обосновавшиеся на острове Мадагаскар, искали покровительства у европейских государей. Пётр I решил предложить им своё покровительство и тем самым получить стратегически важный опорный пункт в южных морях. Данное предприятие не было реализовано. Вместе с тем, следует отметить, что Пётр I обдумывал пути установления связей не только с Ост-Индией, но и с Вест-Индией, а также с Америкой, торговля с которой полностью находилась в руках Испании. В 1716 г. несколько торговых домов в Петербурге запросили право торговли с Японией и

Ост-Индией. В 1724 г. был подписан указ об учреждении компании для торговли с Испанией, в 1725 г. – указ о посылке кораблей в Средиземное море, в Кадис [2, с. 41].

В первой половине XVIII в. Тихий океан становится ареной геополитических интересов ведущих стран. Европейские державы занимались завоеванием и освоением заморских территорий. Соперничество между Францией и Великобританией за колонии стало одной из доминант европейской и мировой политики. Однако представляется необходимым рассматривать развитие международных отношений в регионе с учётом успешного продвижения Российской империи и сильных позиций Испанской монархии на данной территории. Каждая из четырёх держав была заинтересована в изучении севера Азиатско-Тихоокеанского региона как с научных, так и с экономических и политических позиций. Взаимовлияние стран, стремление к первооткрытию со всеми преимуществами этого права представляли собой импульс в дальнейшем продвижении в регионе. Изыскания держались в секрете, но дипломатические службы собирали информацию о новых географических открытиях.

Общее осложнение международной обстановки, англо-французские войны за колонии наряду с другими причинами побуждали Россию ускорить поиски новых торговых путей и исследовать неизвестные ещё земли на Тихом океане, обезопасить свои границы, утвердить правовой статус новых территорий, решить вопрос с «иноверцами». Географические изыскания на севере Тихого океана в первой половине XVIII в. приобрели вид единого, целенаправленного процесса, который должен был реализовывать многозадачный и широкомасштабный план открытия и освоения Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот процесс можно представить в виде классификации по географическим направлениям изысканий, а также по внутренним особенностям организации и проведения исследований. В свою очередь, успехи России на севере Тихого океана способствовали продвижению англичан с западного побережья Северной Америки на восточный, организации исследовательских экспедиций.

Российско-французские отношения в регионе во многом носили научный характер. Французские картографы активно сотрудничали с Петербургской академией наук. Вместе с тем понимание экономиче-

ских и геополитических интересов, связанных с планами по развитию торговли с восточными странами, также имело своё значение в дипломатических отношениях держав.

Российско-испанские отношения на северо-западе Тихого океана в конце XVII–XVIII вв. определили вектор и характер последующего освоения запада Америки. Амбициозная политика Петра I способствовала уверенному территориальному продвижению русских к Тихому океану, обеспечила расширение границ Российской империи. В России знали и учитывали позиции Испанской монархии в регионе. В свою очередь, освоение Испанией Калифорнии и продвижение на север было осуществлено во многом в результате опасений русского закрепления в Калифорнии.

Заключение. Таким образом, в рамках исследовательской статьи рассмотрена международная обстановка конца XVII – первой половины XVIII в., сопутствующая процессу открытия и освоения северного района Тихого океана. Особое внимание уделено Российской империи как участнику геополитики на севере Азиатско-Тихоокеанского региона. Удалось систематизировать и проанализировать основные направления политики России в борьбе за сферы влияния в регионе. Выделены основные направления исследовательской деятельности российских тихоокеанских экспедиций, рассмотрены особенности организации и проведения плаваний и происшедшие в этом процессе изменения. В целом удалось проанализировать причины борьбы за колонии и выделить значение международного фактора в борьбе за сферы влияния на севере Тихого океана в первой половине XVIII в. Столкновение интересов нескольких стран выразилось в непосредственной и потенциальной экспансии. Общая внешнеполитическая обстановка, научный интерес к неизвестным территориям, экономические выгоды, развитие торговых отношений, геополитические интересы, борьба за сферы влияния стали причинами активизации исследовательской деятельности в северной части Тихого океана. Открытое противостояние стран станет выражено несколько позднее, однако именно в первую половину XVIII в. прослеживается формирование международных отношений по вопросам изучения Северо-Тихоокеанских территорий и зарождение борьбы держав за сферы влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список литературы

1. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. 298 с.
2. Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М.: Мысль, 1971. 374 с.
3. Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993. 238 с.
4. Испания и Россия: дипломатия и диалог культур: три столетия отношения / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: Индрик, 2018. 926 с.
5. Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 350 с.
6. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific. 1641–1850. Cleveland: The Arthur H. Clark co., 1914. 382 p.
7. Olson W. M. Through Spanish Eyes. Spanish Voyage to Alaska, 1774–1792. Juno, Alaska: Heritage Research. 2002. 576 p.
8. Perras G. R. Review Farrow L. Seward's Folly // A New Look at the Alaska Purchase. The American Historical Review. 2018. Vol. 123. 220 p.
9. Петров А. Ю., Косторниченко В. Н., Коскина М. М. Международные аспекты колонизации северо-запада Америки и Калифорнии в конце XVII–XVIII вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. С. 7–30.
10. Косторниченко В. Н. «Русская Америка» и международная дипломатия: Франсиско Миранда при дворе Екатерины II // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 3. С. 85–97.
11. Косторниченко В. Н. Русская и Испанская Америка в XVIII веке: внешнеполитическая борьба за тихоокеанский фронт // Латинская Америка. 2020. № 11. С. 67–81.
12. Волосюк О. В. Испанцы и русские на Тихом океане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2011. № 1. С. 134–148.
13. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII в. (по материалам испанских архивов) / сост., под общ. ред. А. Ю. Петрова; ред.-сост. В. Н. Косторниченко. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2020. 218 с.
14. Петров А. Ю., Савельев И. В. Особенности правового взаимодействия участников экспедиций по изучению Тихоокеанского региона (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вопросы истории. 2021. № 9-1. С. 88–98.
15. Петров А. Ю., митрополит Климент (Капалин), Малахов М. Г., Ермолаев А. Н., Савельев И. В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 12. С. 1090–1099.
16. Всемирная история: в 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 786 с.
17. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. // Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. / гл. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1984. Т. 1. 318 с.
18. Материалы об экспедиции, снаряженной в Камчатку для открытия берегов Америки, о действиях там Беринга и Чирикова и о прекращении этой экспедиции (1733–1743) // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 341 (Собрание документальных материалов по истории российско-американской компании и русских владениях в Северной Америке). Оп. 888. Д. 1.
19. Записка [Н. С. Мордвинова?] «О правоте россиян на владение северо-западным берегом Америки...» // Российский государственный исторический архив. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2. Д. 866.
20. Петров А. Ю., Савельев И. В. Петровская эпоха и развитие института аманатства на Дальнем Востоке и севере Тихого океана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2022. № 2. С. 48–57.
21. Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956. 591 с.
22. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 425 с.
23. D'Anville J. Bourguignon Hemisphere Occidental ou du Nouveau Monde, 1771. Hemisphere Oriental ou de l'Ancien Monde. J. B. V. D'Anville Atlas general. Paris, 1761. P. 1.
24. Копелев Д. Н. От мыса Головнина к земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2021. 311 с.
25. Лабутина Т. Л. Британский морской офицер Джон Ден на службе Петра I // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 177–188.
26. Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е. Е. Путятин; вст. ст., науч. ред., пер. П. А. Кротова. СПб.: Историческая иллюстрация, 1997. 190 с.
27. Перри Джон. Состояние России при нынешнем царе / пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой; предисл. М. Семевского. М.: Изд. Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1871. 193 с.

28. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отношения, 1997. 478 с.

29. Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В., Коскина М. М. Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского университета. Серия «История». 2020. № 66. С. 130–142.

Информация об авторе

Коскина Мария Михайловна, младший научный сотрудник; Институт всеобщей истории РАН; 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; аспирант, Московский государственный областной университет; 141014, Россия, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24; e-mail: maria14678@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6877-7647>.

Для цитирования

Коскина М. М. Основные направления политики России в борьбе за сферы влияния на севере Тихого океана в начале XVIII века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 17–26. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-17-26.

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 16.09.2022.

References

1. Efimov, A. V. From the history of great Russian geographical discoveries. M: Nauka, 1971. (In Rus.)
2. Divin, V. A. Russian navigation in the Pacific Ocean in the XVIII century. M: Mysl', 1971. (In Rus.)
3. Al'perovich, M. S. Russia and the New World (the last third of the 18th century). M: Nauka, 1993. (In Rus.)
4. Spain and Russia: diplomacy and dialogue of cultures: three centuries of relations. M: Indrik, 2018. (In Rus.)
5. Labutina, T. L. British in Russia in the XVIII century. SPb.: Aleteiya, 2013. (In Rus.)
6. Golder, F. A. Russian Expansion on the Pacific. 1641–1850. Cleveland: The Arthur H. Clark co. 1914. (In Engl.)
7. Olson, W. M. Through Spanish Eyes. Spanish Voyage to Alaska, 1774–1792. Juno, Alaska: Heritage Research. 2002. (In Engl.)
8. Perras, G. R. Review Farrow L. Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. The American Historical Review. 2018. № 123. 220 p. (In Engl.)
9. Petrov, A. Yu., Kostornichenko, V. N., Koskina, M. M. International aspects of the colonization of the northwest of America and California at the end of the XVII–XVIII centuries. Bulletin of MGIMO University, no. 13, pp. 7–30, 2020. (In Rus.)
10. Kostornichenko, V. N. "Russian America" and international diplomacy: Francisco Miranda at the court of Catherine II. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social sciences, no. 3, pp. 85–97, 2018. (In Rus.)
11. Kostornichenko, V. N. Russian and Spanish America in the 18th century: foreign policy struggle for the Pacific frontier. Latin America, no. 11, pp. 67–81, 2020. (In Rus.)
12. Volosyuk, O. V. Spaniards and Russians in the Pacific Ocean. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia, no. 1, pp. 134–148, 2011. (In Rus.)
13. Russia and Spain in the northwest of America in the second half of the XVIII century. (according to the materials of Spanish archives). Ryazan: Ryazanskiy gosudarstvenniy universitet im. S. A. Esenina, 2020. (In Rus.)
14. Petrov, A. Yu., Savel'ev, I. V. Features of legal interaction between participants in expeditions to study the Pacific region (late XVII – early XVIII centuries). History issues, no. 9–1, pp. 88–98, 2021. (In Rus.)
15. Petrov, A. Yu., Kapalin, K., Malakhov, M. G., Ermolaev, A. N., Savel'ev, I. V. History and heritage of Russian America. Bulletin of the Russian Academy of Sciences, no. 12, pp. 1090–1099, 2011. (In Rus.)
16. World History: in 6 volumes. Vol. 4: Peace in the XVIII century. M: Nauka, 2013. (In Rus.)
17. Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the first half of the XVIII century. Collection of documents. Research of Russians in the Pacific Ocean in the XVIII – first half of the XIX century. V. 1. M: Nauka, 1984. (In Rus.)
18. Materials about the expedition equipped to Kamchatka to open the coast of America, about the actions of Bering and Chirikov there and about the termination of this expedition (1733–1743). AVPRI. F. 341 (Collection of documentary materials on the history of the Russian-American company and Russian possessions in North America). (In Engl.)

19. Zapiska [N. S. Mordvinova?] "O pravosti rossiyan na vladenie severo-zapadnym beregom Ameriki..." RGIA. F. 994 (Mordvinova). Op. 2. D. 866. (In Rus.)
20. Petrov, A. Yu., Savel'ev, I. V. Petrovsky era and the development of the institute of amanatstvo in the Far East and North Pacific Ocean. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences, no. 2, pp. 48–57, 2022. (In Rus.)
21. Belov, M. I. Arctic navigation from ancient times to the middle of the XIX century. History of discovery and development of the Northern Sea Route. V. 1. M: Morskoy transport, 1956. (In Rus.)
22. Grekov, V. I. Essays from the history of Russian geographical research in 1725–1765. M: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. (In Rus.)
23. D'Anville, J. 1771. Bourguignon Hemisphere Occidental ou du Nouveau Monde. Hemisphere Oriental ou de l'Ancien Monde, 1761. J. B. B. D'Anville Atlas general. Paris. P. 1. (In French)
24. Kopelev, D. N. From Cape Golovnin to the land of Alexander I: Russian round-the-world expeditions in the first half of the 19th century. M: ROSSPEN, 2021. (In Rus.)
25. Labutina, T. L. British naval officer John Den in the service of Peter I. New and recent history, no. 3, pp. 177–188, 2013. (In Rus.)
26. Den, D. The history of the Russian fleet during the reign of Peter the Great. SPb: Istoricheskaya illustratsiya, 1997. (In Rus.)
27. Perri, John. The state of Russia under the current tsar. M: Izdanie Imperatorskogo Obshhestva Istorii i Drevnostei Rossiiskih pri Moskovskom Universitete, 1871. (In Rus.)
28. History of Russian America (1732–1867): in 3 volumes. Vol. 1. Foundation of Russian America (1732–1799). M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. (In Rus.)
29. Ierusalimskiy, Yu. Yu., Davydov, V. V., Koskina, M. M. Current problems of studying Russian America in modern domestic historical literature. Bulletin of Tomsk University. History, no. 66, pp. 130–142, 2020. (In Rus.)

Information about author

Koskina Maria M., Junior Researcher; Institute of World History, Russian Academy of Sciences (IVI RAS); 32a Leninsky pr., Moscow, 119334, Russia; Postgraduate Student, Moscow Region State University; 24 Vera Voloshina st.; Mytishchi, 141014, Russia; e-mail: maria14678@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6877-7647>.

For citation

Koskina M. M. The Main Directions of Russian Policy in the Struggle for Spheres of Influence in the North Pacific Ocean at the Beginning of the 18th century // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 17–26. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-17-26.

Received: August 30, 2022; approved after reviewing September 13, 2022; accepted for publication September 16, 2022.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-27-36

**Государственная политика в области еврейского образования
в первой половине XIX века****Инна Николаевна Мамкина***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия*Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

В данной статье затрагивается проблема реформирования национального образования в Российской империи в первой половине XIX в. Автор обращает внимание на значимость ценностных установок государственной системы образования в многоконфессиональном и полиэтничном государстве. Целью статьи является анализ государственной политики в области еврейского образования. Работа написана на основе принципов научной объективности и историзма, позволяющих проследить развитие еврейского образования во взаимосвязи с другими историческими явлениями. Автором использовались проблемно-хронологический, формально-юридический, сравнительный и другие методы. Источниковая база представлена делопроизводственной документацией Комитета для определения мер коренного преобразования евреев 733-го фонда Российского государственного исторического архива, законодательными актами, регулирующими правовой статус евреев. Автором отмечено, что на протяжении длительного времени еврейская община в России сохраняла традиционную систему образования, основанную на изучении, начале иудаизма. Принятое в 1804 г. «Положение об устройстве евреев» закрепляло право евреев на светское образование с сохранением элементов традиционной школы. Отмечено, что все последующие действия правительства относительно светского образования не нашли поддержки со стороны евреев. В 1840 г. по указу Николая I образован Комитет для определения мер коренного преобразования евреев. К работе Комитета привлекались представители еврейской общественности, учёные, раввины. Результат деятельности – создание сети казённых еврейских училищ, разработка учебных программ с сохранением элементов традиционного еврейского образования. В качестве вывода автор отмечает, что результаты реформы имели неоднозначный характер. Попытка разрушения традиционной еврейской школы вызвала противодействие со стороны евреев. Вместе с тем реформа заложила основу для развития светского образования, способствовала формированию педагогических кадров.

Ключевые слова: система образования, национальное образование, традиционные ценности, евреи, казённые училища, реформа

Original article

Jewish Education State Policy in the First Half of the XIXth Century**Inna N. Mamkina***Transbaikal State University, Chita, Russia*Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

This article focuses on the problem of reforming national education in the Russian Empire in the first half of the XIXth century. The author draws attention to the significance of the value attitudes of the state education system in a multi-confessional and multi-ethnic state. The study aims to analyze the Jewish education state policy. The work is written on the basis of the principles of scientific objectivity and historicism, allowing to trace the development of Jewish education in relation to other historical phenomena. The author used problem-chronological, formal-legal, comparative, and other methods. The source base is represented by the office documentation of the Committee for Determining measures for the Radical Transformation of Jews of the 733 fund of the Russian State Historical Archive, legislative acts regulating the legal status of Jews. The author notes that for a long time the Jewish community in Russia has maintained a traditional education system based on the study of the principles of Judaism. The Regulation adopted in 1804 secured the right of Jews to secular education while preserving elements of the traditional school. It is noted that all subsequent actions of the government regarding secular education did not find support from Jews. In 1840, by decree of Nicholas I, a Committee was formed to determine measures for the radical transformation of Jews. Representatives of the Jewish community, scientists, and rabbis were involved in the work of the Committee. The result of the activity was the establishment of state-owned Jewish schools, the development of curricula with the preservation of elements of traditional Jewish edu-

© Мамкина И. Н., 2022

cation. As a conclusion, the author notes that the results of the reform were ambiguous. The attempt to destroy the traditional Jewish school provoked opposition from Jews. At the same time, the reform laid the foundation for the development of secular education, contributed to the formation of teaching staff.

Keywords: education system, national education, traditional values, Jews, state schools, reform

Введение. В современных условиях аксиологический аспект образования приобретает особое значение. Перманентное реформирование отечественной системы образования периодически сталкивается с проблемой определения ценностных установок. Для системы образования дореволюционного периода характерна ориентация на идеологему «Самодержавие – православие – народность», предложенную министром народного просвещения С. С. Уваровым [1]. По мнению С. А. Власова, успех советской системы базировался на «главной ценности русской культуры, которая в настоящее время имеет большое значение: духовность, нравственность, соборность» [2, с. 89]. Современная система отечественного образования в большей степени ориентирована на западные ценностные установки, основанные на активной деятельности и достижении успеха. Вместе с тем отметим, что негативное отношение общественности и профессорско-преподавательского сообщества к современной отечественной системе образования лишь усиливается, подчёркивая её несостоятельность. Чаще слышны разговоры о необходимости отхода от европейских моделей и возвращения к истокам отечественного опыта. На фоне всплеска исследовательского интереса к системам образования актуализируется и исторический контекст их становления, развития и деятельности.

Особый интерес представляет государственная политика в области народного просвещения. Принимая во внимание многоконфессиональный и полиэтничный состав Российской империи, обуславливающий различные ценностные установки в социокультурной среде, вопрос практической реализации триады С. С. Уварова, становится остроактуальным.

В первой половине XIX в. российское образование организационно представляло собой окружную систему, сформированную на базе действующих университетов. Административным, учебным и научным центром округа выступал университет, подчинявший себе все учебные заведения – от приходского училища до гимназии. Созданная система действовала на основе жёсткой

централизации, иерархичности при доминирующем положении государства. С приращением территории Российской империи правительство, безусловно, сталкивалось с проблемой образования населения присоединённых национальных окраин, где оно, как правило, было основано на началах традиционной религии.

Многочисленная еврейская община появилась в России в результате трёх разделов Польши. На западе империи насчитывался примерно один миллион еврейских переселенцев, со специфической социальной структурой, лишённой привычных для России дворянского, крестьянского сословия, не знающей русского языка, русской истории, культуры, традиций. Безусловно, в подобных обстоятельствах одним из насущных вопросов становится интеграция еврейского населения в российское социальное, политическое, экономическое, культурное пространство. Цель данной публикации – анализ государственной политики в области еврейского образования в первой половине XIX в.

В исторической науке еврейскому вопросу уделено особое внимание, но всё же назвать его полностью изученным нельзя. Среди публикаций дореволюционного периода можно выделить обобщающие труды по истории российского еврейства [3; 4]. Авторы изучали вопрос с точки зрения дискриминации еврейского народа, заостряя внимание на взаимоотношениях государственной власти и евреев, русского и еврейского общества, антисемитизме. Изучение собственно еврейской истории отражено в трудах С. М. Дубнова, который одним из первых обратил внимание на историю национальной школы [5; 6]. Отдельные вопросы истории национальной школы отражены в трудах Л. М. Брамсона, П. С. Марка, И. М. Чериковера [7–9]. В советской историографии национальная еврейская школа и формируемая государством казённая получили негативную оценку [10; 11]. В постсоветский период возросло внимание исследователей к истории национальной школы на уровне регионов [12–14]. Вместе с тем отдельные аспекты истории еврейского образования являются слабо изученными.

Методология и методы исследования. Методологической основой являются принципы научной объективности и историзма, позволяющие проследить развитие еврейского образования в реальном развитии и взаимосвязи с другими историческими явлениями. В работе использовались проблемно-хронологический, формально-юридический, сравнительный и другие методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Как уже отмечалось, многочисленная еврейская община появилась в России в конце XVIII столетия. В результате ряда преобразований евреи были приписаны к мещанскому и купеческому сословиям и ограничены в передвижении и расселении чертой оседлости [15]. Проживание еврейского населения ограничилось Белоруссией, Екатеринославской, Таврической областями. В царствование Павла к ним добавились губернии северо-западного, юго-западного и южного Q1 края Российской империи [Там же]. К середине XIX в. евреи проживали в 17 губерниях и областях Российской империи.

Безусловно, евреи пришли в российский социум с уже сложившимися традиционными устоями. Особую роль в общине играли раввины, обладающие учёными званиями знатоков Торы и Талмуда. Учёные мужи являлись не только духовными пастырями и хранителями традиций, по сути, они исполняли административные функции совместно с кагалом. Всеобщее уважение и почитание к ним выражалось в том числе и в доверии воспитания и образования подрастающего поколения.

Необходимо отметить, что основу традиционного еврейского образования на протяжении столетий составляло изучение основ религии в совокупности с получением элементарной грамоты. Наиболее распространённым типом еврейских училищ считались хедеры (хадаримы). Школы действовали при синагогах, либо открывались в частных домах меламами (меламадами). Отметим, что право на преподавание меламады получали у раввинов. Мальчики обучались основам иудейской веры, изучали иврит, чтение, письмо. Дети из бедных семей и сироты получали образование в талмуд-торах, содержащихся на средства из коробочного сбора. Училища находились в ведении избираемого общиной старшины. Ешиботы (иешива) во главе с Рош-Иешивой

давали высшее религиозное образование, по окончании учебных заведений присваивалось звание раввина. Таким образом, традиционная система еврейского образования была представлена тремя типами школ, реализующими преимущественно преподавание основ иудаизма [16, с. 7].

Евреи, лишённые собственного государства, сохраняя идентичность, крепко соблюдали религию предков. В архивных материалах Комитета для определения мер коренного преобразования евреев неизвестный автор довольно детально проанализировал основы религиозного образования евреев. Автор отмечал, что «Ожидание пришествия Мессии составляло главный догмат веры, основание политического и гражданского устройства»¹. В условиях раннего средневековья для сохранения национальной идентичности в основе учения раввинов лежали положения, удерживающие евреев от ассимиляции и объединения с христианством. В частности, к подобным положениям относятся следующие высказывания: «...пробывание во всякой другой земле, кроме Палестины плен», «...не должны привязываться к другой земле», евреи обязаны повиноваться собственной власти «нежели чужому правительству»². Для сохранения основ веры и установленного порядка не считалось зазорным обращаться к обману и лжи.

Возможно, автор излишне строг в изложении положений Талмуда, но в основном он прав. Иудейская религия долгое время оставалась причиной обособления еврейского народа. Нельзя сказать, что евреи не понимали ограниченности религиозного образования. Осознание потребности в модернизации проявилось в Гаскале – общественном просветительском течении, сформировавшемся под влиянием европейского Просвещения в конце XVIII в. Странники Гаскалы исходили из необходимости изучения светских наук, местных языков, не отказываясь от изучения иврита, еврейской истории, отдельных принципов иудаизма. Движение Гаскала сравнительно быстро распространилось в Европе и в начале XIX в. проникло в Россию.

В целом в начале XIX в. традиционное еврейское образование находилось под влиянием необходимости внутреннего обновления, обусловленного Гаскалой, и под-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. – Оп. 97. – Д. 13. – Л. 10.

² Там же. – Л. 12 об.–13.

вергалось воздействию со стороны государства с целью интеграции евреев в общероссийское пространство.

Одним из первых нормативных актов российских властей, закрепивших право евреев на образование, является Положение об устройстве евреев, высочайше утверждённое 9 декабря 1804 г.¹ В Положении говорилось, что «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех Российских народных училищах, Гимназиях и Университетах»². Отсутствовали и религиозные ограничения: «...никто из детей еврейских, быв в училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, не принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может»³. В случае нежелания евреев отдавать детей в государственные учебные заведения Положение закрепляло возможность «установить на счёт их особенные школы, где бы дети их были обучаемы»⁴.

Принимая во внимание многонациональный и поликонфессиональный состав населения Российской империи, евреи благодаря Положению 1804 г. получили определённый приоритет по сравнению с другими нерусскими народностями, для которых путь к образованию шёл через обязательное крещение. Анализируя нормы Положения 1804 г., нельзя сказать, что государство стремилось разрушить традиционную еврейскую систему образования. Положение предлагало альтернативу светского образования. В условиях распространения Гаскалы это был приемлемый вариант, но еврейская община им не воспользовалась. Некоторые исследователи отмечают, что причиной непопулярности светских училищ могло быть отсутствие обучения на национальном языке [17; 18]. В то же время Положение предполагало для евреев обучение не только на русском, но и на немецком или польском языках, имевших широкое распространение среди евреев, проживавших в Царстве Польском. По мнению известного исследователя Ю. И. Гессена, евреи «не желали и слышать» о русской школе [19, с. 121].

¹ Положение об устройстве евреев, высочайше утверждённое 9 декабря 1804 г. – URL: http://www.hrono.ru/dokum/ru_zid1804.html (дата обращения: 18.02.2022). Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Собственные светские учебные заведения евреи так же не спешили открывать [18, с. 144]. Странники Гаскалы содействовали открытию ряда светских еврейских школ в Одессе (1826), Риге, Вильно, но столкнулись с решительным сопротивлением ортодоксальной части еврейства [20, с. 29–30].

Таким образом, действия властей, направленные на развитие светского образования евреев, фактически не были реализованы. Еврейская община продолжала вести замкнутый образ жизни, сохраняя традиции, оберегая религию, не желая знать русский язык и русскую культуру.

Следующие шаги государства связаны с принятием Указа о кантонистах в 1827 г. Исследователи справедливо считают его одним из одиозных положений, в большей степени навредившем развитию светского образования. В школы кантонистов принудительно забирали детей нижних воинских чинов, беспризорных цыган и евреев с 12 лет, там изучали элементарную грамоту, артиллерийское дело, фортификацию и др. Срок обучения не засчитывался в действительную военную службу, по сути это была увеличенная на шесть лет рекрутская повинность, поскольку кантонисты после окончания школы призывались на военную службу. Многие авторы отмечают ужасные условия содержания в кантонистских школах, насилие, голод, телесные наказания. В народе их называли «живодёрнями» [17, с. 108]. Безусловно, привлечь евреев и другие социальные группы к светскому образованию подобные школы не могли. Царящий в них порядок способствовал не только негативному отношению к светской школе, но и отрицательному восприятию государственной политики в области еврейского образования в целом. Государство, принуждая евреев к светскому образованию, способствовало их ассимиляции среди титульной нации, что вызывало сопротивление еврейского сообщества [21, с. 104]. В 1856 г. указ о кантонистах отменил Александр II.

В августе 1827 г. принят Высочайший рескрипт, предписывающий «распространить надзор Министерства народного просвещения на все без исключения учебные заведения»⁵, кроме высших и духовных. Таким образом, немногочисленные еврейские учебные заведения попадали под контроль министерства. Как оказалось, на практике,

⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 97. – Д. 14. – Л. 48.

многие еврейские дети обучались у меламдов на дому. По данным Министерства народного просвещения, в Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской областях действовало около 2 500 домашних школ, в каждой обучалось от трёх до девяти учеников из разных семей, нанявших учителя. В Министерстве народного просвещения отмечали, что обучение носило «почти исключительно религиозное содержание»¹. Эти школы имели латентный характер и не контролировались Министерством народного просвещения. Незначительное количество действующих школ находилось в безнадзорном состоянии, «частично по недостатку общих положений по воспитанию евреев, частично по неизвестности средств к учреждению еврейских училищ в видах правительства»².

Таким образом, установить контроль Министерства народного просвещения над еврейскими школами не удалось по причине отсутствия достоверных сведений о таковых.

Вопрос о светском образовании евреев вновь подняли в 1840 г.: 27 декабря 1840 г. по указу Николая I начал работу Комитет для определения мер коренного преобразования евреев. В его состав император назначил главноуправляющего вторым отделением Императорской канцелярии Д. Н. Блудова, управляющего Министерством внутренних дел графа А. Г. Строганова, министра финансов Ф. П. Воронченко, управляющего третьим отделением Л. В. Дубельта, министра и статс-секретаря Царства Польского И. Л. Туркула³. Возглавлял Комитет министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев. Позднее в состав Комитета включён министр народного просвещения С. С. Уваров.

По идее Николая I Комитет должен был определить общие начала «о преобразовании еврейского народа... по определённым направлениям»⁴. Одним из направлений деятельности Комитета являлась подготовка реформы еврейского образования. В обязанности С. С. Уварова входила разработка проекта учреждения еврейских училищ и «вообще образование еврейского юношества»⁵.

Необходимо отметить, что Комитет подошёл к вопросам образования основательно. Прежде всего был изучен опыт европейских государств по организации еврейского образования. Члены Комитета взяли на вооружение опыт Австрии, где учителя для еврейских школ получали образование в христианских школах, школьные учебные программы и пособия составлялись евреями и утверждались властями. Отметим, что в Австрии евреям запрещалось вступать в брак без «свидетельства о том, что они учились в нормальной школе»⁶. В великом герцогстве Баден изучение иудейской религии ограничивалось правилами Моисея и пророков, «согласив их со всеми гражданскими обязанностями во время войны и мира»⁷. В Баварии запрещали изучение иудаизма без первичного образования в государственной школе. Значительное внимание уделено статусу евреев в Пруссии, закреплённому в положении Фридриха III от 17 июля 1797 г., где образование евреев находилось под контролем государства. Учителя в еврейские школы назначались властями и получали жалование из казны. В учебные программы вводились разделы о гражданских правах и обязанностях.

Во Франции внимание членов Комитета привлекло учреждение Великого Синедриона из представителей всех еврейских обществ. Из членов Синедриона избирались представители в Консistorию, осуществлявшую обучение раввинов «сообразно с законами гражданскими». Образование евреев во Франции имело гражданско-правовой акцент: «Евреи должны обращаться к полученным знаниям, покоряться гражданским законам и особенно тем, которые относятся к защите отечества»⁸. Кроме того, во Франции вводилось ограничение прав евреев на 10 лет.

Европейский опыт члены Комитета оценили положительно: «Все подобные меры при уничтожении кагалов произвели на евреев Западной Европы благодетельные последствия»⁹. Комитет признал, что образование являлось одним из эффективных средств приобщения еврейского народа к гражданскому порядку и определил основной целью будущих преобразований нравственно-религиозное образование евреев

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 97. – Д. 13. – Л. 70.

² Там же. – Д. 14. – Л. 18 об.

³ Там же. – Д. 13. – Л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Д. 14. – Л. 25 об.

⁷ Там же. – Л. 27 об.

⁸ Там же. – Л. 30.

⁹ Там же. – Л. 30 об.

в соответствии с общими гражданскими установлениями, а также уничтожение или ослабление традиционного уклада жизни евреев¹.

В реализации реформы можно выделить несколько направлений, которые Комитет определил первоначально. В организационном плане было принято решение, не ограничивая общее образование, учредить особые еврейские училища во всех городах и местечках черты оседлости. Позднее эти училища получили название казённых. Организация учебного процесса акцентировалась на нравственном аспекте: «Образование евреев учредить более нравственное, чем учёное, причём обратить основное внимание на обучение евреев русской истории и русскому языку, ибо ничто так не соединяет частные племена с народом господствующим, как распространение сведений о его истории и словесности»². Кадровое обеспечение первоначально планировалось восполнить из учителей, приглашённых из Пруссии и Австрии, местные претенденты «определялись из евреев по избранию училищного начальства», домашние учителя получали право на обучение после специального экзамена³. Учебные программы разрешили составлять раввинам на основе положений их веры, но с условием включения обязанностей «Государю и Отечеству»⁴. Комитет видел главное препятствие при реализации реформ в сопротивлении раввинов, поэтому предполагалось «для обуздания раввинов... ввести еврейские Губернские Духовные Правления»⁵.

Таким образом, правительство планировало осуществить контроль образования евреев путём создания сети казённых школ с ограниченной учебной программой и лояльным педагогическим составом. Средства на организацию школ планировалось привлечь из казны и коробочного сбора.

В процессе деятельности комитета происходила детализация ряда положений. Училища разделили на высшие и низшие. В низших предполагалось «учить только необходимому»⁶. Высшие имели расширенный курс за счёт практических и общеобразовательных дисциплин. В проекте появились

женские училища, аргументация членов Комитета сводилась к тому, что «грубость и закоренелость евреев происходит главным образом от необразованности их женщин»⁷. Приняли решение об учреждении в Вильно, Витебске и Житомире казённых школ для раввинов. Ожидая сопротивления еврейской общины, в качестве компромисса Комитет дополнил положение о руководстве раввинскими училищами немецкими учёными евреями на немецком языке. Это решение было связано с особенностью распространения в России Гаскалы, возросшей на немецкой культуре. Немецкий язык в отличие от русского имел широкое распространение среди образованных евреев и не вызывал неприятия.

Министр просвещения С. С. Уваров считал Талмуд главным препятствием в развитии светского образования, он отмечал: «Нигде влияние Талмуда не столь сильно как у нас и в Царстве Польском, ибо нигде не господствует в евреях такое невежество»⁸. По его инициативе в учебную программу училищ ввели изучение древнего еврейского языка для чтения Талмуда в оригинале. Министр был убеждён, что «лучшие из евреев чувствуют, что одна из главных причин их унижения лежит в превратном толковании их религиозных преданий» и надеялся на определённую поддержку со стороны приверженцев Гаскалы⁹.

С. С. Уваров планировал открытие высших еврейских казённых училищ в каждом административном центре (кроме Киева). Считал, что «отказывать не следует»¹⁰ в открытии высших училищ в уездных городах, если численность и влияние евреев в них возрастает. Количество низших училищ министр ставил в зависимость «от степени доверия евреев к намерениям правительства и от денежных средств, кои будут доставлены Министерству»¹¹.

Следует отметить, что в замечаниях и предложениях С. С. Уварова прослеживается некоторый либерализм, за что современники обвиняли графа в симпатиях к евреям [22, с. 214].

В ходе работы Комитета над реформированием образования евреев со стороны еврейской общины предпринимались по-

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 97. – Д. 13. – Л. 32 об.

² Там же. – Л. 36.

³ Там же. – Л. 38.

⁴ Там же. – Л. 36.

⁵ Там же. – Л. 38.

⁶ Там же. – Л. 53.

⁷ Там же. – Л. 104.

⁸ Там же. – Л. 65.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – Л. 68 об.

¹¹ Там же.

пытка затормозить реформу образования. В частности, Главноуправляющий третьего отделения граф А. Х. Бенкендорф извещал, что виленский купец, еврей Рудзинский, планировавший поездку в Санкт-Петербург по своим делам, получил от евреев деньги, «чтобы употребить оные для воспрепятствования благодетельному намерению правительства насчёт просвещения евреев»¹. От местных губернаторов поступали сообщения о недовольстве евреев готовящейся реформой. Киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков писал: «Раввины... люди, сами по себе мало просвещённые и подстрекаемые при том собственною корыстию, нарочито стараются удержать своих единоверцев во мраке невежества»².

В ответ на подобное противодействие министр народного просвещения принял ряд мер, направленных на снижение противодействия реформе еврейским сообществом. В 1842 г. для разъяснения сути реформы «равно как и успокоить евреев насчёт предположений правительства я (С. С. Уваров – *примеч. авт.*) отправил в губернии, где евреям дозволено пребывание известного мне лично управляющего Рижским еврейским училищем, раввина, доктора Лилиенталю»³. Отметим, что Максимилиан Лилиенталь являлся известным последователем Гаскаллы, возглавлял Рижское еврейское училище, которое считалось образцовым в Российской империи. Уваров рассчитывал с помощью М. Лилиенталю склонить на свою сторону представителей еврейской общины в вопросе реформирования образования. Вместе с тем поездку Лилиенталю нельзя назвать успешной. Часть еврейских общин сохранила предубеждения против светского образования.

В июне 1842 г. при Министерстве народного просвещения временно учреждена Комиссия для образования евреев. В состав Комиссии предполагалось ввести четырёх учёных евреев или раввинов, по одному от каждой губернии, для обсуждения положений реформ. После долгих поисков и согласований в Комиссию назначили бердичевского банкира, известного еврейского общественного деятеля Израиля Гальперина, директора Одесского еврейского училища, почётного гражданина Базилиуса Штерна,

раввина Менделя Шнеерсона, раввина Ицках Ицаки⁴.

В течение четырёх месяцев, с 25 апреля 1843 г., Комиссии предстояло определить правила для домашних учителей, «указать способы ограничения влияния меламадов и правила подчинения их властям, рассмотреть возможность учреждения в губерниях специальных органов для содействия учебным властям, утвердить Устав и учебные программы казённых еврейских училищ»⁵. Заседания проводились два-три раза в неделю в портретном зале Румянцевского музея: «Для перевода их (членов Комиссии – *примеч. авт.*) мыслей на русский язык» приглашён студент Санкт-Петербургского университета Мандельшам⁶. Консультантом при Комиссии со стороны властей выступал М. Лилиенталь.

Комиссия закончила работу, внося некоторые изменения в проект Устава казённых еврейских училищ, утвердила Положение об еврейских частных учебных заведениях и домашних учителях, учебные программы.

Таким образом, разработка проекта о еврейском образовании завершилась. В результате в 1844 г. утвердили Главные основания образования евреев, Положение о раввинских училищах и Положение о еврейских частных учебных заведениях и домашних учителях. Опасаясь противодействия со стороны еврейской общины, Комитет принял решение не публиковать содержание узаконений в Полном Собрании Законов Российской Империи. Всеобщему доступу власти представили Высочайший указ об учреждении особых училищ для образования еврейского юношества от 13 ноября 1844 г. Полный текст документов опубликован в 1947 г. в журнале Министерства народного просвещения и в 1864 г. в Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения [23; 24].

Заключение. Таким образом, реформа положила начало формированию государственной системы еврейского образования, включавшей общеобразовательные училища первого и второго разрядов, раввинские училища и частные школы. По статусу казённые еврейские училища соответствовали приходским и уездным училищам Министерства народного просвещения. К 1863 г. в черте оседлости действовало

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 97. – Д. 13. – Л. 78.

² Там же. – Л. 45.

³ Там же. – Л. 38.

⁴ Там же. – Л. 140.

⁵ Там же. – Л. 123.

⁶ Там же. – Л. 142.

99 училищ первого разряда, 13 – второго и две раввинские школы в Вильнюсе и Житомире¹. Принимая во внимание численность евреев в 1863 г. (1 425 784 человека), отметим, что такое мизерное количество казённых учебных заведений свидетельствует о неостребованности казённой школы. Могилёвский губернатор А. П. Беклемишев писал о казённых училищах как о «мнимых рассадниках просвещения существующих только на показ»². Киевский генерал-губернатор И. И. Васильчиков не видел пользы от казённых училищ: «...по неудачному их внутреннему устройству не пользуются никаким доверием евреев»³.

Вместе с тем реформу образования евреев нельзя оценивать односторонне. Её результаты имели неоднозначный характер. С одной стороны, она была изначально направлена на установление государственного контроля за образованием евреев, с другой – на разрушение еврейской традиционной системы образования, основанной на знании основ иудаизма. Традиционное образование для евреев являлось безусловной ценностью, залогом сохранения национальной идентичности. Не удивительно, что попытки государства ограничить или разрушить традиционную школу встречали противодействие со стороны еврейской

общины, формировали негативную оценку государственной политики относительно евреев в целом.

Вместе с тем необходимость светского образования с каждым годом становилась очевидной для прогрессивной части евреев. Реформа давала возможность евреям получить светское образование с сохранением элементов иудаизма и традиционного воспитания. Несмотря на сопротивление ортодоксальной части общины, светское образование постепенно вытесняло традиционные школы. Реформы первой половины XIX в. способствовали распространению Гаскалы в России, заложили основу светского образования, соотносимую с общегосударственной системой образования, способствовали формированию педагогических кадров. Несмотря на негативную оценку государственной политики в области еврейского образования большинства исследователей, реформы способствовали развитию еврейского светского образования. Вторая половина XIX в. ознаменовалась некоторой либерализацией государственной политики относительно евреев, уравниванием в правах государственной службы, что в совокупности способствовало притоку еврейского юношества в гимназии и университеты.

Список литературы

1. Зипункова Н. Н. Идеологема «Самодержавие – православие – народность» в политике российского государства в сфере образования и науки в первой половине XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблема реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4. С. 7–16.
2. Власов С. А. Аксиология современной российской системы образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 1. С. 87–93
3. Гинзбург С. М. Евреи в России: странички из недавнего прошлого. М.: Труд и воля, 1917. 72 с.
4. Гессен Ю. И. История евреев в России. СПб.: Право, 1914. 341 с.
5. Дубнов С. М. Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований: в 3 кн. Кн. 1. Древнейшая и древняя история до разрушения Иудейского государства римлянами. СПб., 1904–1906.
6. Дубнов С. М. Евреи в царствование Николая II (1894–1914). Петербург: Кадима, 1922. 85 с.
7. Брамсон Л. М. К истории начального образования евреев в России. СПб.: Тип.-лит. А. Е. Ландау, 1896. 76 с.
8. Марек П. С. Очерки по истории просвещения евреев в России (два воспитания). М.: О-во распространения правильных сведений о евреях и еврействе, 1900. 289 с.
9. Чериковер И. М. История Общества для распространения просвещения между евреями в России (культурно-общественные течения в русском еврействе), 1863–1913 гг. СПб.: Тип. И. Флейтмана и И. Лурье и К^о, 1913. Т. 1. 257 с.
10. Кантор Я. Национальное строительство среди евреев в СССР. М.: Власть советов, 1934. 200 с.
11. Палатник С. Культурное строительство среди евреев СССР. М.: ЦСОЗЕТ, 1931. 64 с.
12. Ключева В. П. Система еврейского светского образования в Западной Сибири в 1917–1920-х гг. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы VIII Регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2007. С. 237–242.

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 97. – Д. 14. – Л. 8.

² Там же. – Л. 38.

³ Там же.

13. Курьян З. Из истории еврейского образования в Мозыре в конце XIX – начале XX вв. // Евреи в Гомеле: история и культура (конец XIX – начало XX веков): материалы науч.-теор. конф. (21 сентября 2003 г.) / ред. А. Л. Киштым, В. А. Михедейко, В. Я. Райский. Гомель, 2004. С. 46–53.
14. Голубь И. Б. Некоторые материалы из истории становления и развития национального образования в ЕАО // Проблема трансформации исторического знания и формирования социально-ориентированной личности учителя. Биробиджан: ГОУ ВПО ДВГСГА, 2005. С. 65–73.
15. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях. СПб.: Юриспруденция, 1914. Ч. 1. С. 1–3.
16. Материалы, относящиеся к образованию евреев в России. СПб.: Тип. Рогольского, 1865. 62 с.
17. Ермолов В. А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 4. С. 100–109.
18. Баркусский И. Особенности национального просвещения (к вопросу о реформе казённого еврейского образования в николаевской России) // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. 2003. № 6. С. 141–148.
19. Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Л.: Тип. К.-О. Ленингр. губпрофсовета, 1925. Т. 1. 244 с.
20. Паперна А. И. Из Николаевской эпохи // Евреи в России. XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 557 с.
21. Гетманский Э. Еврейское образование в Российской империи. Текст: электронный // Заметки еврейской истории. 2015. № 11–12. URL: https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer11_12/Getmansky1.php (дата обращения: 28.02.2022).
22. Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. СПб.: Акад. проект, 1999. 348 с.
23. Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. LIV. С. 145–158.
24. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1864. Т. II. Отд. II. С. 910–914.

Информация об авторе

Мамкина Инна Николаевна, доктор исторических наук, доцент; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: Inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

Для цитирования

Мамкина И. Н. Государственная политика в области еврейского образования в первой половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 27–36. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-27-36.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 18.05.2022.

References

1. Zipunkova, N. N. Ideologeme “Autocracy – Orthodoxy – nationality” in the policy of the Russian state in the field of education and science in the first half of the XIX century: regulatory and legal consolidation and the problem of implementation. Bulletin of the Perm University, vol. 4, pp. 7–16, 2010. (In Rus.)
2. Vlasov, S. A. Axiology of the modern Russian education system. Context and reflection: philosophy about the world and man, no.1, pp. 87–93, 2012. (In Rus.)
3. Ginzburg, S. M. Jews in Russia: pages from the recent past. Moskva: Trud i volya, 1917. (In Rus.)
4. Gessen, Yu. I. History of Jews in Russia. St. Petersburg: Pravo, 1914. (In Rus.)
5. Dubnov, S. M. The general history of the Jews on the basis of the latest scientific research. In 3 volumes. St. Petersburg, 1904–1906. (In Rus.)
6. Dubnov, S. M. Jews in the reign of Nicholas II (1894–1914). Peterburg: Kadima, 1922. (In Rus.)
7. Bramson, L. M. On the history of primary education of Jews in Russia. St. Petersburg: pr. house by A. E. Landau, 1896. (In Rus.)
8. Marek, P. S. Essays on the history of the enlightenment of Jews in Russia (Two types of education). Moskva: O-vo rasprostraneniya pravil. svedenii o evreyakh i evreistve, 1900. (In Rus.)
9. Cherikover, I. M. History of society for the dissemination of enlightenment among the Jews in Russia (Cultural and social trends in Russian Jewry), 1863–1913. St. Petersburg: printing house by I. Fleitman, I. Lur'e i K°, 1913. V. 1. (In Rus.)
10. Kantor, Ya. National construction among Jews in the USSR. Moskva: Vlast' sovetov, 1934. (In Rus.)
11. Palatnik, S. Cultural construction among the Jews of the USSR. Moskva: TSSOZET, 1931. (In Rus.)
12. Klyueva, V. P. The system of Jewish secular education in Western Siberia in 1917 – the 1920s. Jews in Siberia and the Far East: history and modernity. Materials of the VIII regional scientific and practical conference. Krasnoyarsk, 2007. (In Rus.)

13. Kur'yan, Z. From the history of Jewish education in Mozyr in the late XIX – early XX centuries. Jews in Gomel: history and culture (late XIX – early XX centuries). Gomel, 2004: 46–53. (In Rus.)
14. Golub', I. B. Some materials from the history of the formation and development of national education in the EAO. The problem of the transformation of historical knowledge and the formation of a socially-oriented teacher's personality. Birobidzhan: GOU VPO DVGSGA, 2005: 65–73. (In Rus.)
15. Laws about Jews. A systematic review of the current legal provisions on Jews / St. Petersburg: izd. tova Yurisprudentsiya, 1914. Ch. 1. Pp. 1–3. (In Rus.)
16. Materials related to the education of Jews in Russia / St. Peterburg: tip. Rogal'skogo, 1865. (In Rus.)
17. Ermolov, V. A. Features of the education system in the national schools of the Russian Empire: Muslim and Jewish schools. Society. Wednesday. Development, no. 4, pp. 100–109, 2009. (In Rus.)
18. Barkuskii, I. Features of national enlightenment (on the issue of the reform of state-owned Jewish education in Mykolaiv Russia). Tirosh. Trudy po iudaike, slavistike, orietalistike, no. 6, pp. 141–148, 2003. (In Rus.)
19. Gessen, Yu. I. History of the Jewish people in Russia. Leningrad: pr. house K.-O. Leningr. gubprofsoveta, 1925. V. 1. (In Rus.)
20. Paperna, A. I. From the Nikolayev epoch. Jews in Russia. The XIX century. Moskva: NLO, 2000: 29–30. (In Rus.)
21. Getmanskii, E. Jewish education in the Russian Empire Zаметki evreiskoi istorii, no. 11–12, 2015. Web. 28.02.2022. https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer11_12/Getmansky1.php (In Rus.)
22. Vitteker, Ts.Kh. Count S. S. Uvarov and his time. St. Petersburg: Akad. proekt, 1999. (In Rus.)
23. Journal of the Ministry of Public Education. 1847. Ch. LIV. Pp. 145–158. (In Rus.)
24. Collection of resolutions on MNP. 1864. V. II. Otd. II. Pp. 910–914. (In Rus.)

Information about author

Mamkina Inna N., Doctor of History, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: Inna-mamkina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>.

For citation

Mamkina I. N. Jewish Education State Policy in the First Half of the XIXth Century // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. Pp. 27–36. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-27-36.

Received: April 15, 2022; approved after reviewing May 15, 2022; accepted for publication May 18, 2022.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья**УДК 070.482:27****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-37-46****Православный трансфер на восточных окраинах империи:
краткий исторический обзор газеты «Епархиальные ведомости»****Инна Игоревна Юрганова***Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия
inna.yurganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>*

Рассматривается краткая история создания и деятельности православной прессы Восточной Сибири во второй половине XIX в., определяются её цели и задачи, проводится компаративный анализ газеты «Епархиальные ведомости» Иркутской, Енисейской, Якутской и Забайкальской епархий. Отмечено, что, несмотря на широкое привлечение современными гуманитарными науками материалов епархиальной прессы как многофункционального исторического источника и элемента научного инструментария, изучение интеллектуальной составляющей епархиальной прессы в жизни общества Восточной Сибири представляется одной из лакун, что и обусловило необходимость обращения к заявленной тематике. Целью исследования является процесс формирования и эволюции газеты «Епархиальные ведомости». Определено, что, несмотря на регламентированный алгоритм, на страницах православных изданий публиковался разнообразный материал историко-этнографического характера, переводы на языках местных этносов и, выполняя социально-просветительские и коммуникационные задачи, газета содержалась на средства подписчиков. Потенциал провинциального духовенства Восточной Сибири предоставлял возможности кадрового обеспечения редакторского корпуса и авторских коллективов и, в составе главных редакторов представлена элита духовного сословия епархий: богословы, писатели, краеведы. Сделан вывод, что православные издания, в частности восточносибирская газета «Епархиальные ведомости», являлись очагом просвещения, площадкой для полемики и дискуссий по актуальной проблематике общественной мысли и обращение к составу и содержанию номеров предоставляет широкие исследовательские возможности для реконструкции повседневности восточносибирской провинции второй половины XIX – начала XX столетий.

Ключевые слова: епархиальная пресса, православные газеты и журналы, «Епархиальные ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», редакторы епархиальных газет, П. В. Громов, Ф. А. Стуков

Original article**Orthodox Transfer on the Eastern Outskirts of the Empire:
a Brief Historical Review of the Newspaper *Diocesan Gazette*****Inna I. Yurganova***Institute of Russian History Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian; Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
inna.yurganova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>*

The article examines the history of the creation and activity of the Orthodox press of Eastern Siberia in the second half of the XIXth century, defines its goals and objectives, and provides a brief comparative analysis of the newspaper *Diocesan Gazette* of the Irkutsk, Yenisei, Yakut and Trans-Baikal dioceses. We note that despite the widespread involvement of the materials of the diocesan press by modern humanities as a multifunctional historical source and an element of scientific tools, one of the gaps seems to be the study of the intellectual component of the diocesan press in the life of East Siberian society, which necessitated the appeal to the stated topic. The purpose of the study is the process of formation and evolution of the newspaper *Diocesan Gazette*. We determine that despite the regulated algorithm, a variety of historical and ethnographic material was published on the pages of Orthodox publications, including translations in the languages of local ethnic groups. The potential of the provincial clergy of Eastern Siberia provided opportunities for staffing the editorial body and author collectives, and the elite of the clergy of the dioceses was represented as part of the editors-in-chief: theologians, writers, local historians. We draw a conclusion that Orthodox publications, namely the East Siberian newspaper *Diocesan Gazette* was a center of enlightenment, a platform for polemics and discussions on topical

© Юрганова И. И., 2022

issues of public thought. An appeal to the composition and content of the issues provides extensive research opportunities for reconstructing the everyday life of the East Siberian province of the second half of the XIXth – early XXth centuries.

Keywords: diocesan press, Orthodox newspapers and magazines, *Diocesan Gazette*, *Irkutsk Diocesan Gazette*, editors of diocesan newspapers, P. V. Gromov, F. A. Stukov

Введение. «Епархиальные ведомости» – периодическое издание Русской православной церкви, публиковавшееся в 1860–1922 гг. Инициатором издания газеты стал архиепископ Херсонский и Таврический святитель Иннокентий (Борисов)¹, предполагавший обеспечение информативности и популяризации деятельности епархиальных структур и расширение коммуникаций Церкви и паствы. В 1853 г. была составлена примерная программа для епархиальной газеты, не получившая дальнейшего продвижения в связи с событиями Крымской войны и «предложенная на рассмотрение Св. Синоду преемником святителя Иннокентия архиепископом Димитрием (Муретовым)»² [1, с. 3]. Проект получил утверждение, и указ об учреждении газеты был разослан во все епархии Русской православной церкви.

Первыми, опередив херсонцев, стали издаваться «Ярославские епархиальные ведомости» (1860), что, вероятно, связано с пребыванием на ярославской кафедре архиепископа Нила (Исаковича)³. Некоторые из епархиальных изданий имели иные названия: «Духовный вестник Грузинского Экзархата», «Архангельские епархиальные известия», «Известия по Казанской епархии», «Известия по Санкт-Петербургской епархии» и др.

Периодичность номеров газеты составляла 2 выпуска в месяц (с некоторыми исключениями). По утверждённой структуре газета состояла из официальной и неофициальной частей. В первой публиковались нормативно-правовые акты, указы епархиального начальства и государственных учреждений, отчёты и другая информация

¹ Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич, 1800–1857), архиепископ Херсонский и Таврический, доктор богословия, действительный член Российской академии наук, историк, археолог, проповедник, епископ Вологодский (1841), Харьковский (1841–1847), архиепископ Херсонский (1847–1857).

² Архиепископ Димитрий (Муретов Климент Иванович, 1811–1883), епископ Православной российской церкви, в 1882–1883 гг. – архиепископ Херсонский и Одесский.

³ Архиепископ Нил (Исакович Николай Фёдорович, 1796/1798–1874), архиепископ Ярославский и Ростовский; богослов, религиовед, переводчик, мемуарист, историк церкви; Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 726. – Оп. 1414. – Д. 290.

церковных организаций и учреждений. Наполнение второй части было произвольным, но должно было содержать проповеди, поучения, духовные советы, беседы, церковно-исторические труды и другое, в зависимости от круга интересов редакции и епархиальных нужд. Несмотря на единую структуру, каждое из епархиальных изданий обладало спецификой, находящей отражение в материалах неофициальной части. Создавались постоянные церковно-исторические и этнографические рубрики, публиковались отдельные приложения. Обязательными подписчиками газеты являлись приходы, духовные училища, церковные библиотеки, братства, губернские и областные учреждения.

Цель исследования – краткий компаративный анализ епархиальной прессы Восточной Сибири, а именно газеты «Епархиальные ведомости», изучение процесса её формирования и эволюции.

Методология и методы исследования. История церковной периодической печати окраин империи представляет одну из лакун, хотя церковная журналистика XIX – начала XX в. выступала значимым сегментом провинциальной общественной мысли. Сведения о церковной прессе присутствуют в трудах историков церкви [2; 3]. Так, И. К. Смоличем даны краткие характеристики церковных журналов [4]. Данные о «Епархиальных ведомостях»⁴ имеются в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона⁵. О краеведческих возможностях издания писали Н. Ф. Сумцов, А. Н. Пыпин и др. [5; 6, с. 448–449; 7, с. 25–35; 8]. Материалы сибирских ведомостей вошли в «Русскую историческую библиографию» В. И. Межова и «Летопись...» П. П. Явловского⁶. Опубликованы библиографические указатели к местным Ведомостям. В Ир-

⁴ Далее – Ведомости.

⁵ Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907.

⁶ Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800–1854 включительно / сост. В. И. Межов. – СПб.: Сибиряков, 1892 – 1893; Явловский П. П. Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. – Якутск, 2002. – Т. 1. 1632–1800 гг. – 250 с.; 2004. – Т. 2. 1801 – 1914 гг. – 352 с.

кутске этой кропотливой работой занимался кафедральный протоиерей Д. Гагарин, в Красноярске – Д. Н. Лазарев, в Якутске было издано два указателя под авторством П. П. Явловского и Н. Е. Олейникова¹.

В советское время церковная печать трактовалась как реакционная и, как правило, не была объектом самостоятельных научных исследований: так, одна из глав коллективной монографии «Русское православие: веки истории» содержит краткий обзор церковной периодики [9, с. 463–501].

Несмотря на вовлечённость материалов дореволюционной церковной печати в современную науку в качестве многофункционального исторического источника и элемента научного инструментария исследователей, историография истории газет и журналов Русской церкви немногочисленна. Представляется значимым докторское исследование К. Е. Нетужилова содержащее систематический анализ истории развития церковной периодики, её типологию и характеристики [1; 10–11]. «Православная энциклопедия» квалифицирует Ведомости как «местные официальные периодические издания (журналы), издававшиеся в 63 епархиях Российской Православной Церкви в 1860–1922 гг.». Опубликованы статьи о церковной печати Сибири [12–17]. История и деятельность газеты якутских Ведомостей рассмотрена О. Д. Якимовым и Е. П. Гуляевой [18–20].

Обращение к истории восточносибирских Ведомостей следует предварить определением терминологии, а именно дефиниций «газета» и «журнал». В император-

¹ Гагарин Д. Указатель к Иркутским епархиальным ведомостям с 1863 по 1888 год. – Иркутск, 1889. – Ч. 1. – 264 с.; Указатель к Иркутским епархиальным ведомостям за шестнадцать лет (1888–1904.) / сост. Градо – Иркутского Кафедрального Собора священник Д. Гагарин. – Иркутск, 1905. – Вып. 2. – 138 с.; Указатель к Иркутским епархиальным ведомостям Вып. 3. Редакторы, цензоры и сотрудники Ведомостей с 1863 по 1904 г. / сост. Градо-Иркутского Кафедрального Собора священник Д. Гагарин. – Иркутск, 1905. – 23 с.; Оглавление статей, помещённых в Енисейских епархиальных ведомостях в 1884–1895 гг. / сост. Д. Н. Лазарев. – Красноярск: Тип. А. Д. Жилина, 1896. – 42 с.; Систематический указатель статей, помещённых в неофициальной части Якутских епархиальных ведомостей за первое десятилетие (1887–1897 гг.) / сост. П. П. Явловский. – Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898. – 89 с.; Олейников Н. Е. Библиографический указатель статей, напечатанных в Якутских епархиальных ведомостях за два десятилетия их издания (1897–1907). – Изд. 1. – Якутск: Якут. обл. тип., 1915. – 40 с.; Хрусталев Д. М. Основание Иркутских епархиальных ведомостей. – Иркутск, 1898. – 6 с.

ском указе из Святейшего Синода епископу Иакову (Домскому)² об издании «Якутских ведомостей» указывается: «...поручено Преосвященным тех епархий, в которых издаются какие-либо духовные журналы и ведомости...», – выделяя Ведомости из журнальной категории³. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона поясняется: «Под именем газеты разумеются периодически выходящие произведения печати, в которых сообщаются и обсуждаются текущие события и новости из области политической, общественной, религиозной, экономической, научной, художественной и т. д.», – и основным признаком, отличающим газету от других видов печатных произведений, является её периодичность от одного дня до недели: «издания, выходящие в более длительные промежутки времени, обыкновенно обозначаются терминами журнал, обозрение, сборник, впрочем, многие еженедельные издания также скорее подходят под понятие “журнала”. ...Во всяком случае, различия между газетою и журналом не так велико, как сходство между ними» [8]. Отмечено, что газеты и журналы «подлежат действию» одних законодательных норм. Один из авторов «Православной энциклопедии» протоиерей А. Троицкий указывает, что Ведомости – это журналы⁴. Журналом называет номера «Иркутских епархиальных ведомостей» их первый редактор П. Громов⁵. Современные исследователи тоже причисляют данное издание к категории журнала [13; 15; 17]. Вместе с тем автор исследования о церковной периодической печати России Е. К. Нетужилов классифицирует Ведомости как газету [1; 11]. Этому же мнению придерживается корифей истории печати и журналистики профессор О. Д. Якимов [18; 19].

Очевидно, что задачи газеты и журнала совпадают, а их отличия, характеризующие-

² Епископ Иаков (Домский Иероним Петрович, 1823–1889), магистр богословия, духовный писатель, в 1883–1889 гг. – епископ Якутский и Вилюйский.

³ Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Иакову, Епископу Якутскому и Вилюйскому // Якутские епархиальные ведомости. – 1887. – № 1. – С. 2.

⁴ Троицкий А., протоиерей. Епархиальные ведомости // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М., 2003. – Т. 18. – С. 494.

⁵ Громов П. Отчёт об издании Иркутских епархиальных ведомостей за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1865. – № 3. – С. 25–30; № 4. – С. 39–44.

ся в основном объёмом и периодичностью, в аспекте обращения к епархиальным Ведомостям не являются принципиальными, в связи с чем в исследовании используется дефиниция «газета».

Результаты исследования и их обсуждение. Первенство епархиального издания в Сибири принадлежит Иркутску (1863), затем стали издаваться Томские (1880), Тобольские (1882), Енисейские (1884), Якутские (1887), Камчатские (1894), Омские (1898) и Забай-

кальские (1900) епархиальные ведомости. К началу XX столетия в Восточной Сибири действовало четыре церковно-административных округа, были сформированы епархиальные структуры, созданы разнообразные комитеты и комиссии духовного ведомства и потенциал провинциального духовенства предоставлял возможности для кадрового обеспечения редакторского корпуса и авторских коллективов, что отражено в таблице (составлена по материалам газетных номеров).

Таблица

«Епархиальные ведомости» Восточной Сибири

Название	Годы выпуска	Периодичность	Редакторы
Иркутские епархиальные ведомости	1863–1919	еженедельно 2 раза в месяц	– прот. Громов П. В. (1863–1871); – архим. Модест (Стрельбицкий Д. К., 1871–1877); – архим. Мелетий (Якимов М. К.), иером. Гурий (Буртасовский С. В., 1877); – архим. Григорий (Полетаев Л. П.) (1878–1887); – прот. Виноградов А. А. (1888–1894); – архим. Евсевий (Никольский Е. И.) (1895–1896); – священник Подгорбунский И. А. (1897–1904); – прот. Дроздов И. Н., архим. Никон (Бессонов Н. Н.) (1905); – прот. Дроздов И. Н., архим. Евгений (Зернов С. А.) (1906–1913); – прот. Дроздов И. Н., архим. Зосима (Сидоровский А. А.) (1913–1914); – прот. Дроздов И. Н., прот. Арефьев И. А. (1914–1916); – прот. Арефьев И. А. (1917); – священник Попов П. А, Дурницын Д. Н., Одинцов М. В. (1917–1919)*
Енисейские	1884–1906, 1908–1919	2 раза в месяц	– Успенский К. (1884–1893); – Бобылев (1895–1896); – Касаткин А. (1897–1906); – Богданов А. (1908–1913); – Соболев Х. П. (1914–1919)
Якутские	1887–1917	2 раза в месяц	– прот. Добротворский С. (1887–1888); – Гербановский С. М. (1888–1889); – архим. Ионикий (Надеждин, 1890–1891); – Трусковский Н. П. (1892); – архим. Стефан (Киструсский, 1892–1894); – прот. Стуков Ф. А. (1895–1900); – Явловский П. П. (1900–1905); – священник Берденников А. (1906–1916); – Москвин Н. И., Булгаков П. (1917)
Забайкальские	1900–1919	2 раза в месяц	– священник Клобов М. (1900–1901); – Судницын А. (1902); – Сибирский В. М. (1902–1904); – священник Кузнецов Е. (1905); – Злобин М. А. (1905–1906); – священник Старков С., Стуков Н. И. (1907); – священник Старков, прот. Кузнецов Е. (1908); – Соколов Н. А., Стуков Н. П. (1908–1909); – Стуков Н. П. (1910–1913); – священник Иванов И., архим. Ефрем (1913–1917)*; – редсовет: прот. Старков С., священник Иванов И, священник Титов Ф. (1917–1919)

* Имеются указания «редактор официального отдела» и «редактор неофициального отдела»

Официальная часть иркутских Ведомостей, помимо общеимперских событий, распоряжений и указов синодального ведомства, информировала читателей о деятельности епархиальных органов и учреждений, публиковала их отчёты, сведения о перемещениях, награждениях и кончине духовных особ, пожертвованиях и присоединении к православию. Более разнообразной была неофициальная часть, именуемая «Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям». Она содержит материалы миссионерской практики; редакция, публикуя отчёты станов и записки миссионеров, наряду с успехами и достижениями не перлюстрировала авторский текст. Так, материалы о съезде сибирских миссионеров (1885) и Общесибирском миссионерском съезде в Иркутске (1910) отражают реальное положение дел о взаимоотношениях с буддизмом, язычеством, раскольничеством и сектантством.

Первым иркутским редактором стал известный в Восточной Сибири историк церкви, агиограф и публицист протоиерей П. В. Громов¹, в номерах газеты опубликовано более 70 его работ². В отчёте за первые два года редактор указывал, что издание не может «похвалиться количеством подписчиков», но в их числе генерал-губернатор Восточной Сибири, иркутский губернатор, «граждане Иркутские, Кяхтинские, Киренские, Якутские, Нерчинские, Мариинские и Московские...». П. В. Громов отмечал, что «встреча с нашими Епархиальными ведомостями в Иркутске довольно не благоприятна, и отношение к ним... довольно не любовно»³. Он писал, что ещё до выхода первого номера в газете «Амур» была опубликована статья, что данное издание приведёт причты к разорению и, недоумевая по поводу полемики, развернувшейся в местной прессе, П. В. Громов подчёркивал, что целью редакции является «не корысть» или «желание забавлять», а необходимость,

¹ Громов Прокопий Васильевич (1801–1880), кандидат богословия. Действительный член Иркутского отделения Русского географического общества, в 1862–1870 гг. – редактор «Иркутских епархиальных ведомостей».

² Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века: биобиблиографический словарь / гл. ред С. В. Мельникова. – Иркутск: ИОГУНБ, 2022. – С. 76–84.

³ Громов П. Отчёт об издании Иркутских епархиальных ведомостей за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1865. – № 3. – С. 25–30.

в связи с «удалённостью приходов и благочиний, когда епархиальные распоряжения и новости доходят по назначению не своевременно», а газета должна была облегчить служение благочинных, ранее обязанных переписывать распоряжения и рассылать их приходским клирам⁴ [12].

В 1871–1877 гг. редакцию возглавлял богослов и историк церкви архимандрит Модест (Стрельбицкий)⁵, сочинения которого также публиковались в номерах газеты⁶. После его отъезда Ведомости редактировал выпускник Казанской духовной академии архимандрит Григорий (Полетаев)⁷, он и последующие редакторы оставили добрую память у сибиряков.

Авторами публикаций были представители местного духовенства. Редакция не ограничивала аудиторию и была ориентирована на широкий круг читателей, выступая одним из коммуникационных каналов, выполняя задачи по вовлечению читателей в христианскую ментальность, предлагая доступную форму воспроизведения информации (чтение, пересказ, беседа, ответы на вопросы и др.). Исследователи отмечают, что редакционно-авторский коллектив использовал разные стратегии освоения коммуникационного пространства: историческую и повседневную провинциологию, когда первая строилась на описании памятников, фиксации преданий, публикаций, документов, а вторая – на фиксации религиозной жизни и этнографических особенностей, например, летопись Иркутской Крестовоздвиженской церкви, описания городов Илимска и Верхоленска. Так, результатом работы протоиерея А. И. Сулоцкого в Тобольском архиве стали публикации о Тобольском митрополитом Арсении (Мацевиче) [21].

Спустя два десятилетия увидело свет епархиальное издание Енисейской епархии, учитывая опыт иркутских коллег, редакция обращала внимание, что «без сочувствия же

⁴ Там же.

⁵ Архимандрит Модест (Стрельбицкий) Даниил Константинович, 1822–1902), магистр богословия, архиепископ Волынский и Житомирский.

⁶ Громов П. Отчёт об издании Иркутских епархиальных ведомостей за 1863 и 1864 гг. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1865. – № 3. – С. 2–30.

⁷ Архимандрит Григорий (Полетаев) Лев Петрович, 1831–1914), магистр богословия, профессор богословских наук, с 1881 г. – редактор газеты «Московские епархиальные ведомости».

и поддержки духовенства единичная работа редакции, даже и при всём её старании, не будет иметь успеха»¹. В 1905 г. на заседаниях епархиального съезда было принято решение о «преобразовании епархиального органа печати сообразно запросам современной церковно-общественной жизни»². По благословию енисейского владыки и разрешению Святейшего Синода, новое издание должно было стать еженедельным с названием «Енисейский церковный вестник» и редакцией из пяти членов. Первый номер Вестника был опубликован в 1907 г., но, по мнению местного духовенства, он не оправдал надежд и «не только не улучшился..., но и значительно ухудшился»³. В связи с этим предлагалось вернуться к прежней периодичности, ответственным редактором газеты был избран преподаватель Красноярской духовной семинарии А. С. Богданов. Епархиальный архиерей вновь поддержал доводы духовенства и обратился в Святейший Синод. Данный факт даёт основание говорить о заинтересованности духовенства Енисейской епархии в реформировании газеты. Кроме того, новой рубрикой (отделом) газеты должны были стать «ответы редакции», предусматривающие диалог с читателями. В 1914 г. был изменён дизайн титульного листа, в 1919 г. обложка издания приобрела журнальный вид. После прекращения публикации Ведомостей в 1919 г. в Красноярске вышла газета «Общее дело», издателем которой выступил Совет кафедрального собора. Новая газета должна была объединять верующих, но её деятельность в изменившихся исторических условиях была недолговечной.

Инициатива создания «Якутских епархиальных ведомостей» принадлежала епископу Иакову (Домскому). Указом Святейшего Синода в 1884 г. было разрешено издавать газету в г. Якутске, но из-за несовершенства местной типографии организационный период затянулся, и первый номер был опубликован в 1887 г. Ведомости стали первым официальным областным периодическим изданием, так как первый номер органа местной администрации газеты «Якут-

ские епархиальные ведомости» увидел свет в январе 1892 г. [18, с. 29]. После появления областного издания в епархиальной газете публиковались наиболее значимые новости и области, и генерал-губернаторства. «Систематический указатель статей, помещённых в неофициальной части газеты за её первое десятилетие» выделяет 10 основных разделов Ведомостей, в библиографическом указателе за 1897–1907 гг. указано более 20 подрубрик, воссоздающих представление о многоаспектности региональной епархиальной прессы⁴.

Редакторами Ведомостей были преимущественно ректоры духовной семинарии, из числа которых следует выделить богослова и историка церкви протоиерея Ф. А. Стукова⁵. Автор летописи города Якутска П. П. Явловский, возглавивший редакцию в 1900–1905 гг., писал: «С половины 1895 года... редакция поступила в новое заведование вновь назначенного ректора семинарии протоиерея Фёдора Андреевича Стукова, который с честью несёт на себе эту нелёгкую обязанность... При новом редакторе, лице высоко просвещённом, ...ведомости обогащались, обогащаются и надеются будут обогащаться многими прекрасными исследованиями и заметками, в большинстве случаев принадлежащими перу самого редактора и имеющими огромный интерес в историческом, этнографическом, бытовом и нравственно-религиозном отношении»⁶.

⁴ Систематический указатель статей, помещённых в неофициальной части Якутских епархиальных ведомостей за первое десятилетие (1887–1897 гг.) / сост. П. П. Явловский. – Сергиев Посад. – 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898. – 89 с.; Олейников Н. Е. Библиографический указатель статей, напечатанных в Якутских епархиальных ведомостях за два десятилетия их издания (1897–1907). – Изд. 1. – Якутск: Якут. обл. тип., 1915. – 40 с.

⁵ Стуков Фёдор Андреевич (1855 – не ранее 1917 г.), протоиерей, богослов, мемуарист, историк церкви. В 1895–1907 гг. – ректор Якутской духовной семинарии, в 1895 г. – главный редактор газеты «Якутские епархиальные ведомости».

⁶ Явловский П. П. Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. – Якутск, 2002. – Т. 1. 1632–1800 гг. – 250 с.; 2004. – Т. 2. 1801–1914 гг. – С. 126; Стуков Ф. А. Материалы для характеристики деятельности Якутской епархии за истекшее 25-летие со времени учреждения в Якутске самостоятельной епископской кафедры и открытия Епархиального миссионерского комитета // Якутские епархиальные ведомости. – 1895. – № 12–13; Стуков Ф. А. Краткий отчёт деятельности Якутского епархиального Комитета православного миссионерского общества и миссии, находящейся в его ведении, за истекшее двадцатипятилетие (1870–1895) // Якутские епархиальные ведомости. – 1895. – № 14–15.

¹ От редакции // Енисейские епархиальные ведомости. – 1884. – № 1. – С. 8–9.

² Богданов А.С. По поводу перемены редакции и преобразования «Енисейского вестника» в «Енисейские епархиальные ведомости» // Енисейские епархиальные ведомости. – 1908. – № 1. – С. 17–23.

³ Там же.

Якутские Ведомости привлекали внимание к ранее не известным историческим источникам, публикуя статьи по истории Спасского мужского монастыря и летописи храмов, не потерявшие актуальность в настоящее время. Читатели газеты одними из первых узнавали о находке колымского мамонта «целым, с мясом, шкурой и даже непереваренной пищей (травой) в желудке», останков бизона и древней лошади¹. Важной составляющей издания стала публикация якутских переводов священных и богослужебных книг с целью интеграции местных этносов в христианский мир. Отметим, что публиковались и возникающие дискуссии по вопросам транскрипции переводов.

С 1900 г. в г. Чите начали издаваться «Забайкальские епархиальные ведомости». Необходимость создания печатного органа была предметом обсуждения участников II Съезда местного духовенства (1897), но в связи с отсутствием типографии решение вопроса не состоялось, материалы по православию в Забайкалье продолжали публиковаться в Ведомостях в Иркутске. Издателем новой газеты стала Забайкальская и Нерчинская епархия, после апреля 1917 г. – Забайкальское епархиальное братство Святителей Кирилла и Мефодия [17, с. 40]. В первом номере газеты указывалось: «"Забайкальские епархиальные ведомости" ... имеют своей задачей не только познакомить духовенство епархии с распоряжениями и мероприятиями высших органов духовного управления и местных епархиальных учреждений, а также с внешней церковной и внутренней религиозно-нравственной стороной епархии, но и по возможности, содействовать развитию этих сторон через указание здоровых приёмов, выработанных церковной практикой». Первым редактором стал преподаватель женского епархиального училища священник М. Колобов².

Издание газеты сопровождали трудности: из номера в номер публиковались просьбы о перечислении оплаты в связи с финансовыми затруднениями; не удавалось решить проблему типографского обеспечения, газета «кочевала» от одного печатного органа к другому и была вынуждена объединять номера (по два или три).

¹ Е. Н. По поводу находки Колымского мамонта // Якутские епархиальные ведомости. – 1902. – № 4. – С. 59–60; № 5. – С. 72–73.

² Колобов М. От редакции // Забайкальские епархиальные ведомости. – 1900. – № 1. – С. 1.

Забайкальские Ведомости публиковали материалы о миссионерской деятельности и носили полемический характер, выходили в свет актуальные материалы по истории ламаизма и о старообрядчестве, этнографические очерки и статьи по истории православия в крае. Приложениями к Ведомостям стали журналы епархиальных съездов, годовые отчёты о состоянии церковных школ, учебные материалы, отдельные проповеди и воззвания, брошюры и листки. Газета четырежды меняла дизайн обложки: в 1909 г. она приобрела журнальный формат, в 1912 г. – новая обложка, с 1916 г. – вновь газетный заголовок, а несколько последних номеров 1919 г. были опубликованы с полноценной обложкой по типу журнала.

В середине XIX в. была учреждена Камчатская, Курильская и Алеутская епархия, в состав которой вошли территории северо-восточной Азии и российские владения на северо-западном берегу Американского континента. В связи с отсутствием квалифицированных кадров и недостатком финансирования открытие Камчатской духовной консистории было отложено, функции консистории возложили на содержащееся за счёт духовенства духовное правление. В 1863 г., после присоединения дальневосточных территорий в г. Благовещенске, была открыта духовная консистория, с 1894 г. «Камчатские епархиальные ведомости» издавались в Благовещенске [22]. В 1899 г., после разделения Камчатской епархии (на Благовещенскую и Владивостокскую), газета получила название «Благовещенские епархиальные ведомости» с продолжением прежней нумерации³. Несмотря на краткий период деятельности на страницах «Камчатских епархиальных ведомостей» были опубликованы интересные материалы по истории епархии и миссионерства на Амуре и др.⁴

Заключение. Епархиальная пресса не ставила целью получение прибыли. Высокая стоимость типографских услуг, скудность обеспечения духовенства, ограниченность

³ «Владивостокские епархиальные ведомости» – епархиальный орган Владивостокской епархии, начал издаваться с 1903 г.

⁴ Рункевич С. Камчатские епархиальные ведомости. – Текст: электронный // Православная Богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Т. 5. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-5-donskaja-parhija-ifika/429> (дата обращения: 29.01.2022).

круга подписчиков приводили к нерентабельности её издания. В целом по империи стоимость номеров газеты «Епархиальные ведомости» составляла от 2 рублей 25 копеек до 6 рублей за номер. Цена енисейских Ведомостей была 6 рублей (с пересылкой); забайкальских – 6 рублей 50 копеек (с пересылкой); якутских – 10 рублей (за год, т. е. за два номера с пересылкой). Иркутская редакция предлагала дифференцированную оплату, когда годовая подписка составляла 5 рублей 50 копеек (с пересылкой и доставкой); полугодовая – 3 рубля, трёхмесячная – 1 рубль 50 копеек; стоимость одного номера составляла 30 копеек. Таким образом, наиболее дорогой являлась годовая подписка забайкальских, а наиболее доступной – иркутских Ведомостей.

Редакции Ведомостей не публиковали финансовые отчёты¹, в связи с чем не представляется возможным охарактеризовать их материальное положение, но систематические обращения к читателям с просьбами о своевременной оплате за подписку, проблемы оплаты печати, экономия канцелярских принадлежностей и отсутствие штатных со-

трудников свидетельствуют о финансовой несостоятельности [21]. Некоторым исключением являются енисейские Ведомости, содержание которых было предметом заботы епархиальных съездов.

В целом епархиальные издания отвечали поставленным задачам. Газета являлась очагом просвещения, площадкой для полемики по актуальной проблематике восточносибирских окраин. Уважительное отношение к истории предоставило возможности авторским коллективам обобщить и популяризировать обширный этнографический материал, обеспечив изданию ценность исторического источника. Газета информировала читателей о проведении просветительских мероприятий, предлагала духовную и светскую литературу, печатала объявления и епархиальную хронику, позволяющую реконструировать повседневность восточносибирской провинции второй половины XIX – начала XX в. Развитие духовной журналистики не ограничивалось рамками духовного сословия и способствовало культурным коммуникациям различных слоёв общества.

Список литературы

1. Нетужилов К. Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: историко-типологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2010. 42 с.
2. Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898. 332 с.
3. Рункевич С. Г. Русская Церковь в XIX в. СПб., 1901. 232 с.
4. Смолич И. К. История русской церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 2. 798 с.
5. Сумцов Н. Ф. Губернские и епархиальные ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии // Киевская старина. 1885. № 2. С. 5–9.
6. Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV. 600 с.
7. Виноградов Г. С. Родиноведение в школе // Вестник просвещения. 1921. № 1. С. 25–35; № 5. С. 63–78.
8. Азадовский М. К. Задачи сибирской библиографии // Сибирские записки. 1919. № 6. С. 97–115.
9. Русское православие: веки истории. М., 1989. 719 с.
10. Нетужилов К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 21-1. С. 174–182.
11. Нетужилов Е. К. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 268 с.
12. Акулич О. А. «Иркутские епархиальные ведомости» как краеведческий источник // IV Романовские чтения: материалы науч.-практ. конф. Иркутск, 2008. С. 25–30.
13. Лихачева Ю. Н. «Енисейские епархиальные ведомости» как источник по изучению социального облика духовенства г. Енисейска. Текст: электронный // Молодёжь и наука: материалы VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящённой 50-летию первого полета человека в космос. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html> (дата обращения: 03.03.2022).

¹ Исключение составляет номер минских Ведомостей за 1880 г., причиной появления которого явился отказ некоторых священников выписывать газету, и по распоряжению епархиального архиерея оплату за подписку стали вычитать из сумм, поступающих из духовной консистории в качестве жалованья священников, после чего была опубликована «Смета расхода и прихода средств по изданию “Минских епархиальных ведомостей”».

14. Алексеева Л. С. Деятельность духовенства Томской епархии по сохранению исторического и культурного наследия в XIX – начале XX в. (по материалам «Томских епархиальных ведомостей») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2. С. 27–31.

15. Суханова Н. Н., Крючкова Т. А., Воробьева Е. Л. Круг исследовательских интересов и публикационная активность редакторов «Иркутских епархиальных ведомостей» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 148–155.

16. Юрганова И. И. Культурный трансфер православия на окраины империи: газета «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917 гг.) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 118–130.

17. Дроботушенко Е. В. Типологические признаки периодического издания Забайкальской и Нерчинской епархии «Забайкальские епархиальные ведомости»: источниковедческий анализ // Современная научная мысль. 2021. № 1. С. 38–43.

18. Якимов О. Д. Очерки истории печати Якутии. От формирования предпосылок для возникновения печати до Февраля 1917 г. М.: Гендальф, 1998. 172 с.

19. Якимов О. Д. Печать национальных окраин Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2000. 120 с.

20. Гуляева Е. П. Издательская деятельность русской православной миссии в Якутии (1812–1916 гг.) // Якутский архив. 2002. № 4. С. 81–94.

21. Молокова Л. В. Значение церковной периодики в общественной жизни регионов второй половины XIX – начала XX вв. (на примере «Иркутских епархиальных ведомостей») // Омский научный вестник. 2007. № 3. С. 92–93.

22. Капранова Е. А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской православной церкви на Дальнем Востоке России (1840–1918 гг.): автореф... дис. канд. ист. наук: 07.02.00. Благовещенск, 2003. С. 12–13.

Информация об авторе

Юрганова Инна Игоревна, доктор исторических наук; Институт российской истории РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; 677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1; e-mail: inna.yurganova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>.

Для цитирования

Юрганова И. И. Православный трансфер на восточных окраинах империи: краткий исторический обзор газеты «Епархиальные ведомости» // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 37–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-37-46.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 14.08.2022; принята к публикации 16.08.2022.

References

1. Netuzhilov, K. E. Formation of the system of church periodicals in Russia of the XIX – early XX centuries: historical and typological analysis. Dr. sci. diss. abstr. SPb., 2010. (In Rus.)
2. Runovskiy, H. Ecclesiastical and civil legislation concerning the Orthodox clergy during the reign of the Imp. Alexander II. Kazan, 1898. (In Rus.)
3. Runkevich, S. G. The Russian Church in the XIX century. St.Petersburg, 1901. (In Rus.)
4. Smolich, I. K. The history of the Russian Church. 1700–1917. Part 2. Moscow, 1996. (In Rus.)
5. Sumtsov, N. F. Provincial and Diocesan Gazette as a guide in the study of the Russian history and ethnography, no. 2, pp. 5–9, 1885. (In Rus.)
6. Pypin, A. N. History of Russian Ethnography. Vol. IV. SPb., 1892. (In Rus.)
7. Vinogradov, G. S. Homeland studies at school. Herald of Enlightenment. Chita, 1921, no. 1, pp. 25–35; no. 5, pp. 63–78. (In Russ.)
8. Azadovskiy, M. K. Tasks of the Siberian bibliography. Siberian Notes, no. 6, pp. 97–115, 1919. (In Rus.)
9. Russian Orthodoxy: milestones of history. Moscow, 1989. (In Rus.)
10. Netuzhilov, K. E. Diocesan Periodical Press in Pre-Revolutionary Russia. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, no. 21-1, pp. 174–182, 2006. (In Rus.)
11. Netuzhilov, E. K. The Church periodical press in Russia of the XIX century. St. Petersburg, SPbGU-Publ., 2008. (In Rus.)
12. Akulich, O. A. Irkutsk Diocesan Gazette as a local history source. IV Romanovskie chteniya: nauchn.-prakt. konf. Materialy. Irkutsk, 2008: 25–30. (In Rus.)
13. Likhacheva, Yu. N. “Yenisei Diocesan Gazette” as a source for the study of the social appearance of the clergy of Yeniseisk. Collection of materials of the VII All-Russian scientific and technical conference of students,

graduate students and young scientists, dedicated to the 50th anniversary of the first manned flight into space. Web. 03.03.2022. <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section05.html>. (In Rus.)

14. Alekseeva, L. S. The activity of the clergy of the Tomsk Diocese for the preservation of historical and cultural heritage in the XIX- beginning. XX centuries (based on the materials of the Tomsk Diocesan Gazette). Bulletin of the Kemerovo State University, no. 2, pp. 27–31, 2014. (In Rus.)

15. Sukhanova, N. N., Kruchkova, T. A., Vorob'eva, E. L. The range of research interests and publication activity of the editors of the Irkutsk Diocesan Gazette. Bulletin of Irkutsk State Universitet, vol. 21, pp. 148–155, 2017. (In Rus.)

16. Yurganova, I. I. Cultural Transfer of Orthodoxy to the Outskirts of the Empire: Yakut Diocesan Gazette (1887–1917). The people and religion of Eurasia, no. 4, pp. 118–130, 2021 (In Rus.)

17. Drobotushenko, E. V. Typological features of the periodical of the Trans-Baikal and Nerchinsk diocese "Trans-Baikal Diocesan Gazette": source analysis. Modern scientific thought, no. 1, pp. 38–43, 2021. (In Rus.)

18. Yakimov, O. D. Essays on the history of the press of Yakutia. From the formation of prerequisites for the emergence of the press until February 1917. Moscow, Gendal'f Publ., 1998. (In Rus.)

19. Yakimov, O. D. The seal of the national suburbs of Siberia and the Far East. Novosibirsk. Nauka Publ., 2000. (In Rus.)

20. Gulyaeva, E. P. Publishing activity of the Russian Orthodox Mission in Yakutia (1812–1916). Yakut archive, no. 4, pp. 81–94, 202. (In Russ.)

21. Molokova, L. V. The importance of church periodicals in the public life of the regions of the 19th century – the beginning of the 20th centuries (using the example of the Irkutsk Diocesan Gazette). Omsk Scientific Bulletin, no. 3, pp. 92–93, 2007. (In Rus.)

22. Kapranova, E. A. Development of the church-administrative structure and management of the Russian Orthodox Church in the Russian Far East (1840–1918): abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Blagoveshchensk, pp. 12–13, 2003. (In Rus.)

Information about author

Yurganova Inna I., Doctor of History; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117292, Russia; Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 1 Petrovsky st., Yakutsk, 677007, Russia; e-mail: inna.yurganova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>.

For citation

Yurganova I. I. Orthodox Transfer on the Eastern Outskirts of the Empire: a Brief Historical Review of the Newspaper *Diocesan Gazette* // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 37–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-37-46.

Received: July 10, 2022; approved after reviewing August 14, 2022; accepted for publication August 16, 2022.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

INTERCULTURAL INTERACTION IN HISTORICAL DEVELOPMENT

Научная статья

УДК 82.091

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58

**Пограничные локусы в историко-культурном контексте: геопэтика границы
(на литературно-фольклорном материале
российско-китайского и мексикано-американского пограничья)**

Татьяна Викторовна Воронченко

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
tavoronch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7913-3057>*

Статья посвящена рассмотрению феномена границы в изменяющейся исторической реальности двух географически удалённых друг от друга территорий, что является актуальным в связи с возрастанием на рубеже XX–XXI вв. интереса к «пограничным исследованиям» (“border studies”) как новой междисциплинарной научной области, объединяющей историю, географию, политологию и филологические разыскания. К анализу привлечены фольклорные и литературные произведения, сюжеты которых локализованы на границах между Россией и Китаем: Юго-Восток Сибири и Дальний Восток (Забайкалье), США и Мексикой: американский Юго-Запад (Нью-Мексико, Техас, Калифорния). Цель статьи – выявление типологических сходжений и различий в художественном изображении указанных пограничных локусов в контексте их исторического развития. Методологическую основу исследования составляют работы, посвящённые геокультурным и геопэтическим аспектам изучения литературы. В статье использованы культурно-исторический, сравнительно-типологический, структурно-семиотический методы, применяется аксиологический анализ текста. Подтверждено, что основным принципом геопэтики текстов российско-китайского и мексикано-американского пограничья является антитетичность, построенная на противопоставлении «свой/чужой». Выявлено, что рассматриваемые фольклорные и литературные произведения демонстрируют определённые типологические сходжения в создании геопэтического образа границы, которые заключаются в представлении бескрайнего пространства как базовой составляющей образа и выделении типа сильного, активного «героя границы». Различия в обрисовке образов обусловлены особенностями исторического процесса, соответственно, различными ценностными приоритетами. Перспективы изучения феномена границы в историко-культурном контексте могут быть связаны с расширением поля «пограничных исследований» за счёт интеграции исторических и филологических разработок.

Ключевые слова: пограничный локус, «пограничные исследования», историко-культурный контекст, российско-китайское пограничье, мексикано-американское пограничье, геопэтика, геопэтический образ границы

© Воронченко Т. В., 2022

Original article

**Border Loci in Historical and Cultural Context: Geopoetics of Border
(Based on Literature and Folklore of Russian-Chinese and Mexican-American Borderlands)****Tatiana V. Voronchenko***Transbaikal State University, Chita, Russia*tavoronch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7913-3057>

The article deals with the phenomenon of border in changing historical reality of two distant territories, that is important today due to the increasing interest in "border studies" as a new interdisciplinary scientific field that combines history, geography, political science and philological research at the turn of 21st century. The study involves folklore and literary works, the plots of which are localized on the borders between Russia and China: the South-East of Siberia and the Far East (Transbaikalia), the USA and Mexico: the U. S. South-West (New Mexico, Texas, California). The purpose of the article is to identify typological convergence and differences in the artistic depiction of these boundary loci in the context of their historical development. The methodological basis of the research is made up of works devoted to the geocultural and geopoetic aspects of literary studies. The article uses cultural and historical, comparative and typological, structural and semiotic methods and axiological text analysis. It is confirmed that essential geopoetic principle of the Russian-Chinese and Mexican-American borderland texts is antithesis built on the opposition of "friend/foe". It was revealed that folklore and literary texts demonstrate convergences in the geopoetic image of the border: boundless space considered basic element of imagery and a certain type of strong and active "border hero". Differences in the depiction of the images result from the peculiarities of the historical process and, accordingly, the different value priorities. Prospects for the research can be associated with the expansion of the "border studies" field by means of history and philology integration.

Keywords: border locus, border studies, historical and cultural context, Russian-Chinese border, Mexican-American border, geopoetics, geopoetic image of the border

Введение. Обращение к топосу границы продиктовано тем, что «пограничные исследования» ("border studies") как новая междисциплинарная научная область занимают, по утверждению одного из ведущих специалистов по постколониализму М. В. Тлостановой, в последние десятилетия «одно из ключевых мест в мировой гуманитарной мысли» [1, с. 64]. Как отмечает профессор РАН В. А. Колосов, «исследования границ, зародившиеся главным образом в лоне географии, охватывают теперь широкий спектр дисциплин» [2, с. 17], среди которых он выделяет историю и искусствоведение, подчёркивая актуальность рассмотрения образа границ в искусстве. Литература и фольклор, являясь видом искусства, выступают особым способом познания и отражения исторической действительности. Приграничные территории и в целом пространство трансграничья представляют этноконтактную среду, место встречи и наиболее интенсивного взаимодействия культур в исторической перспективе, что получает художественное осмысление в различных фольклорных и литературных жанрах. По меткому замечанию Л. Б. Вардомского, профессора РАН, «именно в приграничных регионах эти проблемы наблюдаются в концентрированном виде и в единстве» [3, с. 7].

Сближение филологических исследований с «пограничными» связано с изучением художественной репрезентации границы как географически конкретного порубежного пространства на линии разделения государственных территорий, «межпространственности» [1, с. 70]. Среди публикаций последнего десятилетия в данном направлении следует отметить ряд работ, посвящённых локальной специфике образов государственной границы. Так, Е. Г. Сойни обращается к исследованию эволюции темы русско-финляндской границы в поэзии и прозе начала XX в. [4]. А. Г. Разумовская в статье «Феномен псковского пограничья в литературном сознании» прибегает к раскрытию образа пограничья как особой территории [5]. М. В. Ясинская подвергает анализу «пограничные нарративы» – рассказы словенцев о границе между Италией и Словенией [6], выявляет специфические мотивы и темы пересечения границы, притяжения-отталкивания «своего» и «чужого», возникновения и ломки стереотипов.

В данной статье проблематика конструирования образа определённой территории, локуса рассматривается в аспекте *геопоэтики* – области литературоведения, в которой, по утверждению профессора Тихоокеанского государственного университета О. Н. Александровой-Осокиной, получают

осмысление «особенности художественного освоения пространства, взятого в целостности природоведческого и историко-культурного начал и ценностно прочитанного» [7, с. 217]. Таким образом, с позиций геопозитики под границей понимается географическое пространство как природное, историко-культурное и ценностно-смысловое единство.

Выбор материала для данной статьи неслучаен. К исследованию привлекаются фольклорные и литературные произведения, сюжеты которых локализируются на границах между Россией и Китаем: Юго-Восток Сибири и Дальний Восток (Забайкалье), США и Мексикой: американский Юго-Запад (Нью-Мексико, Техас, Калифорния). Обращение к двум географически удалённым пограничным локусам продиктовано определённым сходством их основных характеристик: это пограничье (*borderland*) в прямом и переносном (культурологическом) смысле. Интересно, что ещё в 1833 г. известный американский общественный деятель и писатель Альберт Пайк привлекает к этому внимание, именуя пограничный штат Нью-Мексико «Сибирью Мексиканской республики» [8, с. 249]. Тенденция к рассмотрению сибирско-американского параллелизма развивается и в настоящее время. Мексикано-американская и российско-китайская границы имеют сходство в исторически сформировавшихся образных, символических обозначениях и определениях. На это, в частности, обращают внимание исследователи Института Дальнего Востока РАН и МГУ им. М. В. Ломоносова И. Г. Чубаров и Е. В. Михайлова, которые, опираясь на работы предшественников, приводят следующие наименования: мексикано-американское трансграничье – «Нижне-Верхняя Калифорния» (*“Bajalta California”*) [9, с. 63], российско-китайское – «Желтороссия» [10; 11]. Суровость сибирского климата с перепадом температур в течение года от +40 до -50 °С, продолжительной зимой, коротким летом, длительными морозами схожа с экстремальностью очень жаркого и сухого климата пустынь Юго-Запада США. Закономерно, что природно-климатический фактор играет немаловажную роль в формировании уклада жизни и особенностей национального характера (одним из первых в России пристальное внимание этому уделяет

¹ Отсылка к названиям этих территорий до их разделения границей США и Мексики, когда обе Калифорнии: Нижняя (исп. *Vaja*) и Верхняя (исп. *Alta*) – входили в состав Мексики.

В. О. Ключевский [по: 12, с. 29]), что вполне соотносимо и с особым типом характера «человека границы».

Цель статьи – выявление типологических сходжений и различий в художественном изображении указанных пограничных локусов в контексте их исторического развития с использованием геопозитики. Задачи исследования: определение своеобразия пространственной репрезентации образа границы; характеристика типа «героя границы» и его ценностных установок в исследуемых текстах; рассмотрение особенностей изображения географически удалённых пограничных локусов в различные периоды исторического развития.

Методология и методы исследования. Сопоставление литературно-фольклорного материала определённых локусов основано на концепции В. М. Жирмунского о единстве историко-литературного процесса и необходимости применения типологического подхода к анализу сходных литературных явлений: «мы можем и должны сравнивать между собой аналогичные литературные явления <...> вне зависимости от наличия непосредственного взаимодействия между этими явлениями» [13, с. 7].

Принцип историзма подразумевает рассмотрение в ходе текстурального анализа явлений историко-культурного характера в динамике их изменения и становления во времени. Историзм, согласно «Литературному энциклопедическому словарю» под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева, «сознательно возведённый в ранг метода»², рассматривает художественное произведение как «органичное запечатление “духа” народа в различные исторические моменты его жизни»³. Исследовательские стратегии, связанные с изучением закономерностей, «управляющих развитием культурно-исторического мира»⁴, закреплены в трудах представителей культурно-исторической школы в литературоведении.

Исследование проводится с опорой на научные труды Ю. М. Лотмана⁵ по семио-

² Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с. – С. 173.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. – Текст: электронный // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251–292. – URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm> (дата обращения: 11.03.2022).

тике географического пространства в художественном тексте и работы, посвящённые геокультурным и геопоэтическим аспектам изучения литературы (И. Сид¹, Д. Н. Замятин²), в том числе региональной (В. В. Абашев³, М. П. Никулина⁴, О. Н. Александрова-Осокина⁵). Предметом изучения геопоэтики является геопоэтический образ, содержанием которого, согласно В. В. Абашеву, является момент «взаимодействия и единства земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)»⁶.

С конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности, связывается понятие «локус» (*locus*), под которым Ю. М. Лотман понимает твёрдую приуроченность определённых ситуаций и событий к определённому месту [14]. Учёный считает, что пространственная перспектива текста определяет и его смысловую, ценностную перспективу. «Через соответствующий им тип художественного пространства <...> возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей» [Там же], что позволяет выделить тип героя определённого пространства с присущими ему ценностными установками.

По справедливому утверждению О. Н. Александровой-Осокиной, «геопоэтика позволяет выявить ценностно-смысловое, “личностное” содержание хронотопа, привнести в него антропологическое измерение» [7, с. 231], поскольку «в формировании геопоэтического образа пространства необходимо участие субъекта, освоившегося в данном пространстве и его освоившего» [15, с. 7]. В связи с этим становится необходимым обращение к образам «геро-

ев границы» и их ценностным приоритетам в исследуемых текстах. Существенной для настоящего исследования является мысль В. Е. Хализева о том, что представления о ценностях исторически изменчивы и различны в составе жизни разных народов, государств, регионов. При этом художественное творчество причастно миру ценностей и в каждой культурно-исторической ситуации ориентируется и ориентирует на них, постигает и освещает реальность в соотнесении с ними⁷.

Культурно-исторический метод способствует рассмотрению привлечённого литературно-фольклорного материала в контексте значимых исторических событий, связанных с формированием и утверждением государственных границ (XVII–XXI вв.). С использованием сравнительно-типологического метода осуществляется определение типологических сходжений и различий произведений фольклора и литературы двух географически удалённых пограничных локусов как генетически не связанных между собой явлений. Структурно-семиотический метод позволяет обратиться к отображению географического пространства в художественном тексте с выделением знаков-символов и бинарных оппозиций. Выявление ценностно маркированных образов «героев границы» в рамках аксиологического анализа текста способствует воссозданию авторского видения определённой исторической эпохи.

Результаты исследования и их обсуждение. Репрезентация образа границы в отобранных фольклорных и литературных текстах производится в первую очередь за счёт привлечения пространственных характеристик: длина границы России и Китая – более 4 200 км (одна из самых протяжённых границ в мире [16]), США и Мексики – около 3 200 км. Неслучайно знаками-символами пограничных территорий выступают ландшафтные образы реки, долины, поля, степи, пустыни, ассоциирующиеся с ширью, далью, раздольем. Забайкальский писатель и поэт Николай Суханов в документальной повести «Земли своей родные дети» (1981), посвящённой подвигам пограничников Забайкалья во время Великой Отечественной войны, использует эпитеты и олицетворения

¹ Сид И. История понятия «геопоэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 11. – С. 153–170.

² Замятин Д. Н. Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2020. – № 1. – С. 29–52.

³ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. – 140 с.

⁴ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. – Екатеринбург: БКИ, 2002. – 120 с.

⁵ Александрова-Осокина О. Н. Поэтика Дальневосточного пейзажа в книге Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2019. – № 3. – С. 71–82.

⁶ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. – 140 с. – С. 54.

⁷ Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с. – URL: https://modernlib.net/books/halizev_v/teoriya_literaturi/read. – Текст: электронный.

для яркой обрисовки простора пограничной земли: «Проезжая на лошадях с попутчиками-пограничниками вдоль границы, политрук восхищался просторами забайкальской земли. Холмистая, порыжевшая к концу августа степь *разбегалась во все стороны и терялась вдали* под безоблачным синим небом»¹. Пограничную реку Рио-Гранде современный автор-чикано² Ричард Бланко характеризует, используя эпитеты «великая»³ и «полноводная»: “You named me *big river, drew me – blue, thick to divide* <...>”⁴ – [Вы назвали меня *великой* рекой, разделили меня – синюю, *полноводную*] (пер. с англ. Т. Воронченко).

Известный забайкальский поэт и прозаик Михаил Вишняков создаёт выразительный геопозитический образ границы в миниатюре «Шёл казак по Аргуни родной», в частности, за счёт обрисовки образа пограничной реки – Аргуни – с помощью эпитетов и олицетворения: «Собственно СССР здесь, под ногами. Собственно КНР там, на синющей гряде холмов. Меж ними *широко ходит* Аргунь, образуя каждое столетие *бесчисленные* протоки, старицы, озёра, острова и рукава»⁵. Отчётливыми пространственными признаками наделяются в строках Вишнякова определения «близкого» («*собственно здесь*») – понятного, своего, родственного, и «далёкого» («*собственно там*») – неизвестного и чужого. Границей между «там» и «здесь» выступает реальная государственная граница Россия – Китай.

Образ пограничной реки встречается в стихотворных строках М. Вишнякова о событиях, связанных с советско-китайским пограничным конфликтом на о. Даманском в 1969 г.:

В низинах, заросших травами,
Отлилась в пули роса.
И вьётся повязкой траурной
Контрольная полоса⁶.

¹ Суханов Н. Е. Земли своей родные дети. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. – 152 с. – С. 24.

² Чикано (англ. *chicano*, исп. *mexicanos* или *mexicanos*) – испаноязычная этническая группа в США, американцы мексиканского происхождения.

³ Определение «великая» (англ. *big*) отсылает к испаноязычному названию реки *Río Grande* (с исп. «большая/крупная/великая река»).

⁴ Complaint of El Río Grande. Richard Blanco. 2019. – URL: <https://poets.org/poem/complaint-el-rio-grande>. – Текст: электронный.

⁵ Вишняков М. Е. Избранное: в 3 т. Т. 3. Проза. – М.: Русь, 2007. – 470 с. – С. 444.

⁶ Там же.

Метафора «вьётся повязкой траурной», относящаяся к пограничной реке, выразительно передаёт драматический характер зарождающегося конфликта, который считается самым крупным вооружённым противостоянием в современной истории границы России и Китая. Описывая напряжение в рядах забайкальских пограничников, Николай Суханов прибегает к метонимии: «забайкальская *граница незримо для чужой стороны задвигалась, забурилась*»⁷. В произведениях забайкальских авторов обращает на себя внимание чёткая разграниченность «своего» и «чужого» пространства: например, «чужая сторона» Н. Суханова как бы противопоставляется «своему берегу» М. Вишнякова: «Уходим под защиту *своего берега*»⁸.

В плане реализации бинарной оппозиции «свой – чужой» в литературных произведениях авторов по обе стороны границы привлекает внимание противопоставление «левый – правый», относящееся к берегам пограничной реки Аргунь («левый берег» – это российские земли, «правый берег» – территория КНР). Неслучайно нашумевший роман современной писательницы Северного Китая Чи Цзыцзянь, переведённый на ряд языков мира, включая шведский, японский, арабский и другие, носит название «Правый берег реки Аргунь» (2005). Действие романа происходит в 30-е гг. XX в. Автор обращается к этнической самобытности «правобережных» эвенков⁹, живущих на территории Китая, и их взаимодействию с русскими и эвенками, пришедшими с «левого берега» Аргуни из России. Главной героиней романа является молодая русская женщина Надюшенька, жена «китайского эвенка» Ивана, «одна из ключевых “левобережных” персонажей» [17, с. 117]. Особый интерес в плане изображения русско-эвенкийского взаимодействия на «китайском» берегу вызывают образы русских торговцев – купцов, многократно пересекающих российско-китайскую границу в первые десятилетия XX в.

Маркёрами пограничных локусов становятся топонимы, которые «определяют» местность, размечают географические гра-

⁷ Суханов Н. Е. Земли своей родные дети. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. – 152 с. – С. 45.

⁸ Вишняков М. Е. Избранное: в 3 т. Т. 3. Проза. – М.: Русь, 2007. – 470 с. – С. 443.

⁹ Уникальной особенностью эвенков является распространение представителей этноса на обширных территориях России, КНР и Монголии.

ницы локуса: Амур, Албазин, Маньчжурия, Аргунь, Даурия (российско-китайское пограничье), Рио-Гранде (*Rio Grande*), Мексика (*Mexico*), Техас (*Texas*), Браунсвилл (*Brownsville*) (мексикано-американское пограничье) и др. Топонимы придают конкретику пространственной организации текстов и обозначают исторические и геополитические реалии времени. Показательны в этом отношении ойконимы Албазин в песнях забайкальских казаков и Браунсвилл в песнях-корридос мексикано-американского пограничья. Городок Албазин, считающийся первым русским поселением на реке Амур (1651), становится центром русско-китайского пограничного конфликта 1683–1689 гг. Город Браунсвилл штата Техас известен частыми мексикано-американскими пограничными столкновениями, которые происходят на берегах Рио-Гранде в середине XIX в. Становится очевидным, что топонимы не только выполняют функцию территориального фиксирования географических объектов, но и отсылают к историко-культурным реалиям, важным для понимания исторического контекста формирования границ в определённых локусах.

С историко-культурным контекстом эпохи, которая представлена в фольклорных и литературных текстах пограничья, напрямую связано ценностно-смысловое наполнение образа границы и её героев. Формирование границ в географически удалённых локусах происходит под влиянием различных исторических событий, обусловленных специфическими политическими, экономическими и этнокультурными факторами. Это прослеживается в текстах, в которых находят воплощение определённые типы¹ «героев границы»: героико-патриотический (Юго-Восток Сибири и Дальний Восток) и авантюрно-героический (американский Юго-Запад).

В текстах российско-китайского пограничья локус границы преимущественно предстаёт местом свершения патриотических подвигов героев. В плане обрисовки исторически достоверного образа «героя границы» интересно творчество известного забайкальского журналиста, прозаика, поэта Юрия Курца. В своих произведениях он отображает важные, исторически значимые

события национального масштаба, среди которых – сложная и продолжительная история освоения Сибири и Дальнего Востока, которая связана с оформлением восточных рубежей государственной границы. Как отмечает забайкальский литературовед Л. В. Камедина, для Ю. Ф. Курца «Забайкалье – это территория геополитического разлома, граница между западной Русью и азиатским востоком, пограничная земля России, межконфессиональное и межнациональное пространство, которое служит залогом благополучия России» [18, с. 191]. Формируя устойчивую совокупность ценностей «героев границы», писатель рассказывает о героизме, духовной силе, мужестве и благородстве русских служащих, проявленных во время военных пограничных конфликтов (документальная повесть о Герое Советского Союза М. П. Яковлеве «Товарищ комбриг», 1982; повесть «Высота», 1989; очерки истории казачества Забайкальского края «На арчаке казачьего седла», Чита, 2011).

Образ забайкальского казака – «героя границы» – служит воссозданию существенных черт исторического времени формирования государственной границы, запечатлённого в текстах. В книге «На арчаке казачьего седла: Очерки истории казачества Забайкальского края» (2011) Ю. Ф. Курц приводит тексты «старинных» песен забайкальских казаков. Исследователи отмечают, что устойчивой доминантой всего казачьего репертуара является образ казака – воина и защитника [19, с. 179]. Круг ценностей лирического героя казачьих песен связан с преданным служением Родине и обеспечением порядка и безопасности на границе – отстаиванием социально-политических ценностей, которые, наряду с материальными и духовными, выделяет советский философ, специалист в области философской онтологии и аксиологии В. П. Тугаринов [20, с. 277]. В многочисленных народных песнях казаков служба на границах России представлена как дело жизни, основа казачьего мира:

На границе мы стояли,
Ни о чём не горевали.
Одного лишь нам желать:
Границу зорко охранять.
(Казачья песня «На границе мы стояли...»²)

¹ Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с. URL: https://modernlib.net/books/halizev_v/teoriya_literaturi/read/. – Текст: электронный.

² Курц Ю. Ф. На арчаке казачьего седла: Очерки истории казачества Забайкальского края. – Чита: Поиск, 2011. – 528 с. – С. 483.

Знаковыми, с точки зрения репрезентации ценностных установок героев границы, в казачьих песнях становятся мотивы лихой свободы («На границе мы стояли...»), воинского казачьего братства («Вспомним, братцы-забайкальцы»), семьи и Родины («По долине Маньчжурии дальней»):

И склонился казак, умирая,
Повалился тихонько с седла.
Приподнявшись над лужею крови,
Бросил ласковый взгляд на коня:
«Ты теперь уже, друг мой, на воле,
И не будешь возить ты меня.
Ты беги во родное селенье,
Где живёт дорогая семья».

(Казачья песня «По долине Маньчжурии дальней»¹)

Примечательно, что мотив прощания «героя границы» с семьёй на пороге смерти постоянно встречается и в фольклорных текстах мексикано-американского пограничья. Это становится очевидным при обращении к корридос (исп., англ. *corrido*) – народным песням-балладам повествовательного характера, которые представляют собой значительное явление мексикано-американской культуры в конце XIX – первой трети XX в. [21]. В первые десятилетия XXI в. исследования жанра «корридос» продолжают с опорой на фундаментальные работы известного американского фольклориста и литератора Америко Паредеса [22; 23].

В «пограничных» корридос отражаются важнейшие исторические события, связанные с установлением границы между США и Мексикой по реке Рио-Гранде после аннексии значительной части мексиканских земель (современные Нью-Мексико, Техас, Аризона и Северная Калифорния) по договору Гуадалупе-Идальго в 1848 г. Последствия вступления договора в силу способствуют укоренению неприязненного отношения мексиканцев и мексикано-американцев к «грингос» (англо-американцам), которое усиливается, в свою очередь, социально-экономическим неравенством, и мотив погранной справедливости становится устойчивым в пограничном фольклоре. На протяжении последующей истории границе между США и Мексикой свойственны множественные нелегальные пересече-

ния. Неслучайно писатели и литературоведы (Т. С. Бойл, Ф. Ломели) используют образное определение границы – “The Tortilla Curtain” – «тортилья (лепёшечный) занавес» [24]. Впрочем, через несколько лет после публикации Ф. Ломели (2006) Трамп 45-й Президент США выступает с идеей возведения стены на мексиканско-американской границе. В целом история границы между США и Мексикой в XIX – начале XXI в. вызывает в памяти слова Михаила Вишнякова: «...неупорядоченность границы – гиблое дело»².

Неслучайно «пограничные» корридос насыщены «авантюрно-героическими» (В. Е. Хализев) персонажами, мятежный дух которых «подпитывается» постоянными стычками с представителями «левого», северного берега Рио-Гранде – англо-американцами. В «период пограничного конфликта» с 1848 по 1930 г. (даты обозначены известным фольклористом Паредесом [цит. по: 25, с. 28]), закрепляется тип «героя границы» – «благородного разбойника в стиле Робин Гуда», борца за справедливость.

В одном из вариантов корридо «Трагедия Ремихио Тревиньо» (*Tragedia de Remigio Trevino*, 1928), который приводится в записи Ховиты Гонсалес [26], фигура бунтаря Тревиньо предстаёт как трагическая: герой переходит пограничную реку Рио-Гранде (действие происходит в городке Браунсвилл, штат Техас), полный решимости уничтожить или изгнать американских «захватчиков», и во время одного из рейдов попадает в ловушку. Его приговаривают к повешению, и в ночь перед казнью он обращается к близким, обнажая глубоко скрытую ранимость своей бродяжьей души:

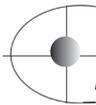
Прощайте, мама и братья,
прощайте, мои друзья,
погребальный звон пусть раздастся,
ради Бога, прошу вас я,
ведь я ухожу в забвенье,
полоса страданий прошла.
Я – Ремихио был по имени,
Тревиньо фамилия была.

(Пер. с англ. Т. Воронченко)

Самым известным и популярным фольклорным героем «зоны пограничного конфликта» начала XX в. является Грегорио Кортес. Корридос о Кортесе повествуют о попытках героя с масштабной народной поддержкой отомстить текасским властям

² Вишняков М. Е. Избранное: в 3 т. Т. 3. Проза. – М.: Русь, 2007. – 470 с. – С. 443.

¹ Курц Ю. Ф. На арчаке казачьего седла: Очерки истории казачества Забайкальского края. – Чита: Поиск, 2011. – 528 с. – С. 484.

за несправедливую смерть брата-мексиканца. Для мексикано-американцев Грегорио Кортес становится символом твёрдого и мужественного человека, отстаивающего свои права:

Воскликнул Грегорио Кортес,
В руке пистолет сжимая,
Ах, как много полиции конной
В бой с одним мексиканцем вступает [25].
(Пер. с англ. Т. Воронченко)

Особой яркостью воплощения образа «пограничного героя», выступающего в амплу Робин Гуда, в корридос и современных произведениях искусства отличается образ Хоакина Мурьеты, знакомый российской аудитории по известной рок-опере советского периода «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» А. Рыбникова, созданной на основе кантаты Пабло Неруды. Правда, П. Неруда именуется чилийцем, в то время как реальный Хоакин Мурьета, ставший прообразом героя, согласно историческим документам, родился в Соноре (приграничный штат Мексики) в богатой семье, получил прекрасное образование в Мехико. Драматическая судьба Мурьеты связана с реальностью мексикано-американского пограничья. Во времена «золотой лихорадки» он отправляется «за птицей счастья» в Калифорнию. Там он сталкивается с презрительно-жестоким отношением янки-золотоискателей ко всем мексиканцам без разбора, сам становится одной из жертв. Мурьета берётся за оружие, выслеживает и убивает последовательно каждого из обидчиков, а затем становится знаменитым разбойником и действует по принципу «грабь награбленное», раздаёт добычу бедным. В текстах складывается образ любимого многими благородного разбойника, движимого высокими целями и вынужденно ставшего преступником вследствие несчастливого стечения обстоятельств (подобно Владимиру Дубровскому, отважному герою романа А. С. Пушкина «Дубровский», 1841).

В «Корридо о Хоакине Мурьете» (*Corrido de Joaquin Murrieta*), популярной в Калифорнии, прослеживаются черты образа главного героя, сближающие его с романтическим образом Робин Гуда. Приём антитезы («скупой» и «богатый» противопоставляются «бедному» и «скромному») помогает выразительно показать суть ценностного конфликта, в который вступает этот «герой границы»:

У скупых и богатых
Я отбирал их деньги,
Перед бедностью скромной
Снимал я своё сомбреро,
Раз так несправедливы законы,
Я буду разбойничать смело [27, с. 66].
(Пер. с англ. Т. Воронченко)

Топонимы в корридос чётко обозначают место действия подвигов «героев границы»:

Красив городок Эстоктон (англ. *Стоктон* – Т. В.)
Где гарцевал Мурьета
В посеребрёном седле
С заряженным пистолетом,
Собрав беспокорных людей [Там же].
(Пер. с англ. Т. Воронченко)

Символично, что городок пограничного штата Калифорния Стоктон (англ. *Stockton*) именуется на испанский манер «Эстоктон». Эта деталь отсылает к исторически мексиканскому прошлому Калифорнии.

В текстах корридос отчётливо выделяется бинарная оппозиция «свой/чужой», где «свой» – бедный, а «чужой» – богатый. Антитеза выражает также пространственное противопоставление, связанное с расположением границы США и Мексики: «север» (США) – символ богатства и социальной несправедливости по отношению к мексиканцам, а «юг» (Мексика) – символ воинствующей бедности. Геопоэтический образ границы приобретает значение пространственного рубежа, разделяющего «свой» и «чужой» миры, прежде всего, по социальному принципу.

Общей тенденцией на рубеже XX–XXI вв. становится интерес авторов к культурному взаимодействию в пограничных локусах, на характер которого влияют изменения в исторической и социокультурной реальности. В случае с российско-китайским пограничьем этот период отмечен (при сохранении упорядоченности охраны границы) установлением связей на основе политики большей открытости и экономического сотрудничества, которая изначально сопровождается изменениями в этнокультурном сознании, ломкой стереотипов. В рассказе известного забайкальского прозаика Олега Димова «Русский стиль» о приключениях русского парня-«качка» Сашка, который устраивается в цирк в приграничном китайском городе за хорошую плату, изображается трагикомическая ситуация непонимания, базирующегося на многолетних стереотипах. Сашок неожиданно обнаружи-

вает, что его наставник по восточным единоборствам – хитрый ловкач Ю, общаясь с разгорячённой публикой на китайском языке, постоянно позволяет себе унижительное высмеивание русских. «Обиженный за державу» герой, выломав прут из клетки с медведями, громит китайский цирк: по городку неслась вереница, в начале которой бежал Ю, «следом скатились ревушие от страха медведи, за ними цирковые бойцы, скачущие упругими прыжками, как настоящие мастера у-шу»¹. Название рассказа обыгрывается в финале – поражённые происходящим полицейские заключают: «русский стиль – это очень опасный стиль»². Преодоление стереотипных установок, свойственных сознанию людей в ситуации возрастающего этнокультурного взаимодействия, по справедливому замечанию Д. С. Григорьева, приведёт в дальнейшем к постепенному «устранению негативных образов групп и разрешению социальных и межкультурных конфликтов» [28, с. 474], которые традиционно получают большее распространение на границах государств.

Для мексикано-американской границы на рубеже веков особенно острой становится проблема массовой нелегальной миграции. Современная мексиканская писательница, проживающая на территории США, Валерия Луизелли в романе «Архив потерянных детей» (*Lost Children Archive*, 2019) обращается к вопросу миграционного кризиса. Автор фокусирует внимание на миграции нескольких тысяч детей, которые без сопровождения взрослых пересекают границу Мексики и США. Основным пространственным образом в романе становится образ пустыни – ландшафта, характерного для большей части пограничной территории. С особой силой символическое наполнение образа пустыни проявляется во фрагментах романа, в которых повествование ведётся от лица потерявшихся детей. Гиперболизация образа пустыни служит характеристике эмоционального состояния героев, странствующих в отчаянии: «В основном, здесь только обжигающий воздух, пыль, камни, кусты и свет <...> мы настолько потерялись в этом свете, что казалось, будто весь мир постепенно исчезает, становится нереаль-

ным»³. Специфика созданного В. Луизелли геопозитического образа границы заключается в его многозначности, способности отразить острые вопросы современности.

Большой интерес вызывают произведения писателей-чикано, связанные с попытками представить в качестве модели будущего вариант трансформации пограничного локуса. Своеобразным апофеозом представлений о важности межкультурного взаимодействия на границе США с Мексикой выступает образ буферного государства будущего – ЛАМЕКС (LA – Лос-Анджелес, MEX – Мексика) в книге Алехандро Моралеса «Чума тряпичной куклы» (1992). Автор описывает, прибегая к гротеску, возникшую в недалёком будущем эпидемию опасной болезни, которую возможно остановить только благодаря особой генетике мексиканцев и совместным усилиям обоих государств в условиях трансграничного сотрудничества. Геопозитический образ границы у Моралеса создаётся за счёт введения в текст грандиозной метафоры «Мексамерики», именуемой в романе «ЛАМЕКС», которая отсылает к образу возможного территориального единства Мексики и США. О вхождении в обиход таких понятий, как «Мексамерика», «Амексика» и «Мексифорния», в частности, пишет американский социолог и политолог С. Хантингтон в своей книге «Кто мы? Вызовы американской идентичности» (М.: АСТ, 2004).

Заключение. Выявление своеобразия геопозитического образа границы в литературных и фольклорных произведениях позволяет получить представление о развитии пограничных локусов в историко-культурном контексте. Определённые типологические схождения при этом просматриваются в описании бескрайнего пространства как базовой составляющей образа и выделении типа сильного, активного «героя границы». Моделирование образа протяжённой в пространственном отношении границы сопровождается включением в текст противопоставлений «юг/север», «правый/левый», «там/здесь», которые контекстуально разворачиваются в реализацию основной оппозиции «своё/чужое».

Различия в художественном воплощении указанных пограничных локусов обусловлены спецификой хода историко-культурного процесса на этих территориях. Героев лите-

¹ Димов О. Дети длинных ветров. – Чита: Поиск, 2011. – 334 с. – С. 219.

² Там же. – С. 220.

³ Luiselli V. *Lost Children Archive*. – London: HarperCollins Publishers, 2019. – 410 p. – P. 320.

ратурных и фольклорных произведений российско-китайского пограничья можно в целом отнести к героико-патриотическому типу: ценностными ориентирами для них являются создание и поддержание порядка на государственной границе, защита рубежей страны. Персонажи текстов мексикано-американского пограничья (преимущественно, авантюрно-героического типа) характеризуются стремлением разрешить этнокультурные и социальные противоречия, возникающие в пространстве пограничного локуса. Геопоэтический образ границы в аксиологическом

измерении приобретает контрастные характеристики: порядок, воинское братство – на Дальнем Востоке России; «неупорядоченность», склонность к появлению локальных конфликтов – на американском Юго-Западе.

Таким образом, исследование литературно-фольклорного материала средствами геопоэтики является продуктивным в определении характеристик пограничных локусов в изменяющейся исторической реальности и открывает перспективы дальнейшего междисциплинарного изучения феномена границы.

Список литературы

1. Тлостанова М. В. Исследования пограничья/vs пограничное (со)знание, мышление, творчество // Вопросы социальной теории. 2012. Т. 6. С. 63–80.
2. Колосов В. А. Пограничные исследования в России и за рубежом: теоретические подходы и достижения // Российское пограничие: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. С. 17–38.
3. Прозрачные границы: безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. М.; Волгоград, 2002. 573 с.
4. Сойни Е. Г. Образная параллель «Россия Финляндия» в русской эмигрантской литературе Финляндии 1920–1940-х годов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 37–44.
5. Разумовская А. Г. Феномен псковского пограничья в литературном сознании // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее. Псков: Логос, 2020. С. 223–234.
6. Ясинская М. В. Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // Этнография. 2021. № 1. С. 50–74. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74.
7. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241.
8. Pike A. Prose sketches and poems: written in the western country. Albuquerque: University of New Mexico, 1967. 336 p.
9. Warren S. La Chinesca: The Chinese Landscape of the Mexico-U. S. Borderlands // Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers. 2015. Vol. 77. Pp. 62–79.
10. Чубаров И. Г., Михайлова Е. В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 88–105.
11. Гаспарян В. З. Проект «Желтороссия» в контексте мировоззренческого кризиса русского «восточничества» на рубеже XIX–XX вв. // Архонт. 2018. № 3. С. 115–118.
12. Сибирский характер как ценность: монография / под общ. ред. М. И. Шиловой. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 264 с.
13. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 495 с.
14. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. Текст: электронный // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292. URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm> (дата обращения: 11.03.2022).
15. Скокова Д. С. К определению понятия «геопоэтика» // Геопоэтика Сибири и Алтай в отечественной литературе XIX–XX веков. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 5–11.
16. Зуенко И. Ю., Чубаров И. Г. Возможная урбанизация периферийных территорий (на примере российско-китайской границы) // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 10–17. DOI: 10.31857/S032150750004134-9.
17. Воронченко Т. В., Бут Т. М. «Берег левый, берег правый»: русско-эвенкийский диалог культур в китайском пограничье (на материале творчества Чи Цзыцзянь) // Русский язык в современном Китае. Чита: ЗабГУ, 2020. 200 с. С. 115–119.
18. Камедина Л. В. Хронотоп забайкальского текста в творчестве М. Вишнякова, О. Димова, В. Вьюнова, Ю. Курца // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 186–195.
19. Никулина Н. А., Галактионова Н. А. Мотивный анализ казачьих песен: репрезентация ценностей социальной группы // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2017. С. 177–182.

20. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 344 с.
21. Воронченко Т. В. Мексикано-американский дискурс в литературе США. Чита: ЗабГУ, 2019. 256 с.
22. Paredes A. The Folk Base of Chicano Literature // Modern Chicano Writers. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979. 190 p.
23. Paredes A. "With His Pistol in His Hand": A Border Ballad and Its Hero. Austin: Univ. of Texas Press, 1958. 276 p.
24. Lomeli F. A. The Border as a Moving Tortilla Curtain Media and Chicano Literary Representations // Открытый мир: мультикультурный дискурс и межкультурные коммуникации. Чита: ЗабГГПУ. 2006. С. 182.
25. Saldivar R. Chicano Narrative: The Dialectics of Difference. Madison, Wisconsin: Univ. of Wisconsin Press, 1990. 264 p.
26. West J. O. Mexican-American Folklore. Little Rock: August House, 1988. 316 p.
27. Chicano Literature: Text and Context. Englewood: Prentice-Hall, 1972. 368 p.
28. Григорьев Д. С. Взгляды на этнокультурное многообразие и авторитарные и этноцентрические установки русских // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2020. Т. 17, № 3. С. 473–490. DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-3-473-490.

Информация об авторе

Воронченко Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: tavoronch@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7913-3057>.

Для цитирования

Воронченко Т. В. Пограничные локусы в историко-культурном контексте: геопозитика границы (на литературно-фольклорном материале российско-китайского и мексикано-американского пограничья) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 47–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 17.08.2022.

References

1. Tlostanova, M. V. Frontier studies/vs frontier (conscious), thinking, creativity. Social theory issues, vol. 6, pp. 63–80, 2012. (In Rus.)
2. Kolosov, V. A. Frontier Studies in Russia and Abroad: Theoretical Approaches and Achievements. Russian Borderlands: Neighborhood Challenges. Moscow: Matushkina, 2018: 17–38. (In Rus.)
3. Transparent Borders: Security and International Cooperation in the Belt of Russia's New Borders. Moscow: Forum, 2002. (In Rus.)
4. Soini, E. G. The Parallel of Images of "Russia Finland" in the Literature of Russian Emigration in Finland in 1920–1940. Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, no. 6, pp. 37–44, 2011. (In Rus.)
5. Razumovskaya, A. G. The Phenomenon of the Pskov Borderland in Literary Consciousness. Cultural Landscape of the Borderlands: Past, Present, Future. Pskov: Logos, 2020: 223–234. (In Rus.)
6. Yasinskaya, M. V. The Image of the Border and Neighbors in the Perception of the Slovenian Ethnic Minority in Italy (Province of Gorizia). Etnografia, no. 1, pp. 50–74, 2021. (In Rus.)
7. Aleksandrova-Osokina, O. N. Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism. Nauchnyi dialog, no. 5, pp. 216–241, 2020. (In Rus.)
8. Pike, A. Prose sketches and poems: written in the western country. Albuquerque: University of New Mexico, 1967. (In Engl.)
9. Warren, S. La Chinesca: The Chinese Landscape of the Mexico-U. S. Borderlands. Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers, vol. 77, pp. 62–79, 2015. (In Engl.)
10. Chubarov, I. G., Mikhailova, E. V. Overcoming the Peripherality at the Sino-Russian Borderland. Russia and the Pacific, no. 4, pp. 88–105, 2017. (In Rus.)
11. Gasparyan, V. Z. The Project "Yellow Russia" in the Context of the Ideological Crisis of the Russian "Orientalism" at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Arkhont, no. 3, pp. 115–118, 2018. (In Rus.)
12. Siberian character as a value. Krasnoyarsk: KGPU, 2004. (In Rus.)
13. Zhirmunskiy, V. M. Comparative literature. East and West. L.: Nauka, 1979. (In Rus.)
14. Lotman, Y. M. Artistic space in Gogol's prose. M.: Prosveshchenie, 1988. Pp. 251–292. Web. 11.03.2022. <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm>. (In Rus.)
15. Skokova, D. S. On the definition of the concept of "geopoetics". Geopoetics of Siberia and Altai in Russian Literature of the 19th-20th Centuries. Barnaul: AGPU, 2017: 5–11. (In Rus.)

16. Zuenko, I. Y., Chubarov, I. G. Cross-Border Economic Zone as an Urbanization Core at a Periphery Region (Case of the Sino-Russian Border). *Asia and Africa Today*, no. 3, pp. 10–17, 2019. (In Rus.)
17. Voronchenko, T. V., But, T. M. “The left bank, the right bank”: Russian-Evenk cross-cultural dialogue in Chinese frontier region (based on Chi Zijian’s work). In *Russian language in contemporary China*. Chita: TSU, 2020: 115–119. (In Rus.)
18. Kamedina, L. V. Chronotope of the Transbaikal text in the works of M. Vishnyakov, O. Dimov, V. Vyunov, Y. Kurts. *Orthodoxy and society: facets of interaction*. Chita: Transbaikal State University, 2018: 186–195. (In Rus.)
19. Nikulina, N. A., Galaktionova, N. A. Motive Analysis of Cossack Songs: Representation of the Values of a Social Group. *Cossacks of Siberia from Yermak to the present day: history, language, culture*. Tyumen: TSU, 2017: 177–182. (In Rus.)
20. Tugarinov, V. P. *Selected philosophical works*. L: ILU, 1988. (In Rus.)
21. Voronchenko, T. V. *Mexican-American Discourse in U. S. Literature*. Chita: TSU, 2019. (In Rus.)
22. Paredes, A. *The Folk Base of Chicano Literature. Modern Chicano Writers*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979. (In Engl.)
23. Paredes, A. “With His Pistol in His Hand”: A Border Ballad and Its Hero. Austin: Univ. of Texas Press, 1958. (In Engl.)
24. Lomeli, F. A. *The Border as a Moving Tortilla Curtain Media and Chicano Literary Representations. Open world: multicultural discourse and intercultural communications*. Chita: TSU, 2006: 182–190. (In Engl.)
25. Saldivar, R. *Chicano Narrative: The Dialectics of Difference*. Madison, Wisconsin: Univ. of Wisconsin Press, 1990. (In Engl.)
26. West, J. O. *Mexican-American Folklore*. Little Rock: August House, 1988. (In Engl.)
27. *Chicano Literature: Text and Context*. Englewood: Prentice-Hall, 1972. (In Engl.)
28. Grigor’ev, D. S. Views on Cultural Diversity as Well as Authoritarian and Ethnocentric Attitudes of Russians. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 3, pp. 473–490, 2020. (In Rus.)

Information about author

Voronchenko Tatyana V., Doctor of Philology, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: tavoronch@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7913-3057>.

For citation

Voronchenko T. V. Border Loci in Historical and Cultural Context: Geopoetics of Border (Based on Literature and Folklore of Russian-Chinese and Mexican-American Borderlands) // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 3. Pp. 47–58. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58.

Received: July 15, 2022; approved after reviewing August 15, 2022; accepted for publication August 17, 2022.

Научная статья**УДК 008.001(100)(092)****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-59-68****Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода)****Александр Станиславович Маджаров***Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>*

Мыслителей Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера сближал цивилизационный подход к всемирной истории. Об актуальности сочинений этих авторов свидетельствует их созвучие современному историческому процессу. Взаимосвязь идей и относительная достоверность высказанных теоретиками прогнозов предопределили цель работы: сравнение концепций «славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов, изучение прикладной методологии исследований Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера и применение в данной работе сравнительно-исторического метода. Согласно результатам аналитического обзора трудов учёных, Н. Я. Данилевский создал типологическое направление в историческом исследовании, ушёл от трактовки международных отношений как явления ситуативного, осознал значение исторического прогноза. Он пришёл к выводу о принадлежности России и Европы к разным культурно-историческим типам, наличии между ними, говоря современным языком, ментальных противоречий, которые в перспективе могли породить столкновения между цивилизациями. Исследования геополитика убедили его в том, что Европа считала и впредь будет считать наше отечество «чужим», даже «враждебным» миром. В работах О. Шпенглера о будущем западной цивилизации, вышедших спустя пятьдесят лет после Данилевского, доктрина развивалась в направлении, заложенном русским геополитиком. Философ раскрыл палитру фаустовской души изнутри и подтвердил предположения и опасения Данилевского. «Фаустовская культура» направлена на распространение и покорение мира, на «первополитику всего живого» – войну. Наступившее двадцатое столетие выдвинуло философу эрой «войны за наследство», в которую вступят Индия, Китай, Южная Африка, Россия. В перечне мобилизованных государств на первом месте мыслитель видел своё отечество. Проведённый историографический анализ показал, что морфологическая установка классиков цивилизационного анализа изменила парадигму исследований, повысила возможности теоретического осмысления проблемы, открыла перспективы для сравнительного изучения культур, получения необходимого в настоящее время геополитического прогноза.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, историческое исследование, типология, морфология, прикладная методология, концепция

Original article**N. Y. Danilevsky and O. Spengler on "Slavic" and "Romano-Germanic" Cultural-Historical Types and Prospects of Their Interaction (Comparison of the Concept and Method)****Alexander S. Madzharov***Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
mas@home.isu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>*

Thinkers N. Y. Danilevsky and O. Spengler brought together a civilization approach to world history. The relevance of the works of these authors is evidenced by their consonance with the modern historical process. The interrelation of ideas and the relative reliability of the predictions made by the theorists predetermined the purpose of the work: comparison of the concepts of "Slavic" and "Romano-Germanic" cultural and historical types, the study of the applied methodology of research by Danilevsky and Spengler, and the application of the comparative historical method in this work. Danilevsky created a typological direction in historical research, moved away from the interpretation of international relations as a situational phenomenon, realized the importance of historical forecasting. He came to the conclusion that Russia and Europe belong to different cultural and historical types, there are, in modern terms, mental contradictions between them, which in the future could give rise to clashes between civilizations. The studies of the geopolitician convinced him that Europe considered,

© Маджаров А. С., 2022

and will continue to consider our fatherland, a “foreign” and even a “hostile” world. Fifty years after Danilevsky, Spengler spoke about the future of Western civilization. The philosopher’s doctrine developed in the direction laid down by the Russian geopolitician. The philosopher revealed the palette of the Faustian soul “from the inside”, and confirmed the assumptions and fears of Danilevsky. “Faustian culture” as Spengler concluded, “has always been aimed at “spreading”. All thinkers and leaders from Eckhart to Napoleon wanted to “conquer the world”. The coming twentieth century was seen by the philosopher as the era of the “war of inheritance”, in which India, China, South Africa, and Russia would enter. In the list of “mobilized states”, the thinker saw his fatherland in the first place. “Unbearable tension”, he testified, pushes Europe to the true Faustian path – the “primal politics of all living things” – war. The conducted historiographical analysis showed that the morphological attitude of the classics of civilization analysis changed the research paradigm, increased the possibilities of theoretical understanding of the problem, opened up prospects for comparative study of cultures, obtaining the necessary geopolitical forecast today.

Keywords: N. Y. Danilevsky, O. Spengler, historical research, typology, morphology, applied methodology, concept

Введение. Исследователи мировой истории в контексте теории цивилизаций Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) и Освальд Шпенглер (1880–1936) принадлежали к разным эпохам, странам, культурам. Данилевский посвятил типологическому обоснованию геополитической точки зрения на всемирную историю книгу «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к миру Германо-Романскому». Впервые работа была опубликована в журнале «Заря» (1869), в 1871 г. вышла в свет отдельным изданием. Освальд Шпенглер рассмотрел историю цивилизаций в книге «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» (1918, 1922).

Творчество Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера изучалось в отечественной и зарубежной историографии. О мыслителе Н. Я. Данилевском писали Н. Н. Страхов, В. С. Соловьёв, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Кареев и др. Они размышляли над особенностями доктрины, её местом в русской историографии. В советской литературе взгляды Н. Я. Данилевского критиковали с марксистских позиций. В процессе исследования открывались и сильные стороны концепции. На перспективность типологического метода исследователя в культурологии обратил внимание социолог Питирим Сорокин (1951) [1]. Позже он ссылаясь на книгу русского geopolitika «Россия и Европа», переизданную в Берлине (1920), в своей «Социальной и культурной динамике» (1957) [2, с. 860]. Творчество Н. Я. Данилевского рассматривали Р. Мак-Мастер, Э. Таден, Г. Кон, Л. Шапиро.

В постсоветскую эпоху в трудах Л. Р. Авдеевой, С. И. Бажова, К. В. Султанова, Б. П. Балуева, А. В. Ефремова, А. В. Хорошевой, А. С. Маджарова, А. В. Малинова было продолжено изучение идеологических и те-

ретико-методологических оснований концепции Н. Я. Данилевского [3–8]. Специалисты интересовались славянофильскими корнями его идеологии, теоретическими источниками концепции, эволюцией доктрины и другими вопросами [4, с. 5–35; 7; 8, с. 87].

Научное наследие родоначальника цивилизационного подхода к истории актуально и в настоящее время [9]. Исследователь из Китайской Народной Республики Ли Хайянь справедливо подчёркивает, что перед Россией и Китаем «стоит задача... сохранения национального своеобразия», и в связи с этим возрастает необходимость изучения научного наследия Н. Я. Данилевского¹.

Вниманием авторов пользуется и творчество О. Шпенглера [7; 10, с. 123]. По словам Т. Г. Румянцевой, идеи мыслителя «оказались... созвучными» событиям минувшего столетия и наших дней [11, с. 814].

На совпадение взглядов теоретиков цивилизаций в работе «Предсмертные мысли Фауста» первым обратил внимание Н. А. Бердяев (1922). Он отметил, что «культурно-исторические типы Данилевского» похожи «на души культур Шпенглера», позже в работе «Русская идея» (1943) вновь повторил этот тезис [12, с. 895; 13, с. 97].

Методология и методы исследования. Взаимосвязь идей теоретиков цивилизационного подхода, относительная достоверность высказанных ими прогнозов определили актуальность сочинений Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера и перспективность их сравнительного анализа. Цель работы – сравнение концепций «славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов и прикладной методологии исследований Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера

¹ Ли Хайянь Теория культурно – исторических типов Н. Я. Данилевского в России и Китае: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М.: Моск. гос. ун-т, 2010. – С. 3.

[14]. Основным методом исследования является сравнительно-исторический.

Идеологические и теоретико-методологические основы концепции Н. Я. Данилевского. Магистр ботаники Н. Я. Данилевский профессионально занимался проблемами геополитики, историей отечества. Его представления о месте России в международных отношениях диктовались славянофильской идеологической установкой. «Любовь к родному пепелищу» породила интерес к истории России, вносила коррективы в предмет исследования. Наряду с достижениями естествознания она направляла внимание учёного к морфологии истории, к научному обоснованию перспектив взаимодействия «германо-романского» и «славянского культурно-исторических типов». Одновременно консервативное начало его убеждений вело к идеализации действий властей, игнорированию внутренних противоречий в стране.

Автор был уверен в наличии противоречий между Россией и Европой и хотел выяснить, является ли эта позиция глубоким убеждением или «недоразумением» [15, с. 63]. Ответ на вопрос требовал научных аргументов, преодоления эмпиризма исторической науки, системной оценки международных отношений.

Н. Я. Данилевский раскрыл в своей книге принципы прикладной методологии и провёл междисциплинарное исследование – типологический, сравнительно-исторический анализ отечественной и зарубежной истории.

Идея применить типологический метод в науке о прошлом была навеяна работами по естествознанию. Исследователь высоко ценил заключения природоведов о том, что флора и фауна не являются хаосом, а выражают «творческую идею» в форме типа и предположил, что в истории также существуют масштабные культурно-исторические типы [Там же, с. 96, 98]. Для реализации замыслов учёному предстояло синтезировать философские идеи, принципы классификации объектов, приёмы эмпирического анализа источников в «арсенал средств» собственной прикладной методологии [Там же, с. 96].

Н. Я. Данилевский обратился к истории как феномену «духа, стремящемуся осуществить типы добра, истины и красоты», в «культурно-исторических формах». Он опи-

рался на теоретический постулат, согласно которому исторический процесс регулируется «идеальным морфологическим началом образования обществ», «миродержавным Промыслом» [Там же, с. 193, 194, 374]. В свете этих представлений задача исторической науки виделась исследователю в изучении видоизменений «материальных и духовных сил и законов под влиянием морфологического принципа» [Там же, с. 193, 408].

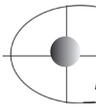
В новой методологии ставилось под сомнение деление материала на «Древнюю, Среднюю и Новую историю», ибо такая систематизация не соответствовала его «естественной группировке».

Исследователь считал, что «естественные» формы «общеизвестны» и представил их перечень, в который включил следующие «цивилизации»: 1) египетскую, 2) китайскую, 3) ассирийско-вавилонско-финикийскую, халдейскую (древнесемитическую), 4) индийскую, 5) иранскую, 6) еврейскую, 7) греческую, 8) римскую, 9) ново-семитическую (аравийскую), 10) германо-романскую (европейскую), 11) мексиканскую, 12) перуанскую, 13) славянскую [Там же, с. 109, 110, 114].

Выделение типов требовало выявления их специфики. Он предполагал доказать «самостоятельность» этих «организмов», создать научную основу для их сравнительного анализа, изучения структуры, возраста, перспектив эволюции.

Н. Я. Данилевский о «лингвистико-этнографическом семействе» и его психологических особенностях (характере) как типологической основе цивилизации. В совокупности культурно-исторических форм, установленной Н. Я. Данилевским, автора интересовали цивилизации романо-германского (включая англосаксов) и славянского типов. Анализ учёного базировался на постулатах об «идеальном» морфологическом строении «обществ» [Там же, с. 193, 194, 374]. Согласно логике Н. Я. Данилевского, культурно-исторический тип складывался под влиянием этнографических, религиозных и других факторов.

Исследователь конкретизировал признаки, которые обуславливали разделение «человечества на несколько больших групп», и положил их в основание классификации. Он утверждал, что культурно-исторические типы отличаются «крупными этнографическими различиями». Типологической единицей, отвечающей этому критерию,

учёный признавал «лингвистико-этнографическое семейство» [15, с. 141]. Внутренней структурой выявленной монады автор считал особенности восприятия мира и другие показатели, составляющие понятие «характер». По его словам, именно «различия в характере народа» являлись отличительными признаками цивилизаций [Там же, с. 194].

Каковой же, по мнению Данилевского, была специфика «славянского» и «романо-германского» «характеров»?

Теоретико-методологические основы концепций О. Шпенглера. Задачу «познания мира» Освальд Шпенглер видел в том, чтобы исследовать «организмы большого стиля» – культуры [16, с. 130]. «Ключом ко всем знакам природы» О. Шпенглер, ссылаясь на Гёте, называл «учение об образе», о «метаморфозе» [Там же]. Он не упоминал о Н. Я. Данилевском, хотя, возможно, был знаком с книгой «панслависта». [15, с. 193, 194, 374].

О. Шпенглер, как и Н. Я. Данилевский, подчёркивал, что необходимо отказаться от «линейной всемирной истории» и войти в мир «великих культур» [16, с. 132, 133, 136]. Морфологические представления О. Шпенглера облекались в символическую форму. Культура, согласно его видению, появлялась на свет как душа «из прадушевности», как «как образ» из безобразного, как символ из пра-символа на почве «определённого ландшафта» и проходила все ступени – «детство и юность, ... зрелось и старость» [Там же, с. 133, 135, 136]. Соприкасаясь с родственными образованиями, она сменяла их (или сменялась ими) и возвращалась «в прадушевное состояние» [Там же, с. 135].

Культура «олицетворяла» душу. Как «передний план» истории, она являлась «в форме народов, языков, верований, искусств, государств, наук», экономики, несла «великие символы жизни», «чувства», высказывала то, что её мучит [Там же, с. 135, 207]. Культура обладала «собственной идеей судьбы», устремлённостью к взлёту, к «реализации своего предназначения» [16, с. 143, 155].

О. Шпенглер, как и Н. Я. Данилевский, обратил внимание на факт «членения культур» [Там же, с. 501]. Его реестр культурно-исторических типов был близок списку Н. Я. Данилевского. В мировой истории философ выделил следующие культуры:

античную, западную, индийскую, вавилонскую, китайскую, египетскую, арабскую, мексиканскую [Там же, с. 30]. Русскую культуру О. Шпенглер считал не вполне оформившейся, но внимательно изучал её особенности.

Многоцветие конкретной культуры философ выводил из пра-символа. Этим своеобразным кодом фаустовской души он считал «безграничное пространство», а русской – «бесконечную равнину» [Там же, с. 207, 208, 337].

Н. Я. Данилевский о методе познания и специфике романо-германского характера. В исследовании «характера» «народов романо-германского типа» Н. Я. Данилевский развивал славянофильскую традицию, обращаясь к религии как важнейшей субстанции, формирующей духовную основу цивилизации. Он опирался на заключение, согласно которому «неправославный взгляд... лишает» достоверности «Откровение», не способствует созданию «истиной цивилизации» [15, с. 246]. Эта установка предопределяла критическое отношение автора к «психологическому» формату народов «романо-германского типа».

Н. Я. Данилевский подчёркивал, что найти различия в «психическом строе» народов «весьма трудно» [Там же, с. 199]. Суть проблемы автор видел в том, что этносам присущи общие черты характера, а разница заключалась в частоте повторения свойств, степени их уникальности. Изучать «душу» народа методом «частных наблюдений» («статистических выкладок») исследователь считал занятием непродуктивным, а источники, привлечённые автором, не позволяли вычленив в чистом виде интересующий его предмет исследования [Там же, с. 200].

Он предположил, что можно «найти» в истории этноса черты, «которые высказывались бы... во всей исторической жизни», и принять их за «этнографический признак» народа, выражающий «особенности его психического строя». Такие качества автор «нашёл» в соответствующих текстах по истории, применив метод экспертной оценки [Там же]. В формулировке Н. Я. Данилевского они фиксировались как «чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности», стремление поставить «свой образ мысли, интерес» выше всякого иного интереса, а кратко – как «насильственность» [Там же, с. 200–201].

Вооружившись этой гипотезой, учёный обратился к изучению «европейской истории» [15, с. 201]. Он подробно остановился на фактах «религиозной нетерпимости» представителей исследуемого социума. Примеры проявлений национального характера автор видел в стремлении «огнём и мечом» крестить «племена Восточной Германии... при Карле Великом», в крестовых походах, в хитрости иезуитов, жестокости инквизиции, в массовых убийствах католиками гугенотов во Франции (Варфоломеевская ночь) и т. д. [Там же, с. 206, 207].

Упомянутые черты характера, по наблюдениям исследователя, проявились и в «мирской жизни» – в «колониальных завоеваниях», в «торговле неграми» и «рабстве», в бизнесе [Там же, с. 208, 210]. Историю «новой Европы» учёный оценивал как борьбу «партийного» «интереса» против «существующего порядка», схватку за «равенство, братство, свободу» с помощью огня и меча [Там же, с. 209, 210, 214].

Европейский «склад ума, чувства и воли» как средоточие энергии, реализующейся в жизни, рассматривался автором в рамках негативной коннотации. Факт односторонности такого подхода признавал и он сам, но раскрывать значение созидательной деятельности европейцев не стал.

Предпринятый учёным анализ выявил некоторые психологические особенности носителей западной культуры: энергию, динамизм, эгоцентризм. На этом основании он строил заключение о характере деятельности романо-германских народов. В психологических особенностях представителей европейской культуры Н. Я. Данилевский видел предпосылки для прогноза взаимоотношений культурно-исторических типов. «Насильственность», по его мнению, должна была заявить о себе и в будущем.

О. Шпенглер о методе познания и специфике фаустовской души. О. Шпенглер, обращаясь к исторической морфологии на новом витке науки, использовал более тонкие инструменты анализа. Рассуждая о душе, он подчёркивал, что нельзя получить «точное знание» об этом явлении, а также «невозможно» «обособить волю и душу, характер и жизнь» в исследовании [16, с. 343].

Ценитель Вагнера указал на существование двух методологических подходов, реализующихся в историческом сочинении,

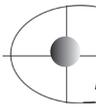
посредством изучения «закона» («природа») и «образа» («история»). «Историю» он считал образным познанием, способным раскрыть «органическую логику», «трагическую структуру» бытия [Там же, с. 127, 155], а систематизированную «природу» – познанием, раскрывающим «последовательности состояний механического типа» [Там же, с. 127, 185]. В исследовательской практике, однако, согласно утверждению О. Шпенглера, применялись оба метода [Там же, с. 134].

«Тонкую» структуру мира, О. Шпенглер изображал, опираясь на пра-символы, символы. Пра-символ своего внутреннего мира немецкий философ видел в «безграничном пространстве», а его пространственные параметры – в «зеркальном отображении» человеком внешнего мира [Там же, с. 208, 331]. Важнейшим качеством фаустовской души он считал «культуру воли» [Там же, с. 340, 342]. Она, по словам О. Шпенглера, в жизни являлась «формой подвижной экзистенции» – «характером» [Там же, с. 343, 345]. Активность фаустовской природы философ фиксировал в её «побуждениях» – в «преодолении сопротивления», в самоутверждении, в «претензии на власть», в войне со всяким «кто мыслит... иначе» [Там же, с. 344, 368].

Динамизм этой субстанции О. Шпенглер раскрывал, опираясь на историю. Его героями выступали «фаустовские священники», «которые, сидя на боевом скакуне», вели людей в «кровавые сечи», «рыцари», «кардиналы» [Там же, с. 377]. В их действиях, по мнению исследователя, проявлялась «неукротимая жизненная сила... западноевропейской истории», не схожая с «раннехристианской кротостью» [Там же, с. 377, 378].

Фаустовский человек «перетолковал» «Мораль Иисуса» в «повелительную» [Там же, с. 371]. «Оно», – заключал философ, – делается «Я»... Воля к власти... страстное желание возвысить собственную мораль до всеобщей истины, навязать её человечеству, желание... уничтожить все, что не таково – вот исконнейшее наше достояние» [Там же, с. 371]. «Я... господствует не только в картине "мира", но и в самой нашей истории» [Там же, с. 337].

Морфологическое исследование О. Шпенглера уточняло и развивало гипотезу Н. Я. Данилевского о характере романо-германских народов. Мысли теоретиков об особенностях фаустовской души близки

по существу. Апология «Я» О. Шпенглера соотносилась с соответствующей оценкой Н. Я. Данилевского [15, с. 200–201]. Не противоречили друг другу их высказывания о проявлениях европейского духа в истории. Во вдохновлявших О. Шпенглера «кровавых сечах» «фаустовских священников» Н. Я. Данилевскому виделась «насильственность» характера оппонентов.

Н. Я. Данилевский о методе познания и специфике русского характера. Очертив психологический облик народов романо-германского типа, Н. Я. Данилевский сформулировал вопрос для дальнейшего исследования: «Что же представляет нам в параллель... насильственности европейской истории... история России?» [Там же, с. 211]. Характеристика русского характера Н. Я. Данилевского строилась на идеях К. С. Аксакова, который в выводах о жизни народа, как «житии», опирался на идеальный духовный посыл, звучавший в древнерусской литературе. В частности, автор «Повести о Куликовской битве» (XVI в.), обращаясь к милости Христа, «пречистой девы матери божией», просил их вселить «в сердца наши кротость, тихость, смирение, любовь, потому что бог есть любовь»¹.

Особенность заключения К. С. Аксакова как методологического вектора состояла в том, что факт движения народа к идеалу он принимал за свершившийся акт. Н. Я. Данилевский, разделявший подход К. С. Аксакова, также искал коренные психологические черты этноса в православии, в русле христианских добродетелей [15, с. 211, 214, 220; 17, с. 137–143]. Он повторил тезис своего идейного предтечи об истории народа как «житии» и подчеркнул качества, которые тот демонстрировал в истории: «кротость духа», «перевес общенародного элемента над элементом личным» [15, с. 222].

Данная оценка выявляла тенденцию, отражающую, по словам автора, особенности психологии «низшего слоя» – крестьянства, но не исчерпывала её. Н. Я. Данилевский не учитывал влияния на исследуемый характер языческого дионисического начала, не замечал его в «бунтах» Стеньки Разина, Емельяна Пугачёва, в жизни бегунов-странников [13, с. 34]. Причина такого «округления», вероятно, заключалась в том, что «бунты» противоречили логике «органического развития» [15, с. 106, 112].

¹ Повесть о Куликовской битве. – Л.: Аврора, 1984. – С. 310.

Оценки Н. Я. Данилевского не касались и психологических особенностей носителей «европейского колорита». Обращаясь к реформам начала XVIII в., он отмечал, что Пётр I «как великий исторический деятель» осознавал опасность, которая грозила России, и предпринял меры для укрепления государственности, опираясь на «сокровища, добытые западной наукой» [Там же, с. 296, 297].

Однако, по мнению Н. Я. Данилевского, не все перемены были полезны. Особенно вредной для страны, по словам исследователя, явилась перестройка жизни Петром I «на иностранный лад», которая привела к «искажению», «чувств и мыслей» народа [Там же, с. 295, 299]. В итоге «высший слой сделался европейским», «неорганичным» и, согласно заключению автора, перестал быть носителем «кротости духа», «терпимости», соответственно, учитываться в исследовании [Там же, с. 307].

Для проверки выявленной тенденции русского характера Н. Я. Данилевский обратился к «великим моментам» истории отечества. Его гипотеза заключалась в том, что все судьбоносные процессы на Руси происходили «в глубине народного духа», отличались «общенародным» размахом, не имели ничего общего с европейским эгоизмом [Там же, с. 214, 222]. Летописное сообщение о «призвании варягов» учёный квалифицировал как мирное решение, в котором «общенародный элемент» преобладал над «личным» [Там же, с. 215].

Правоту тезиса о «терпимости» русского народа историк видел и в принятии христианства. По его словам, на Западе этот акт сопровождался «постоянными усилиями, мученичеством», а на Руси за князем Владимиром «почти без сопротивления» пошёл весь русский народ [Там же, с. 215, 216]. Автор видел размах, незавершённость акта, но подчеркнул его сравнительную «мягкость», вызванную особенностями народной психологии и осознанием факта «превосходства» христианства над язычеством [Там же, с. 217].

В событиях «смутного времени» (освобождение Москвы от польских захватчиков в 1612 г.) исследователь также находил подтверждение справедливости своего предположения. Деятельность Минина он считал «подвигом» человека, реализовавшего «мысли и чувства», охватившие «русский народ» [Там же].

Характеризуя освоение народом территории страны, автор сравнивал действия наших «искателей приключений» с поведением Писарро и Кортесов и квалифицировал российскую колонизацию как мирное «расселение», которое не вело к «покорению» и уничтожению «иностранцев» [15, с. 212].

Обращаясь к теме религиозного раскола Русской православной церкви, Н. Я. Данилевский отмечал, что народ не сочувствовал «гонению на старообрядчество», демонстрировал миролюбие, противоположное «насищенности» западных соседей [Там же]. При этом факты «религиозной нетерпимости» со стороны власти автор, вопреки объективным свидетельствам, считал «слабыми, бледными»¹ [Там же, с. 211].

В перечень значимых свершений русской истории исследователь включил и отмену крепостного права [Там же, с. 217]. Он считал этот процесс мирным, осуществлявшимся «без всякой борьбы» [Там же, с. 218]; получившие широкую известность в России волнения в селе Бездна Казанской губернии, закончившиеся массовым расстрелом «митингующих» крестьян, признал «ничтожным исключением», «жалким недоразумением» [15, с. 217, 218, 219; 16, с. 93–101].

В итоге проведённых изысканий прямого ответа на поставленный ранее вопрос о специфике истории России Н. Я. Данилевский не дал. Однако логика его исследования подводила к заключению, согласно которому славянская цивилизация в своей глубокой духовной основе не была нацелена на экспансию [Там же, с. 211].

О. Шпенглер о специфике русской души. Специфику русского культурно-исторического типа О. Шпенглер раскрывал, используя как источник русскую литературу. Он изучал Н. М. Карамзина, К. С. Аксакова, Л. Н. Толстого, М. Горького, ссылаясь на В. И. Ленина, особенно ценил Ф. М. Достоевского. По убеждению философа, сформировавшегося в ходе научных изысканий, связь России с Западом внутренне была «ничем не оправдана», ибо «русский инстинкт» отделил «Европу» от «матушки России» [16, с. 28].

По словам О. Шпенглера, за прасимволами фаустовской и русской души – «без-

граничным пространством» и «бесконечной равниной» – стояло несоответствие основных характеристик исследуемых феноменов: представлений о пространстве, воле, любви, отношении к деньгам [Там же, с. 208]. Русскую душу философ считал «безвольной», а в её тяге к свободе видел желание уйти «от обязанности личного деяния», «раствориться в братском, горизонтальном мире». «Я», по словам исследователя, представляется русскому «суежным», а попытка «возвысить себя» является признаком «западного тщеславия» [Там же, с. 337, 753].

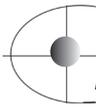
В оценках России Шпенглер сближался с Данилевским. Русскую культуру он определял как псевдоморфоз, поддельную форму [Там же, с. 647]. По его заключению, «чуждая древняя культура» Запада подавила юную культуру России [Там же, с. 647]. «Первобытную душу» втиснули в иностранные формы «барокко, ... Просвещения, ... XIX столетия», которые «дух прарусскости» не мог постигнуть [Там же, с. 651]. В стране возникло два мира: «мнимой городской», проникший с Запада, связанный с капиталом, и мир «глубинной России», где «деньги ради денег» – кощунство, а в религиозном чувстве – «грех» [Там же, с. 962–963]. (В рассуждениях о «небуржуазности» русской души, О. Шпенглер близок к Н. А. Бердяеву [13, с. 139; 18, с. 544–549]).

Немецкий философ, ссылаясь на Ф. М. Достоевского, утверждал, что «душу края» подлинной России нёс в себе «простой народ» [16, с. 653]. Она не ценила «вещи этого мира», была пропитана «горькой ненавистью к каменному миру» и антихристу – Петру I, говорила на языке религии [Там же, с. 653, 654].

Другую ипостась русской души, отмеченную Шпенглером, выразил Л. Н. Толстой. Она являла «петровский дух» – «просвещённый, социально направленный рассудок», рассматривающий жизнь как событие «внутри европейской цивилизации». Его носителем был «оппозиционер на почве собственности, этики, политики» [Там же].

О. Шпенглер шёл по пути морфологического исследования за Н. Я. Данилевским. Его доктрина, соединяя символ и реальность, углубляла представления о реальности. Она развивалась в направлении, заложенном русским геополитиком, сближалась в своих заключениях с его выводами.

¹ Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы приказа тайных дел о раскольниках 1665–1667 гг. / сост. В. С. Румянцев. – М.: Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР, 1986. – С. 61.

Носителем «русского духа» немецкий философ, как и Н. Я. Данилевский, считал крестьянство, из состава которого, как и русский геополитик, исключал европеизированное меньшинство. Заключение О. Шпенглера, согласно которому «“я” представлялось подлинному русскому суетным», подтверждало тезис Н. Я. Данилевского о «перевесе» «общенародного русского элемента над элементом личным», а его описание русской души косвенно свидетельствовало в пользу выводов историка мирных намерениях России [15, с. 222; 16, с. 337].

Результаты исследования и их обсуждение. *Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о перспективах культурно-исторического взаимодействия России и Европы.* Н. Я. Данилевский создал «морфологическое», типологическое направление в историческом исследовании, разработал и применил на практике методологию, которая позволила ему уйти от трактовки международных отношений как явления ситуативного, осознать значение исторического прогноза в науке. Цивилизационный подход учёного, развиваясь, вошёл в XXI в., в то время как идеи его критиков, сторонников «линейной» методологии, включая классика историографии С. М. Соловьёва, остались достоянием XIX столетия.

В итоге типологических изысканий по истории цивилизаций Н. Я. Данилевский пришёл к выводу о принадлежности России и Европы к разным культурно-историческим типам, наличии между ними противоречий, которые в перспективе могли породить столкновения между цивилизациями. Научные изыскания геополитика убедили его в том, что Европа считала и будет впредь считать наше отечество «чужим», даже «враждебным» миром. Она никогда «не признает нас своими». Европа «видит в России, в славянах... и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» [Там же, с. 60].

Спустя пятьдесят лет после книги русского исследователя о позиции Запада в сфере морфологии культуры и международных отношений высказался О. Шпенглер. Философ «изнутри» раскрыл палитру фаустовской души и как «независимый эксперт» подтвердил предположения и опасения

Н. Я. Данилевского. «Фаустовская культура, – заключал О. Шпенглер, – всегда была направлена “на распространение... политического, экономического или духовного характера”. Все мыслители и вожди, от Экхарта до Канта и от Оттона Великого до Наполеона, желали “покорить мир”, увеличить собственную жизненную единицу... за счёт других» [16, с. 366, 903].

Новое время немецкий философ характеризовал как «эпоху колоссальных конфликтов». Со времён императора Наполеона возникает синдром «заряженного ружья». Идёт «война чисел, скорости, техники» [Там же, с. 94].

XX столетие, по его словам, «будет... столетием борющихся государств» [Там же, с. 894]. «В... войны за наследство» вступят континенты, Индия, Китай, Южная Африка, Россия, ислам, в дело войдут «новые и сверхновые техника и тактика» [Там же, с. 894].

В перечне «мобилизованных государств» на первое место мыслитель поставил своё отечество. «Нестерпимое напряжение, – свидетельствовал он, – толкает Европу на подлинный фаустовский путь первополитики всего живого – войны» [Там же, с. 894, 903].

Так, по словам О. Шпенглера, «завершается спектакль высшей культуры» [Там же, с. 972].

Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер ввели в научный оборот новую методологию. Её применение открыло возможности глубокого осмысления прошлого и прогнозирования будущего. Близость «заключений», полученных в ходе изысканий «независимых» исследователей морфологии истории, свидетельствовала о результативности метода цивилизационного анализа. Морфологическая установка изменила парадигму исследований, проблематику, на порядок повысила возможности теоретического осмысления проблемы. Выделение масштабного социального «организма» как отдельного типа способствовало выявлению его существенных особенностей, «возраста» и открыло возможности для глубокого сравнительного изучения культур, необходимого в настоящее время геополитического прогноза.

Список литературы

1. Sorokin P. Social philosophies of an age crisis. Boston: Beacon press, 1951. Vol. XI. 345 p.
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000. 1056 с.
3. Авдеева Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов: Философская культурология второй половины XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.
4. Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. М.: ИФРАН, 1997. 215 с.
5. Султанов К. В. Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций / Социологический институт Российской академии наук; Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 245 с.
6. Балувев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2001. 414 с.
7. Маджаров А. С. История России в теории цивилизаций: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
8. Малинов А. В. Философия и методология истории в России / Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра истории русской философии. СПб.: Интерсоцис, 2015. 380 с.
9. Халаписис А. В. Философия и геополитика Николая Данилевского. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing s managed by: OmniScriptum AraPers GmbH Bahnhofstraße 28, D-66111, 2017. 180 s.
10. Зимовец Л. Г. О. Шпенглер о смысле истории // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 6. С. 123–130.
11. Румянцева Т. Г. Методология гуманитарного познания Освальда Шпенглера (опыт современного прочтения) // Роль женщины в развитии современной науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск 17–18 мая 2016 г.) / ред. И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. Минск: БГУ, 2016. С. 814–819.
12. Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2007. С. 889–902.
13. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
14. Маджаров А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX века (постановка проблемы) // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 57–64.
15. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
16. Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-книга, 2010. 1085 с.
17. Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Шапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск: Иркутская областная типография № 1 им. В. М. Посохина, 2005. 525 с.
18. Бердяев Н. А. О буржуазности и социализме // Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2007. С. 544–549.

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор; Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: mas@home.isu.ru; [https:// orcid. org/0000-0003-1933-8549](https://orcid.org/0000-0003-1933-8549).

Для цитирования

Маджаров А. С. Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер о «славянском» и «романо-германском» культурно-исторических типах и перспективах их взаимодействия (сравнение концепции и метода) // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 59–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-59-68.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 28.08.2022.

References

1. Sorokin, P. Social philosophies of an age crisis. Boston: Beacon press, 1951. XI. (In Rus.)
2. Sorokin, P. Social and cultural dynamics. The study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations. Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute. St. Petersburg, 2000. (In Rus.)
3. Avdeeva, L. R. Russian thinkers: Ap. A. Grigoriev, N. Y. Danilevsky, N. N. Strakhov: Philos. culturology of the second half of the XIX century. M: Publishing House of Moscow State University, 1992. (In Rus.)

4. Bazhov, S. I. Philosophy of History of N. Y. Danilevsky. Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy. M: IFRAN, 1997. (In Rus.)
5. Sultanov, K. V. Social philosophy of N. Y. Danilevsky: conflict of interpretations. Sociol. In-t Russian Academy of Sciences. Sociol. M. M. Kovalevsky University. St. Petersburg: Publishing House of SPbSTU, 2001. (In Rus.)
6. Baluyev, B. P. Disputes about the fate of Russia: N. Y. Danilevsky and his book "Russia and Europe". Tver: Bulat, 2001. (In Rus.)
7. Madzharov, A. S. The History of Russia in the theory of civilizations: a monograph by A. S. Madzharov. Irkutsk: Publishing House of IGU, 2014. (In Rus.)
8. Malinov, A. V. Philosophy and methodology of history in Russia. St. Petersburg State University, Department of History of Russian Philosophy. St. Petersburg: Intersocis, 2015. (In Rus.)
9. Khalapsis, A. V. Philosophy and geopolitics of Nikolai Danilevsky. AP LAMBERT Academic Publishing s managed by: Omni Scriptum Ara Pers GmbH Bahnhofstraße 28, D-66111. Saarbrücken, 2017. (In Rus.)
10. Zimovets, L. G. O. Spengler on the meaning of history. Scientific notes of the Russian State Social University, no. 6, pp. 123–130, 2009. (In Rus.)
11. Rummyantseva, T. G. Methodology of humanitarian cognition by Oswald Spengler (experience of modern reading). The role of women in the development of modern science and education: a collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, May 17–18, 2016, Minsk / BSU; edited by I. V. Kazakova, A. V. Butina, I. V. Olyunina. Minsk: BSU, 2016: 814–819. (In Rus.)
12. Berdyaev, N. A. The dying thoughts of Faust. The Fall of the sacred Russian Kingdom. Moscow: Astrel, 2007: 889–902. (In Rus.)
13. Berdyaev, N. A. Russian idea. St. Petersburg: ABC Classics, 2008. (In Rus.)
14. Madzharov, A. S. Applied methodology as a problem of Russian historiography of the XVIII–XIX century (problem statement). Humanitarian Vector, no. 6, pp. 57–64, 2019. (In Rus.)
15. Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe / Compilation and comments by Yu. A. Belov. M: Institute of Russian Civilization, 2008. (In Rus.)
16. Spengler Oswald. Sunset of the Western world. Moscow: Alpha-book, 2010. (In Rus.)
17. Madzharov, A. S. Afanasy Prokopievich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of "History". Irkutsk: Irkutsk Regional Printing House No. 1 named after V. M. Posokhin, 2005. (In Rus.)
18. Berdyaev, N. A. On bourgeoisness and socialism. The Fall of the Sacred Russian Kingdom. Moscow: Astrel, 2007: 544–549. (In Rus.)

Information about author

Madzharov Alexander S., Doctor of History, Professor; Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: mas@home.isu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1933-8549>.

For citation

Madzharov A. S. N. Y. Danilevsky and O. Spengler on "Slavic" and "Romano-Germanic" Cultural-Historical Types and Prospects of their Interaction (Comparison of the Concept and Method) // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 59–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-59-68.

Received: July 14, 2022; approved after reviewing August 25, 2022; accepted for publication August 28, 2022.

<http://www.zabvektor.com>

ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853 (Print)

Научная статья

УДК 908:93/94(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-69-77

Китайские рабочие на золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов во второй половине 20-х годов XX века: адаптация к новым социально-культурным условиям

Василина Александровна Сазонова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
vasilinass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2682-8493>

Статья посвящена проблеме пребывания китайских мигрантов на территории Сретенского и Читинского округов в конце 1920-х годов прошлого века. Цель данного исследования, ввиду недостаточной разработанности данной темы, – изучение условий проживания китайских рабочих на золотодобывающих приисках. Методологической основой работы послужили принципы историзма, системности и объективности, автором использованы историко-правовые методы научного исследования. В ходе изучения выявлено, что в конце 20-х годов прошлого века советское руководство поставило задачу на ускоренное развитие и модернизацию экономики. Особое внимание уделялось добыче золота как наиболее важной отрасли добывающей промышленности Дальневосточного региона, требующей немедленного восстановления. Для реализации поставленных государством задач была необходима рабочая сила. В связи с возникновением объективных трудностей по поиску рабочих кадров из внутренних резервов страны государственные органы приняли решение по привлечению китайских мигрантов как дешёвой рабочей силы. Дефицит рабочих рук испытывали и золотодобывающие предприятия Сретенского и Читинского округов. На основании опубликованных материалов и документов, полученных из Государственного архива Забайкальского края, автор всесторонне освещает вопросы жизни и деятельности китайских рабочих на советской территории, а также трудности, с которыми им пришлось столкнуться на предприятиях края. В связи с тем что важная роль китайского труда отводилась горнодобывающим предприятиям, особое внимание автор уделил изучению условий труда и проживания китайских рабочих на золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов Дальневосточного края.

Ключевые слова: китайские рабочие, Китай, золотопромышленность, прииски, Сретенский и Читинский округа, бытовые условия

Original article

Chinese Workers at the Gold Mines of Sretensky and Chita Districts in the Second Half of the 1920s: Adaptation to New Socio-Cultural Conditions

Vasilina A. Sazonova

Transbaikal State University, Chita, Russia
vasilinass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2682-8493>

The article is devoted to the problem of the stay of Chinese migrants on the territory of the Sretensky and Chita districts in the late 1920s. Due to the insufficient study of this topic, the paper aims to analyze the living conditions of Chinese workers in gold mines. The methodological basis of the work is the principles of historicism, consistency and objectivity. Moreover, the author uses historical and legal methods of scientific research. The study revealed that at the end of the 1920s, the Soviet leadership set the task of accelerating the development and modernization of the economy. Particular attention was paid to gold mining, as the most important branch of the mining industry in the Far Eastern region, requiring immediate restoration. To implement the tasks set by the state, labor was required. In connection with the emergence of objective difficulties in finding workers from the internal reserves of the country, the state authorities decided to attract Chinese migrants as a cheap labor force. Many sectors of the national economy experienced a shortage of workers, including the gold mining enterprises of Sretensky and Chita districts. In turn, due to the unfavorable economic conditions that developed in China at the beginning of the 20th century, Chinese citizens were forced to look for a source of income in a neighboring country. On the basis of published materials and documents obtained from the State Archives of the Trans-Baikal Territory, the author comprehensively covers the life and work of Chinese workers on Soviet territory, as well as the difficulties they faced at the enterprises of the Territory. Due to the fact, that Chinese labor played an im-

© Сазонова В. А., 2022

portant role in mining enterprises, the author paid special attention to the study of working and living conditions of Chinese workers in the gold mines of Sretensky and Chita districts of the Far Eastern Territory. As a result, it was revealed that the main problems of Chinese workers were low wages, difficult working conditions, lack of adequate medical care, ethnic conflicts, inaction on the part of economic authorities, etc. The author pays special attention to the description of the unsatisfactory living conditions in which Chinese migrants had to work in gold mines. Despite the fact that these problems were not ignored by the mining management and government bodies, the measures taken were often untimely and insufficient, which forced Chinese migrants to seek employment of their labor in other enterprises of the region.

Keywords: chinese workers, China, gold mining, mines, Sretensky and Chita districts, living conditions

Введение. История трудовой деятельности мигрантов на территории Советского Союза в разное время находила отражение в научных и научно-популярных публикациях. При этом некоторые авторы изучали деятельность китайских мигрантов на территории Дальнего Востока.

Часть исследований посвящена анализу присутствия китайских подданных на территории данного региона в дореволюционное время. Существует незначительное количество публикаций, рассматривающих период конца 1920-х гг. Обращают на себя внимание труды таких признанных специалистов по проблематике, как А. Г. Ларина, А. С. Ващук, М. В. Ходякова [1–5 и др.]. Известный китаевед профессор В. Г. Дацышен в своих работах проводит всестороннее изучение проблем китайской миграции в разные исторические периоды, в частности, объектом исследования стали вопросы интеграции китайских мигрантов в российское общество, создание и функционирование Союза китайских рабочих, смешанные русско-китайские семьи [6–8]. Особо стоит отметить диссертационную работу О. В. Залесской, посвященную изучению участия китайских мигрантов в политических, экономических и социальных процессах, имевших место в Дальневосточном регионе в конце XIX начале XX в. [9; 10].

Проблемы демографической ситуации на Дальнем Востоке в период 1920–1930-х гг. рассматриваются в работах Г. А. Ткачевой [11; 12]. Культурно-просветительская деятельность советской власти в среде китайских мигрантов, вопросы образования, организация китайских клубов, театров являются объектом исследования А. В. Алепко, Н. Г. Кулинич [13–15]. Спецификой исследований Н. Ф. Бугай, Е. Н. Чернолуцкой является изучение процесса принудительной миграции как аспекта репрессивной политики в отношении китайских мигрантов в 30-е гг. XX в. [16; 17].

Среди иностранных исследователей, которые проявляют интерес к изучению китайской миграции начала XX века и раскры-

вают широкий круг проблем, связанный с существованием китайских диаспор, следует отметить G. Benton, S. Chinben, A. Mc.Keown [18–20 и др.]. Значимыми исследованиями в области китайской миграции в России, в том числе и на территории Дальнего Востока, являются работы L. Siegelbaum, T. Cheng, A. Tinguay [21–23 и др.].

Изучение различных направлений и аспектов российско-китайских взаимоотношений представляет собой солидный пласт научных исследований, тем не менее в этой области остаётся ещё целый ряд вопросов, нуждающихся в рассмотрении [24, с. 80]. Например, участие китайских мигрантов в процессе развития экономики Дальневосточного края, где особое место занимала золотопромышленность.

В настоящее время за пределами научного интереса исследователей осталась история пребывания китайских мигрантов на территории Забайкалья в 1920-е гг., практически не исследованы особенности их жизни и трудовой деятельности, что важно для понимания процесса адаптации мигрантов в новых социально-экономических условиях.

Целью исследования – анализ условий проживания китайских рабочих на золотодобывающих приисках Читинского и Сретенского округов с выявлением особенностей их адаптации в новое социальное и культурное пространство.

Методология и методы исследования. Изучение темы китайских рабочих основывается на принципах историзма, научности и объективности, кроме того, в работе использованы историко-правовые методы научного исследования. Применение принципов объективности и научности позволило автору с точки зрения критического анализа изучить опубликованные и неопубликованные материалы, а также документы Государственного архива Забайкальского края по заявленной теме, что привело к наиболее полному, всестороннему и объективному исследованию условий жизни китайских рабочих на золотодобывающих приисках.

Результаты исследования и их осуждение. В конце 1920-х гг. приоритетной целью советского руководства стало наращивание экономической и военной мощи государства максимально высокими темпами. На Дальнем Востоке СССР начинается форсированное развитие промышленности с учётом специфики Дальневосточного региона [25, с. 100]. В связи с тем особое внимание уделялось развитию добывающих отраслей народного хозяйства.

С момента создания всесоюзного объединения «Союззолото» на Дальнем Востоке начинается системная работа по восстановлению золотопромышленности¹. В 1927 г. производственные программы золотодобычи были изменены в сторону увеличения, а возможности местного рынка труда по-прежнему были весьма ограниченными [10, с. 133]. Остро встал вопрос дефицита рабочей силы. В связи с этим труд китайских рабочих приобрёл большое значение как на золотодобывающих предприятиях Дальневосточного региона в целом, так и на золотых приисках Сретенского и Читинского округов.

Китайцы в свою очередь, являясь жителями северо-восточных провинций, в поисках заработка отправлялись на советский Дальний Восток в связи с нестабильной политической ситуацией на родине. Они брались за самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. «Не случайно доля китайцев в горнодобывающей промышленности доходила до 50 %» [1, с. 114].

Очень частыми были случаи нелегального проживания китайских мигрантов в Дальневосточном крае. В справочной книге «Сибирь и Дальний Восток» сообщалось: «Китайцы... приходят на сезонные заработки, проходят границы нелегально и таким же образом возвращаются обратно» [по: 3, с. 77]. Нередко китайцы оставались на советской территории по истечении сроков действия разрешительных документов в связи с отсутствием накоплений и денежных средств, необходимых для выезда в Китай.

В 1926 г. количество китайских рабочих на территории Дальневосточного края, занятых на золотодобывающих предприятиях, выглядело следующим образом: в Сретенском округе насчитывалось 1 592 человека; в Зейском – 1 224 человека; в Николаевском – 651 человек; в Амурском – 519 человек; в Читинском – 123 человека; во Владиво-

стокском – 68 человек [26]. В Амурском округе 91 % старателей составляли китайцы [27].

подавляющее большинство китайских мигрантов, приехавших на Дальний Восток, в том числе на золотодобывающие прииски Сретенского и Читинского округов, являлись неграмотными или малограмотными, не владели русским языком. Чаще всего это были неквалифицированные рабочие-пролетарии. Они являлись выходцами из различных социальных слоёв: наёмные солдаты, разорившиеся китайские купцы, ремесленники, крестьяне и нищие². Преобладало мужское население.

Увеличение кадров рабочих золотоискателей, а также наличие китайской рабочей силы способствовало образованию мелкой частной золотопромышленности, в основе работы которой был так называемый «золотничный» способ эксплуатации приисков, состоящий в сдаче отдельных участков организованным артелям. Такой способ работ по добыче золота являлся достаточно выгодным для предпринимателей, так как они не несли никаких расходов по организации и производству работ.

Для производства работ рабочие-старатели по личной инициативе объединялись в артели. Численность артели обычно не превышала 50 человек, но чаще всего она состояла из 5–10 рабочих. Члены артели выбирали «старшего», который осуществлял административно-хозяйственные функции, решал вопросы, связанные с заключением договоров, сдачей золота и др.³

В 1928 г. на территории Сретенского и Читинского округов добыча золота велась на 26 приисках и 3 рудниках. Общее количество работавших золотников-старателей на указанных предприятиях было 4 080 человек, из них 1 368 китайских рабочих⁴. Наиболее крупными приисками являлись Новотроицкий, Казаковский, Жарчинский, Шахтама, Боровский, Кручининский, Усть-Карийский и Ононский рудник⁵.

На золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов китайские рабочие работали более 12 часов в день, имея лишь два дня отдыха в месяц. Размер заработной платы каждый месяц различался, летом заработок был значительно выше. В целом заработная плата была крайне неу-

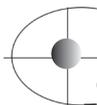
¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. П-71. – Оп. 1. – Д. 564. – Л. 125.

² Там же. – Л. 9.

³ Там же. – Ф. П-75. – Оп. 1. – Д. 997. – Л. 1.

⁴ Там же. – Л. 2.

⁵ Там же. – Л. 3.

стойчивой и очень низкой. Оплата труда китайских рабочих в летний период не превышала 23 рублей в месяц¹.

Следует отметить, что в связи со значительным влиянием сезонности на размер заработной платы многие рабочие покидали свои рабочие места зимой. Например, в Сретенском округе за квартал 1928 г. на прииски прибыло 1 107 восточных рабочих, убыло 920, за январь 1929 г. прибыло 390 рабочих, а убыло 492².

В зимнее время с октября по апрель преобладающим способом работ по добыче золота был ямный способ – как наиболее простой и приемлемый для мелких старательских артелей. Работа в ямах производилась преимущественно с использованием мускульной силы и являлась очень тяжёлым и опасным видом работ. Добыча золота этим способом проводилась в холодное время года при температуре на поверхности, достигающей в некоторые месяцы от минус 30 до минус 40 °С, нередко при сильном ветре и при отсутствии какой-либо защиты от атмосферных осадков. Постоянная работа в яме при отсутствии дневного освещения, в полумраке, в сырости и холоде приводила к проблемам органов зрения и слуха, простудным и ревматоидным заболеваниям.

Имели место случаи, когда китайские рабочие прибывали из других районов края и в связи с отсутствием опыта работы и незнанием местности начинали разрабатывать участки, бедные золотом. Так, с сентября 1928 г. по апрель 1929 г. около 200 китайских рабочих работали на прииске Жарчинский, и выкопав не меньше 2 000 ям, получили минимальный доход. Заработная плата китайского рабочего иногда составляла 36 копеек в день³. Стоит отметить, что довольно часто заработная плата русского рабочего значительно превышала размер заработка китайского рабочего.

Жилищно-бытовые условия восточных рабочих на приисках Сретенского и Читинского округов были крайне тяжёлыми. Китайские мигранты проживали в избах, общих бараках или землянках. В землянках (по-китайски «фанзах»), размер которых не превышал 13 м², обогрев помещения производился с помощью печки-каменки, освещение осуществлялось естественным способом через небольшие отверстия в стенах размером

30×16 см, которые были обтянуты тканью или промасленной бумагой, вследствие чего в помещении был всегда полумрак. Часто китайские рабочие жили в бараках, устроенных из накатника, обычно без потолков и с земляным полом. Площадь бараков составляла около 60 м², высота чуть больше 2 м. Крыша сооружалась из жердей, засыпалась соломой и землёй⁴. Вдоль стен делались нары, в центре помещения стоял стол для принятия пищи. Здесь же разводили огонь, готовили еду, которая не отличалась разнообразием, в основном хлеб и овощи.

Помещения китайских рабочих были малоприспособленными для жилья, они были сырыми, холодными, с недостаточным освещением и вентиляцией, углы стен промерзали. Воздух в бараках постоянно был сжатым и удушливым, пропитанным дымом опиума и табака, грязной и мокрой одеждой, развешанной для просушки. Отсутствие элементарной гигиены, антисанитарные условия, скученность и теснота проживающих способствовали размножению насекомых: блох, тараканов, клопов.

Бани на приисках не предусматривались, на немногих из них имелись проточные водопроводы, вода часто была малоприспособленной для питья. Так, «на прииске Козлово Нер-Заводского района существовала проблема с питьевой водой. Воду брали из ручья, в летнее время в связи с промывкой песков качество воды ухудшалось, кроме того, жители деревни, расположенной выше прииска, использовали воду для бытовых нужд, в том числе и для стирки белья»⁵.

Специально отведённых мест для мусора, туалетов на приисках не предусматривалось, поэтому места проживания рабочих были завалены отходами жизнедеятельности.

Медицинская помощь практически отсутствовала. Из 29 приисков и рудников Сретенского и Читинского округов в 1927 г. фельдшеры работали лишь на прииске Кручининский, рудниках Дарасунский и Ононский⁶. Для остальных предприятий медицинские пункты находились в десятках километрах, что делало невозможным предоставление качественной и своевременной медицинской помощи, особенно в зимнее время.

Таким образом, крайне неблагоприятные условия жизни китайских рабочих спо-

¹ ГАЗК. – Ф. П-71. – Оп. 1. – Д. 564. – Л. 5.

² Там же. – Л. 53.

³ Там же. – Ф. П-81. – Оп. 1 – Д. 807. – Л. 2.

⁴ Там же. – Ф. П-75. – Оп. 1. – Д. 997. – Л. 17.

⁵ Там же. – Ф. П-71. – Оп. 1. – Д. 238. – Л. 343.

⁶ Там же. – Ф. П-75. – Оп. 1. – Д. 997. – Л. 20.

способствовали высокому уровню заболеваемости, распространению инфекционных заболеваний, таких как туберкулёз, брюшной тиф и др. По одному прииску Козлово за истекший 1928 г. зафиксировано 833 случая невыхода на работу¹.

Помимо отсутствия амбулаторного и стационарного лечения, скорая медицинская помощь на местах горных старательских работ также не осуществлялась. Аптечки с необходимыми медикаментами и перевязочным материалом для оказания первой медицинской помощи имелись лишь на некоторых приисках. В условиях отсутствия должной медицинской помощи лёгкая травма приводила к серьёзным последствиям, а тяжёлый несчастный случай мог стать смертельным.

Социальное страхование в отношении китайских рабочих, работавших в артелях, договором не предусматривалось, пособие по временной нетрудоспособности соответственно не выплачивалось. В связи с отсутствием должного внимания со стороны приисковой администрации к вопросу техники безопасности количество несчастных случаев на производстве было очень велико. Ответственность за несчастные случаи на производстве возлагалась на самих рабочих, в связи с чем учёт их количества был затруднён.

Китайские рабочие, опасаясь ответственности за тяжёлые увечья или смерть члена артели, не только не заявляли о том или ином несчастном случае, но и всеми силами скрывали его. Имели место случаи, которые, к сожалению, были не единичны, что сорвавшемуся в яму китайскими рабочему артель не оказывала никакой помощи, а способствовала его смерти. После похоронив его, артель заявляла, что данный китайский старатель выбыл на родину².

Если китайский старатель получал не смертельное увечье, а, например, ломал ногу, то он, не получая никакой материальной помощи от хозорганов, становился тяжким бременем для всей артели. Работники артели, не надеясь на его скорое выздоровление, старались избавиться от него, иногда лишая пищи и не оказывая иной помощи, что в итоге приводило к смерти пострадавшего рабочего³.

Подобное отношение китайских рабочих было вызвано исключительно боязнью ответственности за несчастные случаи на производстве, а также желанием избежать проблем, связанных с расследованием данного случая со стороны органов власти. Таким образом, вопрос о травматизме и технике безопасности на золотодобывающих предприятиях стоял особо остро. Отсутствие контроля и ответственности со стороны хозорганов в отношении техники безопасности на предприятиях приводила к совершенно недопустимым явлениям среди рабочих.

Подобные жилищные и бытовые условия наблюдались почти на всех приисках Сретенского и Читинского округов. Жилищные условия китайских рабочих не соответствовали санитарным нормам и требовали незамедлительного решения данного вопроса со стороны приисковой администрации.

Нельзя не отметить такую форму китайского самоуправления, как институт подрядчиков, или «старшинок», получивший распространение на золотодобывающих приисках в условиях массовой неграмотности китайских рабочих и незнания ими русского языка. Подрядчики, в большей или меньшей степени владея русским языком, служили посредниками между китайскими рабочими и русскими предпринимателями, имея определённый процент с заработка каждого рабочего⁴.

Подрядчики, пользуясь тем, что китайские рабочие не знали трудового законодательства и плохо понимали русский язык, выплачивали им заработную плату не в полном объеме, оставляя себе 30 или 50 %, а полученную спецодежду и другие товары для рабочих на приисках оставляли для личного пользования или продавали тем же рабочим⁵.

В материалах Сретенского главного приискового управления «Союззолото» «О культуре среди восточных рабочих Сретенского округа» отмечено: «На прииске В. Гугуда есть один Тун-Ший (подрядчик) Иао-Чин-Шан, у него имеется много паёв, сам он не работает, а деньги получает большие – 100 руб. в день. Это потому, что на прииске хоть и организована артель, но рабочие работают не так, как члены артели, а как его наёмные рабочие. Одновременно Иао-Чин-Шан занимается контрабандой, имеет связь с границей и прочее. По этому поводу его

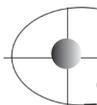
¹ ГАЗК. – Ф. П-71. – Оп. 1. – Д. 238. – Л. 509.

² Там же. – Ф. П-75. – Оп. 1. – Д. 997. – Л. 17.

³ Там же. – Л. 89.

⁴ Там же. – Л. 262.

⁵ Там же. – Ф. П-71. – Оп. 1. – Д. 564. – Л. 17.

арестовали, но после этого больше 100 чел. китайских рабочих подписали заявление о его освобождении, потому что он состоит в организации «Куто» (братский союз), к тому же, у него есть свой актив среди восточных рабочих»¹.

По инициативе подрядчиков нередко практиковались опекуренные и карточные игры, в результате чего китайские рабочие, проработавшие лето, к зиме, когда сворачивалась работа, оставались без копейки денег. В связи с тем что опиум на приисках приобретался только за золото, среди рабочих были случаи воровства. Тун-Ший полученное от продажи им опиума золото продавал в город.

Существенной проблемой, связанной с присутствием китайских мигрантов в регионе и их взаимоотношениями с русскими рабочими, являлись межнациональные конфликты. Русские рабочие в общении с китайскими использовали слова «ходя», «китаеза», «фазан» и др.² Нередкими были случаи пренебрежительного отношения к китайским рабочим со стороны хозорганов и приисковой администрации, что зачастую способствовало развитию национальной розни и усиливало пренебрежительное отношение к китайцам со стороны русских рабочих.

Как уже отмечалось, существовала разница в размере заработной платы, выплачиваемой русским и китайским рабочим. Так, в документах по работе с восточными рабочими Читинского окружного комитета ВКП(б) указывается, что за одну и ту же работу, за одинаковое количество отработанных часов русский рабочий получает 12 рублей 50 копеек, китайский – 4 рубля 80 копеек³.

С целью решения данных проблем ставились задачи по устранению пренебрежительного отношения к китайским рабочим, всякого рода неравенства, установления правильных взаимоотношений хозорганов с восточными рабочими и товарищеских отношений между русскими и китайским рабочими.

Заключение. Изучение архивных материалов, посвящённых китайскому присутствию на золотодобывающих приисках, позволяет сделать вывод о том, что местная золотопромышленность в конце 1920-х гг. остро нуждалась в китайском труде как источнике дешёвой рабочей силы.

Приехавшие в регион китайцы оказались в новых для себя социально-экономических и культурных условиях. Проживая в непосредственной близости друг от друга, они сформировали новую социальную общность, со своими особенностями. При этом они вынуждены были подстраиваться под реалии происходящего.

Сложности бытового характера и тяжёлый труд, помимо обычных для мигрантов трудностей адаптации в новой социально-культурной среде, поставили китайских мигрантов в особые условия проживания. Китайские рабочие, прибывая на золотодобывающие прииски Забайкалья, сталкивались со значительными трудностями, связанными чаще всего с отсутствием приемлемых жилищных и бытовых условий, низкой заработной платой, сложностями во взаимоотношениях с русскими рабочими, произволом со стороны подрядчиков.

Незнание китайскими рабочими русского языка и советских законов нередко приводило к проблемам экономического и социального неравенства, трудностям в отстаивании своих трудовых прав. Вследствие этого китайцы иногда целыми партиями покидали свои рабочие места в поисках заработка на других приисках, где условия труда чаще всего были похожими.

Проблемы китайских рабочих не оставались без внимания органов власти, которыми предпринимались меры по улучшению жилищно-бытовых условий, не допускались различия между русскими и китайскими рабочими по своевременному снабжению качественными товарами, по полноценной правовой защите. Нередко предпринимавших мер оказывалось недостаточно, в связи с чем условия жизни китайских рабочих на большинстве приисков Сретенского и Читинского округов оставались неудовлетворительными.

Указанные проблемы тормозили процесс восстановления золотодобывающей промышленности региона и становились препятствием для реализации столь масштабных государственных экономических задач. Несмотря на это в условиях дефицита рабочей силы на территории Забайкалья китайский труд играл значимую роль в развитии экономики в целом, а процесс восстановления золотодобывающей отрасли Забайкалья ставился в прямую зависимость от наличия китайской рабочей силы и эффективного её использования.

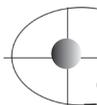
¹ ГАЗК. – Ф. П-71. – Оп. 1. – Д. 564. – Л. 18.

² Там же. – Л. 142.

³ Там же. – Ф. П-75. – Оп. 1. – Д. 796. – Л. 1.

Список литературы

1. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
2. Ларин А. Г. Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 5. С. 65–82.
3. Ващук А. С. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 226 с.
4. Ходяков М. В. Кризис рабочей силы и попытки его разрешения в России в 1914–1917 гг. // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 332–338.
5. Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.
6. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. 327 с.
7. Дацышен В. Г. Русско-китайские семьи в СССР: история возникновения и некоторые характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2019. № 4. С. 742–757.
8. Дацышен В. Г. Союз китайских рабочих в Сибири // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 95–109.
9. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России: 1858–1938 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Благовещенск: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2009. 542 с.
10. Залеская О. В. Китайские мигранты в золотодобывающей отрасли на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. // Власть. 2017. Т. 25, № 4. С. 131–137.
11. Ткачева Г. А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000. 111 с.
12. Ткачева Г. А. Заселение Дальнего Востока России выходцами из Китая, Кореи и Японии в 20-е годы XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф. Владивосток: Дальнаука, 1993. Вып. 2. С. 73–75.
13. Алепо А. В. К вопросу о клубах, театрах и печати китайской диаспоры советского Дальнего Востока 1923–1930 гг. // История и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч. конф. (г. Благовещенск, 21–28 мая 2018 г.). Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. С. 219–223.
14. Алепо А. В. Формирование и развитие системы высшего партийного образования китайских коммунистов в Дальневосточном регионе СССР 1923–1936 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы науч.-практ. конф. (г. Благовещенск, 21–28 мая 2018 г.). Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. С. 211–218.
15. Кулинич Н. Г. Культурно-просветительная работа среди китайских иммигрантов в городах Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 120–129.
16. Бугай Н. Ф. Дискуссии по проблеме принудительно переселённых народов в 1930–1940-е гг. в Российской историографии // Путь к Великой Победе: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2020. С. 46–51.
17. Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
18. Benton G. Chinese Migrants and Internationalism: Forgotten Histories, 1917–1945. London; New York: Routledge, 2007. 170 p.
19. Chinben S. The Chinese Immigrants. Manila: Kaisa Para Sa Kaunlaran, Inc., 1992. 526 p.
20. McKeown A. Conceptualizing Chinese Diasporas, 1842 to 1949 // The Journal of Asian Studies. 1999. Vol. 58, no. 2. Pp. 306–337.
21. Siegelbaum L. Another “Yellow Peril”: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12, no. 2. Pp. 307–330.
22. Cheng T. A History of Sino-Russian Relations. Washington, D. C.: Public Affairs press, 1957. 398 p.
23. Tinguy A. Chinese Immigration to Russia: a Variation on an Old Theme // The Chinese in Europe / ed. by G. Berton and F. Pieke. London: Macmillan, 1998. Pp. 301–319.
24. Цао Байин, Нин Яньхун. Китайские рабочие в России как значимая сила в распространении марксизма // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 1. С. 80–88.
25. Головин С. А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М.: Московский педагогический государственный университет, 2008. 520 с.
26. Кочегарова Е. Д. К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20–30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 3. С. 379.

27. Дацышен В. Г. Китайцы // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 2. К–Р. Новосибирск: Историческое наследие Сибири: Институт истории СО РАН, 2009. С. 76.

Сведения об авторе

Сазонова Василина Александровна, ассистент; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: vasilinass@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2682-8493>.

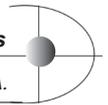
Для цитирования

Сазонова В. А. Китайские рабочие на золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов во второй половине 20-х годов XX века: адаптация к новым социально-культурным условиям // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 69–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-69-77.

Статья поступила в редакцию 24.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 28.05.2022.

References

1. Larin, A. G. Chinese migrants in Russia. M: Vostochnaya kniga, 2009. (In Rus.)
2. Larin, A. G. The Chinese Diaspora in outlines of global transformations: politics, Economics, law, no. 5, pp. 65–82. 2017. (In Rus.)
3. Vashchuk, A. S. Ethnomigration processes in Primorye in the XX century. Vladivostok: FEB RAS, 2002. (In Rus.)
4. Khodyakov, M. V. The labor force crisis and attempts to resolve it in Russia in 1914–1917. Revolution of 1917 in Russia: events and concepts, consequences and memory: international scientific journal. Practical conf. (St. Petersburg, May 11–12, 2017). St. Petersburg: Dmitry Bulanin publishing house, 2017: 332–338. (In Rus.)
5. Khodyakov, M. V., Zhao Ch. Labor migration of Chinese to Russia during the First World War. Modern History of Russia, no. 1, pp. 7–30, 2017. (In Rus.)
6. Datsyshen, V. G. The Chinese in Siberia in the XVII–XX centuries: problems of migration and adaptation. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2008. (In Rus.)
7. Datsyshen, V. G. Russian-Chinese families in the USSR: the history of their origin and some characteristics. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia, no. 4, pp. 742–757, 2019. (In Rus.)
8. Datsyshen, V. G. The Union of Chinese workers in Siberia. Russia and the Pacific, no. 3, pp. 95–109, 2019. (In Rus.)
9. Zaleskaya, O. V. Chinese migrants in the Russian Far East: 1858–1938. Dr. sci. diss. Blagoveshchensk, 2009. (In Rus.)
10. Zaleskaya, O. V. Chinese migrants in the gold mining industry in the Far East in the 1920s–1930s, no. 4, pp. 131–137, 2017. (In Rus.)
11. Tkacheva, G. A. The demographic situation in the Russian Far East in the 1920–1930s. Vladivostok: Dalrybtuz, 2000. (In Rus.)
12. Tkacheva, G. A. Settlement of the Russian Far East by immigrants from China, Korea and Japan in the 1920s. Historical experience of discovery, settlement and development of the Amur and Primorye in the XVII–XX centuries. (On the 350th anniversary of the start of V. D. Poyarkov's campaign on the Amur): abstracts of reports and communications int. scientific conf. Issue. 2. Vladivostok: Dal'nauka, 1993: 73–75. (In Rus.)
13. Alepko, A. V. On the issue of clubs, theaters and the press of the Chinese diaspora in the Soviet Far East in 1923–1930. History and China: history and prospects of cooperation: materials of international scientific. conf. (Blagoveshchensk May 21–28, 2018). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2018: 219–223. (In Rus.)
14. Alepko, A. V. Formation and development of the system of higher party education of Chinese communists in the Far East region of the USSR 1923–1936. Russia and China: history and prospects of cooperation: Proceedings of scientific practical conf. (Blagoveshchensk, May 21–28, 2018). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2018: 211–218. (In Rus.)
15. Kulinich N. G. Cultural and educational work among Chinese immigrants in the cities of the Far East in the 1920–1930s. Vestnik RGGU, no. 4, pp. 120–129, 2012. (In Rus.)
16. Bugai, N. F. Discussions on the problem of forcibly resettled peoples in the 1930s–1940s. Russian historiography. In the collection: The path to the Great Victory: history and modernity. materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Maykop: Adyghe State University, 2020: 46–51. (In Rus.)
17. Chernolutsкая, E. N. Forced migrations in the Soviet Far East in the 1920s–1950s. Vladivostok: Dalnauka, 2011. (In Rus.)

18. Benton, G. Chinese Migrants and Internationalism: Forgotten Histories, 1917–1945. London; New York; Routledge, 2007. (In Engl.)
19. Chinben, S. The Chinese Immigrants. Manila: Kaisa Para Sa Kaunlaran, Inc., 1992. (In Engl.)
20. McKeown, A. Conceptualizing Chinese Diasporas, 1842 to 1949. *The Journal of Asian Studies*, no. 2, pp. 306–337, 1999. (In Engl.)
21. Siegelbaum, L. Another “Yellow Peril”: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917. *Modern Asian Studies*, no. 2, pp. 307–330, 1978. (In Engl.)
22. Cheng, T. A History of Sino-Russian Relations. Washington, D. C: Public Affairs press, 1957. (In Engl.)
23. Tinguy, A. Chinese Immigration to Russia: a Variation on an Old Theme. *The Chinese in Europe / Ed. by G. Berton and F. Pieke*. London: Macmillan, 1998: 301–319. (In Engl.)
24. Cao Bayin, Ning Yanhong. Chinese workers in Russia as a significant force in the spread of Marxism. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, no. 1, pp. 80–88, 2016. (In Rus.)
25. Golovin, S. A. Changes in the social structure of the population of the Far East of the USSR: 1923–1939. Dr. sci. diss. M: Moscow Pedagogical State University, 2008. (In Rus.)
26. Kochegarova, E. D. On the use of Chinese workers in the gold industry of the Far East (1920s–1930s). *Russia and China on the Far Eastern borders. Issue. Z. Blagoveshchensk: Publishing house of AmGU*, 2002: 379. (In Rus.)
27. Datsyshen, V. G. The Chinese. *Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 volumes*. Novosibirsk: Publishing House “Historical Heritage of Siberia”, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. V. 2. K–R. S. 76. (In Rus.)

Information about author

Sazonova Vasilina A., Assistant; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: vasilinass@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2682-8493>.

For citation

Sazonova V. A. Chinese Workers at the Gold mines of Sretensky and Chita Districts in the Second Half of the 1920s: Adaptation to New Socio-Cultural Conditions // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 69–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-69-77.

Received: April 24, 2022; approved after reviewing May 25, 2022; accepted for publication May 28, 2022.

АРХЕОЛОГИЯ: ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ

ARCHAEOGRAPHY: CULTURAL HERITAGE

Научная статья

УДК 902(5-191.2)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-78-88

Трансформация погребального обряда народов Центральной Азии на территории Северной Индии в эпоху раннего железного века

Валерия Леонтьевна Денисенко

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия
valerialeontyevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>*

Статья посвящена историографическому анализу трансформации погребального обряда памирских саков, юэчжей, индо-скифов и кушан в процессе их миграции из Центральной Азии на территорию Северной Индии. Цель данного исследования – проследить постепенную ассимиляцию кочевых народов Центральной Азии с оседлым населением Бактрии и Северной Индии, отражённую в погребальном обряде. В настоящее время ранний железный век Центральной Азии и Северной Индии в изучении их историко-культурных взаимодействий, движений миграционных волн остаётся малоизученной темой. Эта тема нуждается в объективном и глубоком исследовании, основанном на тщательном анализе и систематизации имеющихся историографических источников. Одна из основных проблем – недостаточное количество публикаций по погребальным памятникам, соотносимым с саками-индо-скифами и юэчжи-кушанами на территории Северной Индии. При этом погребальные практики являются одними из самых важных показателей степени взаимодействия различных народов и культур. Основным методом исследования выступает комплексный подход, предполагающий привлечение данных других наук – эпиграфических, нумизматических и исторических. Хронологические рамки исследования – со II в. до н. э., когда юэчжи и саки начали свои масштабные миграции на запад, по III в. н. э., когда произошло падение Кушанской империи. В процессе миграции саки и юэчжи подстраивались под окружающие их культуры. Так, часть саков в Бактрии переняла зороастризм, а курганные захоронения юэчжей содержат в себе изделия преимущественно местного оседлого населения. На территории Северной Индии индо-скифы и кушаны переняли погребальные традиции местного индо-буддийского населения – сжигание умерших и помещение их праха в специальные ступы с другими реликвиями. Важно отметить, что их ассимиляция происходила постепенно и были даже внесены изменения в устоявшуюся погребальную индо-буддийскую практику. Например, в ступах иногда встречаются отдельные кости или целые скелеты, а также, начиная с индо-скифского периода, в ступы с другими реликвиями стали класть монеты. В этой связи одним из перспективных направлений является открытие новых источников по погребальным памятникам Северной Индии.

Ключевые слова: саки, юэчжи, индо-скифы, кушаны, погребальный обряд, Центральная Азия, Северная Индия

© Денисенко В. Л., 2022

Original article

**Transformation of the Funeral Rite of the Peoples
of Central Asia on the Territory of North India
During the Early Iron Age****Valeria L. Denisenko***Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*
valerialentevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

The article is dedicated to the historiographical analysis of the transformation of funeral rite of the Pamir Sakas, Yuezhi, Indo-Scythians and Kushans in the process of their migration from Central Asia to the territory of Northern India. The purpose of this study is to trace the gradual assimilation of the nomadic peoples of Central Asia with the settled population of Bactria and Northern India, reflected in the funeral rite. The Early Iron Age of Central Asia and Northern India remains little-studied, if to speak about historical and cultural interactions and routes of the migration wave. This topic needs an objective and deep study based on a thorough analysis and systematization of available historiographical sources. Extreme paucity of publications dedicated to the funerary monuments correlated with Saki-Indo-Scythians and Yuezhi-Kushans in Northern India is one of the main problems. Funeral practices are among the most important indicators of the cultural interaction between different peoples and cultures. The main method of research is a comprehensive approach suggesting involving data from other sciences – epigraphic, numismatic and historical. The chronological framework of the study is from the II century BC, when Yuezhi and Saki began their massive migrations to the west – to the III century AD, when the fall of the Kushan Empire occurred. In the process of migration, the Sakas and Yuezhi adapted to the cultures around them. Thus, part of the Sakas in Bactria adopted Zoroastrianism, burial mounds of the Yuezhi mostly contain products of local sedentary population. On the territory of Northern India, the Indo-Scythians and Kushans adopted the funerary traditions of the local Buddhist population – burning the dead and placing their ashes in special stupas with other relics. It is important to note that their assimilation took place gradually and even influenced the established funeral practice of Indo-Buddhist. For example, single bones and whole skeletons are sometimes found in stupas, and since the Indo-Scythian period, coins have been placed in stupas with other relics. In this regard, the revealing of new sources about the funerary monuments of Northern India is one of the promising directions.

Keywords: Saka, Yuezhi, Indo-Scythians, Kushan, funeral rite, Central Asia, Northern India

Введение. На обширной территории расселения иранских народов в эпоху раннего железного века существовало большое разнообразие погребальных практик, тем не менее, их религиозно-культурные представления были довольно близкими. В данной статье подробно рассмотрена трансформация погребальных практик таких народов, как саки и индо-скифы, юэчжи и кушаны на территории Центральной Азии. Показаны изменения, которые произошли в их погребальной обрядности на территории северной части Индостана после создания Индо-скифского и Кушанского царства. В качестве сакских погребений рассмотрены особенности погребального обряда только памирских саков (саков-хаумаварга), так как их взаимодействие с народами Индии достоверно засвидетельствовано по письменным и археологическим источникам. Насчёт остальных сакских племён нет полной уверенности в их связях с индийскими народами. В современном научном знании этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным.

В настоящее время ранний железный век Центральной Азии и Северной Индии в изучении их историко-культурных взаимодействий, движений миграционных волн остаётся малоизученной темой, которая нуждается в объективном и глубоком исследовании, основанном на тщательном анализе и систематизации имеющихся историографических источников. Важно отметить, что полное отсутствие работ по проблеме в целом в известной мере компенсируется большим числом работ по отдельным частным вопросам, отдельным отрезкам пути, отдельным периодам существования рассматриваемых культур. Так, по погребальным практикам памирских саков внёс существенный вклад Б. А. Литвинский, опубликовав множество работ, посвящённых собственным археологическим исследованиям региона. В 1972 г. вышла его обобщающая работа о саках Памира с привлечением всех имеющихся на тот момент археологических и письменных источников. Данной темой с 1930-х гг. занимался А. Н. Бернштам, руководитель археологической экспедиции на

территориях Семиречья, Тянь-Шаня, Памира и Ферганы. Особенности материальной и духовной культуры саков посвящены исследования К. А. Акишева и Г. А. Кушаева. К вопросу истории и погребальных практик юэчжей обращались А. Ю. Заднепровский, Л. Вирго, К. Бенджамин. Погребальным традициям, распространённым на территории Бактрии после падения Греко-Бактрийского царства, посвящены работы А. М. Мандельштама, Э. В. Ртвеладзе, О. В. Обельченко, В. И. Сарияниди, Т. К. Ходжайова, К. Абдуллаева. К отдельным аспектам индо-скифской и кушанской погребальной обрядности, распространённой на территории северной части Индостана, обращались Е. Эррингтон, Д. Джонгевард, Р. Саломон, Дж. Шопен.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности. Первый из них требует учёта исторического контекста при интерпретации любых видов источников. Принцип научной объективности, в свою очередь, стал необходимой основой при проведении историографического анализа привлекаемых материалов. В ходе изучения основными историческими методами выступили сравнительно-исторический (историко-генетический и историко-диффузионный) и комплексный. Комплексный метод, который в нашем исследовании является одним из основополагающих, применяется при сопоставлении нескольких видов разнородных источников (археологических и письменных), содержащих информацию об одном явлении, данный метод совместно с другими представленными методами позволяет успешно решить поставленную в работе цель.

Результаты исследования и их об-суждение. Памирские саки – крайне небольшая часть обширного круга сакских племён Центральной Азии. Важно отметить, что основной культурный пласт у всех сакских племён был общий, но при более детальном рассмотрении становится явно, что их разнообразие было довольно велико. Главные группы могильников расположены в верховьях р. Оксу (Кзыл-Рабат, Можуташ, Шаймак, Акбеит, Тегермансу), по р. Памир (Памирская I, Ичкилик, Харгуш); в районе р. Аличур и оз. Зоркуль и Яшилькуль (Аличур и Яшилькуль); в бассейне р. Истык (могильники Андемин, Айдынкуль, Сарыкурум,

Чеш-тепе, Жарты-Гумбес, Малый Истык, Истык, Койджилга), по р. Кокуйбельсу (Карабулак и Кокуйбель) [1, с. 7, рис. 1].

Погребальный обряд памирских саков имеет свои минимальные локальные отличия, но, как правило, это курганы с небольшой каменной насыпью, стенки которых иногда укреплялись деревом или перекрывались плитами. Могильная яма овальной или подпрямоугольной формы имеет глубину 0,5–1 метр от дневной поверхности. Погребённого клали на дно ямы, иногда с травяной подстилкой. Полной идентичности в позах погребённых нет, важно отметить, что именно памирские саки резко отличаются от остальных представителей сакских племён наибольшим числом скорченных погребённых [Там же, табл. 56]. Также отличается их ориентировка, чаще встречается на запад. Как предложил А. Н. Бернштам, погребённые ориентированы в зависимости от того, где располагается река [2, с. 304].

Большое распространение получили кенотафы. При раскопках А. Н. Бернштама и Б. А. Литвинского в Акбеите треть курганов оказалась кенотафами, обведёнными кольцом из мелких камней [1, с. 173].

Погребальный инвентарь довольно однороден для всех погребальных комплексов Памира, но в то же время разнообразен. Обычно в погребении находится один-два лепных сосуда, изредка железный нож, в женских могилах – единичные украшения (бусы, серьги, кольца) [3, с. 128]. Оружие в захоронениях встречается крайне редко. Керамика также довольно однотипна, особенно её формы: небольшие чаши-миски, глубокие чаши баночной формы; распространены круглодонные чаши со сферическим туловом; горшки широкогорлые шаровидные; горшки широкодонные с уплощённым или плоским дном и с ребристым корпусом [1, с. 34–41]. При раскопках курганов на Восточном Памире обнаружены различные деревянные изделия, изготовленные из берёзы, ивы, вяза, платана. Среди этих изделий имеется и деревянная посуда. Особую группу составляют ритуальные бронзовые и медные котлы из памирских комплексов. Крайне редко, но археологи обнаруживают фрагменты тканей и кожаных изделий. Множество предметов звериного стиля, в основном пряжки, бляшки, наперстки.

Погребальный инвентарь демонстрирует наличие связей с Индией. В погребениях

памирских саков часто попадаются сердоликовые бусы, большое количество раковин моллюска из семейства Pectunculidae, встречающееся только на побережье Индийского океана [1, с. 79, 141]. В некоторых местах (Шаймак, к. 1; Кзыл-Рабат, к. 6; Андемин I, к. 2; Можуташ II, к. 2) обнаружены крупные и средние створки раковин, имеющие вид выпукло-вогнутых кружков с отверстием в центре [4, с. 39–40; 5, с. 57–58]. В погребении из могильника Кзыл-Рабат на внешней поверхности раковины отмечена гравированная сетка с треугольными ячейками, в центре каждого треугольника – точка [1, табл. 47]. Чрезвычайно показательно, что эта традиция была распространена у саков Памира и у народов Индии.

Важно отметить, что в погребальном ритуале огонь занимал особое место для освещения и согревания могилы. Конечно, это общая характеристика в верованиях ираноязычных кочевников, а также многих индоевропейских народов. Тем не менее эта особенность является общей и с религиями Индии, в которых до сих пор сохраняется вера в то, что дух нуждается в источнике света, чтобы продвигаться по своему пути, и в огне, чтобы согреть себя. Огонь мог рассматриваться как экстатическое средство, которое помогает душе вознестись к обиталищу богов [6, с. 58]. Из Семиречья происходит целая серия сакских ритуальных курильниц и жертвенников, тесно связанных с культом огня [7, табл. 3].

В послеахеменидское время, после передвижения племён саков на юго-запад, они становились зороастрийцами или находились с ними в тесном контакте. Эту гипотезу предложил Я. Асмуссен на основе лингвистических данных, которые демонстрируют появление зороастрийских терминов в сакской лексике. По мнению исследователя, хотано-сакское “urmaydsde” (солнце) имеет явную связь с более древним именовани-ем верховного божества – Ахура-Мазды [8, с. 137–139].

Однозначно, что изменения в погребальной практике памирских саков, часть которых мигрировала в Бактрию, а другая – на территорию Северного Индостана, происходили постепенно. Например, курганные погребения были обнаружены в XIX в. в горных долинах северного Пакистана, на миграционном маршруте центрально-азиатских кочевников. К сожалению, вследствие

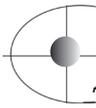
того что они не исследованы, невозможно установить их этническую принадлежность и дату создания [9, с. 156]. Прежде чем перейти к рассмотрению изменений, произошедших в погребальной практике памирских саков – индо-скифов, рассмотрим погребальную практику юэчжей.

Относительно погребальной обрядности юэчжей даже в настоящее время известно не так много. В основном это связано с тем, что территория их первоначального расселения, а именно северо-западная граница Китая, провинция Ганьсу, исследована неравномерно, а то, что исследовано, опубликовано большей частью на китайском языке. Вследствие этого мы имеем аморфное понимание того, каков был их погребальный обряд изначально, а на памятниках, связанных с их миграционным маршрутом, мы наблюдаем их постепенную ассимиляцию в окружающие культуры. Учёные выделяют три этапа в их погребальной обрядности: ганьсуйский, исыкульский и среднеазиатский [10, с. 5]. Рассмотрим известные в настоящее время погребальные комплексы юэчжей в хронологическом порядке.

Первым известным нам погребальным памятником юэчжей считается Хамадун, расположенный в Ганьсу на юго-восточной периферии скифо-сакского мира [11, с. 57]. Из 18 могил 12 исследованных погребений в подбоях. Могилы ориентированы меридионально с небольшим отклонением. Костяки расположены вытянуто, головой на север. Присутствуют ниши в западных стенках могил. Вход закрыт палками. Погребённых сопровождает ритуальная пища – головы быков, лошадей, овец, включая наконечники стрел, бляшки, жезл и фрагмент лука [Там же, с. 59]. По радиоуглероду погребения датируются VI–IV вв. до н. э. Исходя из местоположения и даты, китайские археологи относят могильник к юэчжам.

Подбойные могилы, открытые в Северном Китае в Даодуньцзы у г. Тонксин провинции Нинся и Хамадун, аналогичны по конструкции подбоев и по большому количеству ритуальной мясной пищи, но несколько отличаются от погребений с подбоем Центральной Азии. Всего пока в Северном Китае вскрыто 18 подбойных погребений, и этого явно недостаточно для основательных выводов по погребальной практике [12, с. 76].

К ганьсуйскому этапу также относится могильник Чаухугоу, находящийся в Тарим-

ской впадине. На могильнике обнаружено немного подбойных могил, но они практически ничем не отличаются от памятников в соседних областях Ферганы и Семиречья [12, с. 78].

В Центральной Азии единичные погребения в подбоях появляются в V–III вв. до н. э. и частично синхронны могильнику Хамадун. В массовом количестве они распространяются на этой территории во II–I вв. до н. э. В Семиречье из 370 учтённых ещё в 1960 г. курганов 80 % составляли захоронения в грунтовых ямах (сакские) и 17 % – захоронения в подбоях [7, с. 16]. В настоящее время количество известных здесь могил во много раз возросло, но, к сожалению, более современными данными мы не располагаем, тем не менее такое процентное соотношение вполне показательно. Больше всего подбойных погребений обнаружено в Фергане, основная масса которых сконцентрирована в одном районе, в междуречье Ляйляка – Исфара – Соха в Южной Киргизии. На данной территории вскрыто 300 подбойных погребений, что составляет 75 % всех изученных курганов в регионе. Эта группа памятников рассматривается как отдельная карабулакская археологическая культура, связываемая с вторжением в Фергану юэчжийских племён [12, с. 77].

Второй исыкульский этап в погребальной практике юэчжей характеризуется тем, что продолжают использоваться погребения с подбоем. Керамика лепная, но изредка встречается и изготовленная на гончарном круге, чаще всего встречается плоскодонная, на которую иногда наносили прорезной орнамент. Также представлено множество форм курильниц, вьючных фляг, кувшинов. Погребальный инвентарь представлен деревянными изделиями [13, с. 30–31]. Присутствует различное железное оружие. Антропологический тип юэчжей в отличие от сакского населения (в основном европеоидного) демонстрирует смешение европеоидных и монголоидных признаков. Важно отметить, что встречаются признаки прижизненной деформации головы. У большинства погребённых в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа [14, с. 47].

Далее на юго-запад подобные памятники кочевников изучены на периферии Бухарского и Самаркандского Согда в долине Заревшана и представляют собой третий этап в погребальной практике юэчжей – средне-

азиатский. В Бухарском оазисе О. В. Обельченко на территории южного Таджикистана, А. М. Мандельштамом и Е. П. Денисовым раскопаны погребения с подбоем, аналогичные погребениям Семиречья и отчасти Ганьсу. Всего в Северной Бактрии раскопано около 1 000 погребений предкушанского и кушанского времени в могильниках: Тулхар, Аруктау, Коккум, Бабашов, Кызыл-Тепе, Лявандак и Хазаринск. Представленные могильники функционировали вплоть до распада Кушанской империи.

Погребальные памятники Северной Бактрии демонстрируют, что мигрировавшие кочевники имели непосредственные контакты с оседлым населением, что нашло отражение в погребальном инвентаре. Погребальную конструкцию они использовали с подбоем, но при единообразии структуры и размеров насыпи характер обнаруженных могильных сооружений имеет ряд отличий [15, с. 39]. Тем не менее, в основном встречается довольно узкая и глубокая яма около 2 м с нешироким и невысоким подбоем в западной стенке. Погребённый обычно лежит на спине в вытянутом положении, головой на С, ССЗ, ССВ. Антропологические измерения по-прежнему показывают смешение европеоидных и монголоидных черт, также как и практику намеренной деформации головы [16, с. 42]. Но если конструкция и трупоположение оставлены прежними, то мы видим коренные изменения в погребальном инвентаре, который представлен изделиями преимущественно местного оседлого населения. В первую очередь это касается керамики, которая полностью представлена изготовленной на гончарном круге, что соответственно, является продуктом ремесленного производства [15, с. 44]. Остальной сопроводительный инвентарь немногочислен и единообразен по составу.

В основном погребальный инвентарь представлен одним-двумя сосудами, возле черепа серьги или бусы, которые встречаются и в мужских захоронениях. Редко можно увидеть железные пряжки, латунные кольца, перстни и другие мелкие предметы [Там же, с. 51–53]. В мужских погребениях встречается оружие: кинжалы, ножи, железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами [17, с. 204]. Одной из постоянных составных частей погребального инвентаря были кости барана. С I в. н. э. в погребениях начинают находить

нумизматические материалы, что, разумеется, помогает в датировке и определении культурной принадлежности [17, с. 201]. Стоит отметить, что большинство погребений были ограблены, поэтому сложно судить о степени разнообразия предметов [15, с. 65]. Важной особенностью, которую отмечает А. М. Мандельштам, является то, что «сопровождающий инвентарь состоит из предметов, находившихся в повседневном обиходе, а не из вещей специального ритуального характера» [Там же, с. 113].

Одна из самых больших сенсаций в истории археологии – открытие В. И. Сариниди могильника I в. н. э. в Тилля-тепе, на северо-западе Афганистана. Исследованы шесть могил из семи, размещённые не в пределах их собственного кургана. Они располагались на территории здания, построенного в эпоху бронзового века и Ахеменидов, которое представляло собой холм высотой три метра и диаметром около ста метров. В. А. Сариниди обнаружил простые погребальные сооружения, представляющие собой прямоугольные в плане вертикальные шахты, в которых могильная яма располагалась примерно на уровне 2 м от поверхности холма [18, с. 48]. Погребённые лежали на спине в вытянутом положении в деревянных гробах без крышки, которые, вероятно, обёртывали погребальными покрывалами с нашитыми на них различными украшениями [Там же, рис. 30]. После того как опускали гроб, поверх могильной ямы размещали деревянные перекрытия, циновки или даже натягивали кожу. Относительно ориентировки довольно интересно, что два покойника погребены на 3, остальные – на С.

Несмотря на простоту своей структуры, эти захоронения, несомненно, относятся к элитным, чей погребальный инвентарь включал более 20 000 артефактов, в том числе изделия из золота, железа, бронзы, полудрагоценных камней, дерева и шёлка, не только местного производства, но и импортного – из разных отдалённых мест. Художественные предметы, обнаруженные в могилах, исключительно эклектичны и представляют собой смесь кочевых, бактрийских и греческих традиций с китайскими, индийскими и парфянскими чертами. В некоторых погребениях представлена жертвенная пища, в погребении № 4 это лошадиный череп и кости ног. Важно отметить, что не было никаких надмогильных сооружений,

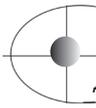
использован не специально созданный курган, позволивший предположить, что данные погребения пытались скрыть намеренно.

Представленный в Тилля-тепе погребальный обряд можно рассматривать как немного видоизменённую версию традиционных кочевых захоронений более ранних веков, которые обычно представляли собой искусственный курган, воздвигнутый над гробницей с деревянной колодой. Однако в погребальной практике юэчжей и саков не использовались деревянные колоды, только иногда в погребениях встречаются деревянные перекрытия. Среди исследователей нет единого мнения относительно этнической принадлежности погребённых в Тилля-тепе, но определено, что они были ираноязычными кочевниками раннекушанской эпохи.

Кроме курганных могильников в Кушанской империи существовали и другие формы погребальных практик. Это одна из уникальных черт кушан – полиэтничность и толерантность. Данный факт наглядно иллюстрирует чеканка, т. к. на монетах представлены божества из различных религий и вероисповеданий.

Исконной религией бактрийцев, чьи земли заняли центральноазиатские кочевники (саки, юэчжи-кушаны), был зороастризм. За долгий период своего существования зороастризм выработал сложную и уникальную погребальную обрядность. В её основе – строгое соблюдение предписаний Авесты о том, что ни огонь, ни воду, ни землю нельзя осквернить соприкосновением с трупом. Таким образом, зороастрийскими жрецами была выработана строгая последовательность погребального обряда, впоследствии изложенная в Видевдате. В нём предписывалось, что умершего человека первым делом необходимо поместить в ката – специальные помещения, куда предварительно приносят трупы. Затем тело человека относят в дахму, обычно это естественная возвышенность или специальная постройка, где специально обученные собаки, дикие животные или птицы обглодают труп, оставив одни кости. После этого полностью очищенные кости помещают в костехранилища (наусы) [19, с. 113]. При кушанских городах, таких как Дальверзин-тепе, Айратам, Кара-тепе, обнаружены специальные постройки, заполненные очищенными костями.

На территории Бактрии в I в. н. э. начинает распространяться и третий вид погреб-

бальной практики – буддийский [20, с. 228]. После завоевания кушанами Северного Индостана в I в. н. э. повсеместно начинают строиться первые буддийские сооружения в Бактрии. Одни из самых распространённых буддийских сооружений – это ступы, некоторые из них относятся к погребальным сооружениям, типологически восходящим к могильным курганам [21, с. 65]. Первые ступы в Индии относятся ко времени царствования царя Ашоки, который построил их для погребения останков Будды. Согласно описанию в «Махапариниббана сутте», когда Будду спросили, что делать с его останками, он сказал, что для начала его тело необходимо обернуть множеством слоёв ткани и затем кремировать, после чего прах поместить в ступу. Точно так же следует обращаться с умершими учениками [22, с. 68].

Первоначально ступы возводили в форме полусферы на круглом основании, с I в. н. э. на квадратном, где вмуровывали каменный реликварий с прахом и другие реликвии, сверху увенчивали декоративными «зонтами» и обносили оградой с четырьмя воротами [23, с. 5]. В буддизме считается, что ступа воспроизводит строение мироздания. Часто реликварию с прахом повторяют форму ступы, необходимо добавить, что ступы, особенно большие, перестраивались и продолжали служить по назначению долгое время после их основания [24, с. 230].

Позднее ступы возводили на месте сожжения или в честь важных буддийских событий [25, с. 152]. Иногда в ступы замуровывали не пепел, а само тело умершего, который был мумифицирован с помощью соли или прожаривания в масле [26, с. 39]. Например, на территории Северной Индии во время раскопок обнаружено несколько ступ, содержащих целые скелеты. В ступе в Сахри-Бахлал Х. В. Беллью исследовал ступу, в которой находился полный скелет, в трёх футах над другой впадиной в центре ступы, содержащей пепел, – кусочки древесного угля и множество костей людей и животных [27, с. 137]. Э. Эррингтон объясняет этот феномен как «погребальные обряды какой-то другой религии, включённые в буддийские погребальные комплексы» [28, с. 121].

Определённая часть саков/индо-скифов, юэчжей/кушан приняла новую погребальную практику. Начиная с индо-скифов, пожертвования в ступах стали включать в себя монеты – феномен, который ранее не

использовался в погребальной практике народов Северной Индии, был обнаружен в Бактрии. В своём исследовании всех реликвариев и ступ из Восточного Афганистана Э. Эррингтон обнаружила, что треть включала монеты [29, с. 130]. Эта практика, вероятно, началась с индо-скифского периода и продолжалась даже после эпохи кушан [30, с. 80]. Относительно рассмотрения погребальной практики необходимо отметить конструкцию ступы, которая, как и свойственно архитектурным сооружениям, со временем изменялась. Лорианна Брюно разработала типологию ступ на основе наскальных изображений из долины Верхнего Инда, которая иллюстрирует морфологию ступы с I в. до н. э. не только в северной части Индостана (Гандхара, Кашмир и Западные Гималаи), но и в Центральной Азии [31, табл. 2].

Две ступы в районе Дарунта, раскопанные Ч. Массоном в Пассани, свидетельствуют о буддийских погребальных обрядах. В центре ступы № 7 обнаружена большая камера, в которой находился скелет без черепа [30]. Многочисленные фрагменты известня и лепных статуй Будды, львов и слонов, находящиеся в ступе, свидетельствуют о том, что захоронение было заключено в её ядре.

В ступе № 2 полный череп помещён выше шкатулки из стеатита [Там же, рис. 49]. В ступе находились десять хрустальных бус, пепел, цветные камни, золотой брелок в форме шриутаса (индийская эмблема удачи) и пять небольших золотых шкатулок с фрагментами костей, а также шесть бронзовых монет с легендой *Soter Megas*, которые относятся ко времени империи кушанского царя Вимы Такто [Там же, с. 81].

Ступы на Джелалабадской равнине и в окрестностях Кабула и Вардака кажутся немного более поздними по типу, чем памятники Дарунта, при этом наибольшее их количество датируется временами Хувишки (ок. 126–163 г. н. э.). Одна из важных находок сделана в районе Вардак в одной из ступ Кохват – бронзовый реликварий, известный как «Вардакская ваза» (высотой 17 см). В ней находились разные реликвии и шестьдесят шесть медных монет, выпусков великих кушанских царей – Вима Кадфиза, Канишки и Хувишки [Там же, рис. 53]. На полированной шаровидной вазе есть две надписи на кхароштки. На нижней части изделия написано название буддийской

общины, ответственной за строительство ступы, – Махасангхика. Это одна из самых ранних буддийских сект, которые были наиболее могущественными в Матхуре и южнее в Индии, чьи доктрины, возможно, повлияли на развитие движения махаяны [24, с. 218]. Это единичное свидетельство из Вардака об их присутствии так далеко на севере в Афганистане, несомненно, отражает широкое распространение в то время буддизма.

Заключение. На примере погребально-го обряда показано, как трансформируется не только материальная культура, но и вероисповедания вследствие взаимодействия народов Центральной Азии и Северной Индии. Будучи кочевниками, саки и юэджи, обосновавшиеся в бактрийском регионе стали активно перенимать черты оседлой культуры бактрийцев-зороастрицев. При становлении Кушанской империи отмечено разнообразие погребальных практик, ещё раз доказывающих высокую степень религиозного либерализма кушан [33, с. 24]. На территории Северной Индии индо-скифы и кушаны переняли погребальные традиции местного индо-буддийского населения – сжигание умерших и помещение их праха в специальные ступы с другими реликвиями. Важно отметить, что их ассимиляция происходила постепенно, были внесены изменения в устоявшуюся индо-буддийскую погребальную практику: иногда в ступах встречаются отдельные кости или целые скелеты, а также, начиная с индо-скифского периода, в ступы с другими реликвиями стали класть монеты.

Рассмотренные в ходе статьи погребения в ступах, вероятно, относятся к элитным, так как содержат большое количество статусных вещей. Вследствие этого на данный момент нельзя утверждать – был ли рас-

пространён данный погребальный обряд на все слои населения индо-скифов и кушан. В этой связи важно отметить, что индо-скифские и кушанские захоронения в курганных могильниках, характерные для Бактрии, не известны в Северной Индии, даже на таком значительном археологическом комплексе как Таксила [32, с. 184]. Осмелимся предположить, что индо-скифам и кушанам был не чужд такой способ погребальной практики, который использовали индо-буддисты. Как мы упоминали ранее, у памирских саков был особый культ огня. После своей миграции на территорию Бактрии саки и юэджи определённое время проживали вместе с зороастрийцами.

Одна из основных проблем при изучении данной темы – недостаточное количество публикаций по погребальным памятникам, соотносимым с саками-индо-скифами и юэджи-кушанами на территории Северной Индии. Как отмечено ранее, погребальные практики упомянутых народов трансформировались под культурным влиянием индо-буддийского населения. Вместе с тем нельзя не согласиться, что погребальные памятники являются устойчивой традицией определённой культурной общности, поэтому должны были остаться следы прежней погребальной практики, возможно, они просто не изучены. В этой связи одним из перспективных направлений дальнейших исследований является открытие новых источников, в том числе и погребальных памятников. Вполне вероятно, что появится больше материалов, демонстрирующих связь с Центральной Азией, когда будут раскопаны погребальные памятники, обнаруженные ещё в XIX в. в горных долинах Северного Пакистана.

Список литературы

1. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 274 с.
2. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.: Изд-во Акад. наук СССР; Л., 1952. 348 с.
3. Бернштам А. Н. Саки Памира // Вестник древней истории. 1956. № 1. С. 121–134.
4. Литвинский Б. А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. 1958. Т. 27, вып. 6. С. 37–48.
5. Литвинский Б. А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. 1959. Т. 31, вып. 7. С. 50–62.
6. Frazer J. G. The fear of the dead in primitive religion. Lectures delivered on the William Wyse Foundation at Trinity College. Cambridge; London, 1934. Vol. 1, no. II. 151 p.
7. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. 320 с.
8. Asmussen J. P. Xuastvanift. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965. Vol. VII. 292 p.
9. Dani A. H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // Journal of Central Asia. 1998. No. 1. Pp. 158–170.

10. Zadneprovsky Y. A. Migration Paths of the Yueh-chih based on Archaeological Evidence // Circle of Inner Asian Art Newsletter. 1999. No. 8. Pp. 3–16.
11. Virgo L. Cultural Diffusion and Identity: Material Culture in Northwest China -II and I millennia BCE. Dis. Ph. D. London, 2004. 374 p.
12. Заднепровский Ю. А. Пути миграции юечжей по новым археологическим данным // Древние номады Центральной Азии. СПб.: Наука, 1997. С. 74–79.
13. Заднепровский Ю. А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. // Страны и народы Востока, 1971. Т. X. С. 27–36.
14. Гинзбург В. В., Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас КиргССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 10. С. 32–51.
15. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР. 1975. Т. VII. 228 с.
16. Кияткина Т. П. Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. 1961. Т. 71. С. 36–45.
17. Обельченко О. В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1974. Т. 1. С. 202–209.
18. Сарияниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
19. Ртвеладзе Э. В. Кушанское царство. Династии, государство, народ, язык, письменность, религии. Историческая библиотека. Ташкент, 2019. 133 с.
20. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство / под ред. Т. К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2010. 320 с.
21. Полосьмак Н. В., Шах М. А., Кундо Л. П. Петроглифы на плитах Занскара (Индия): материалы 2016 года // Археология, этнография и антропология Евразии, 2018. Т. 46, № 2. С. 60–67.
22. Harvey P. The Symbolism of the Early Stupa // The Journal of the International Association of Buddhist Studies, 1984. Vol. 7, no. 2. Pp. 67–93.
23. Болганова М. С. Архитектура буддийских памятников Средней Азии. // SAN'AT. 2004. № 2. С. 4–7.
24. Marco de G. The Stūpa as a Funerary Monument: New Iconographical Evidence // East and West. 1987. Vol. 37, no. 4. Pp. 191–246.
25. Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.: Восточная литература РАН, 1997. 279 с.
26. Schopen G. Bones, Stones and Buddhist Monks. Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy and Texts of Monastic Buddhism in India. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. 298 p.
27. Bellew H. W. A General Report on The Yusufzais in Six Chapters with A Map. Lahore: Government central press, 1864. 265 p.
28. Errington E. The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī // School of Oriental and African Studies. London, 1987. Pp. 210–214.
29. Jongeward D., Errington E., Salomon R. Reliquaries in the British Museum // Gandharan Buddhist Reliquaries. Seattle: Early Buddhist Manuscripts Project, 2012. 320 p.
30. Errington E. Gandhara Stupa Deposits // Arts of Asi. 1998. Vol. 28, no. 2. Pp. 80–87.
31. Bruneau L. L'architecture bouddhique dans la vallée du Haut Indus: un essai de typologie des représentations rupestres de stūpa // Arts Asiatiques, 2007. Vol. 62. Pp. 63–75.
32. Ray S. Scythian elements in early Indian art. Dis. Ph. D. Calcutta: University of Calcutta. 2005. 266 p.
33. Ходжайов Т. К., Абдуллаев К. Население кушанской Бактрии (антропология, письменные источники и изобразительное искусство). Берлин: Lambert Academic Publishing, 2011. 145 с.

Сведения об авторе

Денисенко Валерия Леонтьевна, аспирант; Новосибирский государственный педагогический университет; 630028, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28; e-mail: valerialeontyevna@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>.

Для цитирования

Денисенко В. Л. Трансформация погребального обряда народов Центральной Азии на территории Северной Индии в эпоху раннего железного века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 78–88. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-78-88.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 19.06.2022; принята к публикации 21.06.2022.

References

1. Litvinskiy, B. A. Ancient nomads "Roofs of the World". M: Nauka, 1972. (In Rus.)
2. Bernshtam, A. N. Historical and archaeological sketches of the Central Tien Shan and Pamir-Alai. MIA № 26. M.; L.: 1952. (In Rus.)
3. Bernshtam, A. N. Sakas Pamir. VDI, no. 1, pp. 121–134, 1956. (In Rus.)
4. Litvinskiy, B. A. Excavation of burial grounds in the Eastern Pamirs in 1958. Tr. AN TadzhSSR. In-t istorii im. Ahmada Donisha. V. 27. APT, 1958. Iss. 6. Stalinabad. Pp. 37–48. (In Rus.)
5. Litvinskiy, B. A. Excavation of burial grounds in the Eastern Pamirs in 1959. Tr. AN TadzhSSR. In-t istorii im. Ahmada Donisha. V. 31. APT, 1959. Iss. 7. Dush. Pp. 50–62. (In Rus.)
6. Frazer, J. G. The fear of the dead in primitive religion. Lectures delivered on the William Wyse Foundation at Trinity College. Cambridge, London, 1934. Vol. 1. No. II. (In Engl.)
7. Akishev, K. A., Kushaev, G. A. The ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili river valley. Alma-Ata, 1963. (In Rus.)
8. Asmussen, J. P. Xuastvamft. Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965. Vol. VII. (In Engl.)
9. Dani, A. H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan. Journal of Central Asia, vol. 21, no. 1, pp. 158–170, 1998. (In Engl.)
10. Zadneprovskiy, Yu. A. Migration Paths of the Yueh-chih based on Archaeological Evidence. Circle of Inner Asian Art Newsletter, no. 8, pp. 3–16, 1999. (In Engl.)
11. Virgo, L. Cultural Diffusion and Identity: Material Culture in Northwest China -II and I millennia BCE. Dis. Ph. D. London, 2004. (In Engl.)
12. Zadneprovskiy, Yu. A. Yuezhi migration routes according to new archaeological data. Ancient nomads of Central Asia. SPb: Nauka, 1997: 74–79. (In Rus.)
13. Zadneprovskiy, Yu. A. On the ethnicity of the monuments of the Semirechye nomads of the Usun period of the 2nd century BC – V century AD. Countries and peoples of the East, 1971. T. H. Pp. 27–36. (In Rus.)
14. Ginzburg, V. V., Zhiron, E. V. Anthropological materials from the Kenkol catacomb burial ground in the valley of the river. Talas KirgSSR. SMAE, vol. 10, Pp. 32–51, 1949. (In Rus.)
15. Mandel'shtam, A. M. Monuments of the Kushan nomads in Northern Bactria. Tr. TAE. L: 1975. Tom VII. (In Engl.)
16. Kiyatkina, T. P. Skulls from the burial ground Aruk-Tau (Tajikistan). TIEAN, USSR, 1961. V. 71. Pp. 36–45, 1961. (In Rus.)
17. Obel'chenko, O. V. Burial mounds of the Kushan era in the Bukhara oasis. Central Asia in the Kushan era. M., 1974. V. 1. Pp. 202–209. (In Rus.)
18. Sarianidi, V. I. Temple and necropolis of Tillatepe. M: 1989. (In Rus.)
19. Rtveladze, E. V. Kushan kingdom. Dynasties, state, people, language, writing, religions. Historical Library, Tashkent, 2019. (In Rus.)
20. Litvinskiy, B. A., Zeimal', T. I. Buddhist monastery Ajina-tepa (Tajikistan). Excavations. Architecture. Art. Ed. by T. K. Mkrticheva. SPb: "Nestor-Istoriya", 2010. (In Rus.)
21. Polos'mak, N. V., Shah, M. A., Kundo L. P. Petroglyphs on the plates of Zanskar (India): Materials of 2016. Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia, no. 2, pp. 60–67, 2018. (In Rus.)
22. Harvey, P. The Symbolism of the Early Stupa. The Journal of the International Association of Buddhist Studies, no. 2, pp. 67–93, 1984. (In Engl.)
23. Bolganova, M. S. Architecture of Buddhist monuments in Central Asia. SAN'AT. Tashkent, no. 2, pp. 4–7, 2004. (In Rus.)
24. Marco de G. The Stūpa as a Funerary Monument: New Iconographical Evidence. East and West, vol. 37, no. 4, pp. 191–246, 1987. (In Engl.)
25. Smirnov, Yu. ALabyrinth. The morphology of deliberate burial. M: "Vostochnaya literature" RAS, 1997. (In Rus.)
26. Schopen, G. Bones, Stones, and Buddhist Monks. Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997. (In Rus.)
27. Bellew, H. W. A General Report on The Yusufzais in Six Chapters with A Map. Lahore: Government central press, 1864. (In Engl.)
28. Errington, E. The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī. School of Oriental and African Studies. London, 1987. Pp. 210–214. (In Engl.)
29. Jongeward, D., Errington, E., Salomon R. Reliquaries in the British Museum. Gandharan Buddhist Reliquaries. Seattle: Early Buddhist Manuscripts Project, 2012. (In Engl.)
30. Errington, E. Gandhara Stupa Deposits. Arts of Asia, vol. 28, no. 2, pp. 80–87, 1998. (In Engl.)
31. Bruneau, L. L'architecture bouddhique dans la vallée du Haut Indus: un essai de typologie des représentations rupestres de stupa. Arts Asiatiques, vol. 62, pp. 63–75, 2007. (In Fr.)
32. Ray, S. Scythian elements in early Indian art. Dis. Ph. D. University of Calcutta, 2005. (In Engl.)
33. Hodzhaiov, T. K., Abdullaev, K. Population of Kushan Bactria (anthropology, written sources and fine arts). Germaniya, iz-vo Lambert Academic Publishing, 2011. (In Rus.)

Information about author

Denisenko Valeria L., Postgraduate Student; Novosibirsk State Pedagogical University; 28 Vilyuiskaya st., Novosibirsk, 630028, Russia; e-mail: valerialeontyevna@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>.

For citation

Denisenko V. L. Transformation of the Funeral rite of the Peoples of Central Asia on the Territory of North India During the Early Iron Age // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 78–88. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-78-88.

Received: May 16, 2022; approved after reviewing June 19, 2022; accepted for publication June 21, 2022.

Научная статья

УДК 903.15(395.1)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-89-99

«Этничность» скифов: проблематика в аспектах онтологии и гносеологии

**Любомир Степанович Добровольский¹,
Гулнар Тулегеновна Каженова², Улан Умиткалиевич Умиткалиев³**

^{1,2,3}*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, г. Нур-Султан, Республика Казахстан*

¹*lubomirdobrovolskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>,*

²*gkazhenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>,*

³*uomitkaliev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>*

Работа посвящена проблеме археологического определения этноса в кругу вопросов генезиса скифов и их антропологического состава. Задача исследования – изучить разработку скифской проблематики путём систематизации и интерпретации данных истории, археологии и физической антропологии, рассмотреть возможности дальнейших исследований в аспекте конкурирующих гипотез. Причиной нерешённости вопроса происхождения скифов является отсутствие общепринятого наполнения понятий «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура», обусловленных размытостью границ ареалов распространения памятников «культуры скифского типа». Причины разнообразия мнений о физическом облике скифов – отсутствие достаточного количества антропологического материала и различие интерпретаций морфологических связей и линий развития. Перспективным направлением считаем изучение генезиса скифов и развития скифской культуры в ракурсе миграций в рамках срубно-андроновской культурно-исторической общности. Необходимо определение и многовекторных пульсирующих миграций, и «скифского ареала» как обширного материально-культурного («этнокультурно-исторического») ландшафта, и той среды, в пределах которой они происходили. Крайне важно выделение компактных типологических вариантов и их культурных и хронологических границ в рамках культурной общности скифов юга Восточной Европы, савроматов и саков. В аспекте установления скифского ареала и выделения этнокультурных компонентов необходимы тщательная локализация зон оседлости на его границах, исследования трансграничных зон, локализация которых приурочена к обособленным физико-географическим структурам и зонам интеграции материального производства, а также выявление закономерностей и специфики протекания этнокультурных процессов в пределах и на границах крупных трансзональных территорий.

Ключевые слова: автохтонная гипотеза, антропологический состав, генезис скифов, миграционная гипотеза, этничность

Original article

“Ethnicity” of the Scythians: Problems in the Aspects of Ontology and Gnoseology

Lubomir S. Dobrovolskiy¹, Gulnar T. Kazhenova², Ulan U. Umitkaliev³

^{1,2,3}*L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan*

¹*lubomirdobrovolskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>,*

²*gkazhenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>,*

³*uomitkaliev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>*

The work is devoted to the problem of the archaeological definition of the ethnos in connection with the range of questions of the genesis of the Scythians and their anthropological composition in connection with the eastern migration impulses. The objective is to study the development of this set of problems, as well as to consider the possibilities of further research in the aspect of competing hypotheses by systematizing and interpreting the data of history, archeology and physical anthropology. The reason for the unresolved issue of the origin of the Scythians is the lack of a generally accepted content of the concepts of “Scythian” and “Scythian culture”, as well as “Scythian archaeological culture”, due to the blurring of the boundaries of the areas of distribution of monuments of the “Scythian type culture”. The reason for the diversity of opinions about the physical appearance of the Scythians is the lack of a sufficient amount of anthropological material and the difference in interpretations of morphological relationships and lines of development. We consider the study of the genesis of the Scythians and the development of the Scythian culture from the perspective of migrations within the framework of the

© Добровольский Л. С., Каженова Г. Т., Умиткалиев У. У., 2022

Srubna-Andronovo cultural and historical community to be a promising direction. It is necessary to define both multi-vector pulsating migrations and the "Scythian area" as a vast material and cultural ("ethnic, cultural and historical") landscape and the environment within which they occurred. It is extremely important to single out compact typological variants and their cultural and chronological boundaries within the framework of the cultural community of the Scythians in the south of Eastern Europe, Sauromatians and Saks. In terms of establishing the Scythian area and identifying ethnic and cultural components, it is necessary to carefully localize the settled zones on its borders, study trans-boundary zones, the localization of which is confined to isolated physical and geographical structures and zones of integration of material production, and identify the patterns and specifics of the course of ethnic and cultural processes within and on the borders of large trans-zonal territories.

Keywords: autochthonous hypothesis, anthropological composition, genesis of the Scythians, migration hypothesis, ethnicity

Введение. В современной скифологии как специальной отрасли историко-археологической науки наряду с многочисленными вопросами становления и развития культур скифского типа и во взаимосвязи с вопросами раннескифской истории остро стоит проблема происхождения скифов и скифской культуры.

Сторонники автохтонной гипотезы видят зарождение скифской культуры в недрах срубной культуры (А. М. Тальгрэн, В. А. Гордцов, М. И. Артамонов, О. А. Кривцова-Гракова, Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова). Миграционная гипотеза (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская) предполагает происхождение и передвижение скифов из Центральной Азии.

Актуальными являются вопросы соотношения автохтонного и миграционного компонентов в антропологическом составе скифов. Вопрос археологического определения этноса – один из важнейших, сопряжённых с проблемой соотношения археологической культуры и этнической общности.

Задача нашего исследования – изучить разработку проблемы генезиса скифов и возможности дальнейших исследований в аспекте конкурирующих гипотез и проблематики смежных наук.

Методология и методы исследования. Материалом исследования послужили научные труды ведущих учёных современности по истории, археологии, антропологии и этнологии, раскрывающие проблематику «скифского вопроса».

Методологическая база исследования – историко-диалектический подход, основанный на принципе историзма и системности и подразумевающий объективно-исторический анализ конкретных фактов, а также системную обработку исторических источников и научной литературы. При общем системно-функциональном и синхронно-диакроническом подходе к рассмотрению исторических фактов использовались приё-

мы общенаучного теоретико-эмпирического индуктивно-дедуктивного метода.

«Для большинства исследователей культура всегда соответствует определённому этносу, который иногда называют племенем или группой племён, что тоже достаточно условно» [1, с. 9].

Логичным является вывод В. С. Мосина о том, что современная археология зашла в тупик в исследовании происхождения, развития и взаимодействия археологических культур: «При культурно-историческом (локально-культурном, или классификационном) подходе археологические культуры отождествляются с племенами и мифическими «этнотами», во главе угла стоит хронологическая классификация археологических материалов на основе генетической преемственности культурных традиций и взаимодействия различных культур между собой» [2, с. 9].

«Интерпретация материалов является одной из самых сложных и наименее разработанных процедур археологического исследования», – уверен В. А. Шнирельман. Остро стоит проблемный вопрос: «Что может сказать археология об этничности, и может ли вообще что-либо об этом сказать?» [3, с. 50].

Л. Т. Яблонский, размышляя о кризисе этногенетического направления в современной гуманитарной науке, подчёркивает: «На современном этапе развития каждая из научных дисциплин, участвующих в этногенетической реконструкции (антропология, археология, этнология), испытывает определённый методологический кризис» [4, с. 42].

Как отмечает С. В. Соколовский, «этнические интерпретации археологических памятников отмечаются и для периодов, заведомо предшествовавших той конфигурации идентичности, которую принято сегодня называть этнической. Сама по себе материальность как совокупность артефактов даже в случаях надёжной привязки к локальной

культуре не может служить источником для сколько-нибудь надёжной этнической атрибуции» [5, с. 82].

Методами археологии невозможно выявить самосознание людей, живших на определённой территории, т. е. археологически этничность не выделяется [6, с. 78, 110], а на вопрос о реальности этнических признаков в археологии возможен только категорически отрицательный ответ [2].

В. А. Шнирельман подчёркивает, что археологическая культура может отражать сложную систему взаимодействия разных неродственных групп, а наличие «огромной единой гомогенной культурной области», с которой археологи обычно ассоциируют этничность, или «ареала однотипных престижных вещей» вовсе не говорит однозначно о каком-то социальном или лингвокультурном единстве. Нет оснований называть скифов, сарматов или аланов народностью (народом, этносом), поскольку «не имеется никаких убедительных свидетельств того, что данная группа имела единое самосознание» [3, с. 58–64].

Понятие «этнос» для ранних эпох – первобытности, античности или раннего средневековья – в современном понимании соответствует понятию «протоэтнос» [7, с. 83–100] или «безэтническая ситуация» [1, с. 61; 8]. А. Д. Таиров предлагает в археологии говорить о родоплеменных группах, степени их родства, хозяйственных типах и т. д. [6, с. 110].

Л. Т. Яблонский отмечает, что этногенетический процесс, начиная с глубокой древности, – «это история формирования той или иной популяции на той или иной территории» [Там же, с. 105]. «Поле археологии, – пишет Л. Т. Яблонский, – не изучение мифических общностей, а структурирование и характеристика материальной и духовной культуры историко-культурных областей, то есть понятий географических» [4, с. 37]. Достойное место в процессе этногенетического исследования сможет занять и физическая антропология, поскольку «дело антропологов – подтвердить или доказать ещё раз, что физический облик людей также является составляющим элементом в понятии "народ"» [4, с. 44].

Странники теории автохтонности и антропологической консолидированности причерноморских скифов – Г. Ф. Дебец, Т. С. Кондукторова, М. С. Великанова,

В. П. Алексеев, М. М. Герасимова, С. Г. Ефимова, Л. Т. Яблонский – предками всех причерноморских скифов считают носителей срубной культуры.

Приверженцы миграционной гипотезы антропологическими данными аргументируют автохтонность населения лесостепи и центрально-азиатское происхождение степных скифов, генетически связанных с одной из ветвей индоиранцев, мигрировавших в эпоху бронзы из Европы на восток и в раннем железном веке вернувшихся в степи Северного Причерноморья [9–11]. Антропологическая дифференциация скифов объясняется неодинаковым участием местных групп в его сложении и множественностью миграций (родственными связями с тагарцами, саками и савроматами), обусловившими метисный характер большинства скифского населения [12].

Результаты исследования и их об- суждение. В период IX–VII вв. до н. э. в связи с изменениями экологической ситуации в северопричерноморской степи и южных районах лесостепи происходил отток основной массы населения в более благоприятные районы (лесостепь и Кубань) и расселение в плодородных районах рек [13]. Отмечается почти полное отсутствие антропологических данных по предскифскому периоду с территории Северного Причерноморья [12, с. 62].

С. И. Круц отмечает, что скифы причерноморских степей антропологически были неоднородны и представлены разнообразием морфологических вариантов – от резко долихокраничных, узко- и высоколицых, хорошо профилированных до брахикраничных, с ослабленной горизонтальной профилировкой и широким лицевым скелетом [Там же, с. 73].

Фиксируются прямые параллели отдельных скифских серий в предшествующих периодах на территории Северного Причерноморья (в частности, связи с такими культурами с территории Восточной Европы: ямная, кеми-обинская, катакомбная, культура многоваликовой керамики, срубная, черногоровская и белозёрская) [9; 12].

С. И. Круц, говоря о формировании антропологического состава населения, придерживавшегося оседлого или полуседлого образа жизни (вблизи Днепра или в причерноморской полосе), предполагает, что оно было очень смешанным, наряду с местными племенами эпохи бронзы прини-

мали участие греческие и фракийские племена [12, с. 84].

Все лесостепные, а также пять степных серий заняли место среди «западных» европеоидов; три серии рассматриваются как «восточные», но большинство серий заняли промежуточное, обособленное положение, проявляя сходство только с одной из «восточных» серий – тагарской, что объясняется их генетической близостью или метисным характером [Там же, с. 83].

Результаты канонического анализа опровергают факт метисации степных скифов, их промежуточность между более ранними восточно-европейскими и центрально-азиатскими сериями, чем подкрепляется гипотеза о том, что степное скифское население (начиная с V в. до н. э.) было в основном пришлым, причина его антропологической неоднородности видится во множественности миграций и неоднородном участии местных групп в сложении степного скифского населения [9, с. 153].

Наряду с местными линиями развития степных скифов С. И. Круц устанавливает и такие, у представителей которых формирование их физического типа происходило за пределами территории Северного Причерноморья – саков, савроматов и ранних сарматов [12, с. 83].

Сходство скифских серий с группами савроматской, карасукской и сакской культур, а также с черепом новочеркасского этапа предскифского времени свидетельствует о какой-то новой волне «восточных европеоидов» с территории Центральной Азии, последовавшей за более ранним «восточным импульсом» в VIII–VII вв. до н. э., на новочеркасском этапе [Там же, с. 78]. Этот импульс зафиксирован не только в Северном Причерноморье, но и в Волго-Донских степях [14, с. 42, 123].

Однако Л. Т. Яблонский отмечает, что в некоторых районах Средней Азии и Казахстана в период зарождения культур сакского типа ощущается «восточный импульс в виде более или менее заметной монголоидной примеси, в том числе на территории Приаралья – в контактной скифо-сакской зоне» [15], – но западнее этот импульс теряется [16, с. 77].

По наблюдениям А. Г. Козинцева, связи с «ближним» кочевым миром (савроматско-сакским) занимают явно подчинённое место, по своему масштабу несопоставимы

с «дальними» (центрально-азиатскими) и «едва ли имеют отношение к проблеме происхождения скифов в целом» [9, с. 150]. При обобщённом рассмотрении максимальное антропологическое сходство со степными скифами, как и со всеми скифами, обнаружено у носителей окуневской культуры Тувы [Там же, с. 146, 152].

Первоначальной территорией распространения носителей окуневской культуры, принадлежащих к средиземноморскому антропологическому типу, как предполагает С. И. Круц, могло быть Предкавказье, Калмыкия и степи Северного Причерноморья [12, с. 74]. Хотя очаг миграции не поддаётся точному установлению, для тувинских окуневцев наиболее отчётливы западные параллели: с группами, представляющими ямную, ранне-катакомбную и срубную культуры; анализ по неполному набору признаков дополнительно показал параллель с группой неолитической культуры воронковидных кубков из Осторфа [10, с. 141–142].

По археологическим данным можно полагать, что окуневцы и их потомки проживали на территории Тувы на протяжении всего II тыс. до н. э., выявлены окуневские корни раннескифской культуры Тувы [17; 18].

Археологическими данными доказана связь тувинских окуневцев из Аймырлыга с носителями выделенной А. А. Ковалёвым чемурчекской культуры конца III – начала II тыс. до н. э., простиравшейся в казахских и монгольских предгорьях Алтая и в степях Северной Джунгарии [19].

А. А. Ковалёв выдвинул гипотезу о том, что чемурчекцы были прямыми, хотя и далёкими, предками скифов. Миграция из Западной Европы носителей культуры коридорных гробниц, датированной IV тыс. до н. э., объясняет наличие погребальных памятников – коридорных гробниц чемурчекской культуры в Центральной Азии, а обратная миграция их потомков и обусловила появление скифов в Европе [20; 21].

Прародину скифов на верхнем Иртыше в районе оз. Зайсан определяют также и на основе анализа семантики древних изображений [22]. У скифов Северного Причерноморья также выявлены параллели с группами Бактрийско-Маргианского археологического комплекса [9; 10].

Л. Т. Яблонский объясняет большое краниологическое сходство у населения, оставившего могильники поздней бронзы Джар-

кутан и Тигровая Балка, тагарцев, срубников Нижнего Поволжья и скифов Нижнего Поднепровья не близкой родственностью или линейной генетической преемственностью, а конвергентным формированием сходных антропологических типов на основе общих компонентов в предковых пластах. Сходство со скифскими сериями обнаруживают краниологические варианты северного, степного или смешанного происхождения, сформировавшиеся как антропологический результат процессов волнообразных миграций степного населения на Юг Средней Азии и Казахстана, а также на Кавказ в эпоху поздней бронзы [16, с. 74, 77].

Тесное антропологическое сходство степных скифов с тувинскими окуневцами доказывает факт миграции населения из Центральной Азии в западном направлении вследствие вытеснения европеоидов центрально-азиатскими племенами [11, с. 57]. Вместе с тем прямых потомков тувинских окуневцев и непосредственных предков причерноморских скифов обнаружить по антропологическим материалам эпохи поздней бронзы или раннего железа из Центральной Азии пока не удаётся [10, с. 142].

Применённый нами новый методический приём интегративной интерпретации результатов многомерной статистической обработки данных измерительных признаков краниологических серий, объединивший четыре ракурса анализа краниологических серий в один интегративный, позволил нам верифицировать конкурирующие гипотезы генезиса скифов [23, с. 330].

Установлен комплекс скифских серий, состоящий из нескольких различных группировок, объединённых по специфике их морфологических связей и признаков монголоидности. Приём комплексной интерпретации показал неправомочность осуществления обобщённых расчётов по всему скифскому комплексу и усреднённых расчётов по «локальным зонам» (ввиду их отсутствия), а также позволил определить структуру и направления внутренних и внешних связей краниологических серий причерноморских скифов и выявить их антропологический состав как проявление генезиса [Там же, с. 352–353].

Б. Н. Граков отмечал: «Эта эпоха, в силу исторического недоразумения называется киммерийской. Также условно и наименование её предскифской. Эта общая культура и

киммерийских, и скифских, а отчасти в дельте Дона, может быть, и некоторых меотских племён, есть поздняя срубная культура» [24, с. 154]. Результаты нашего исследования подтвердили теорию автохтонности северо-причерноморских скифов [23].

Подавляющее большинство скифских серий обнаруживают связи в предшествующих периодах на территории Северного Причерноморья и по комплексу характеристик принадлежат к автохтонной линии [Там же, с. 353].

В современных исследованиях отмечают две волны миграций с Востока на территорию юга Восточной Европы. В начале I тыс. до н. э. номады носителей протоскифской культуры, включавшие группы карасукского населения и носителей поздней андроновской культуры, проникли на территорию Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Их смешение с носителями белозерской культуры положило начало образованию этноса исторических киммерийцев с присущей им культурой, а в дальнейшем повлияло на формирование черноговровской культуры [25, с. 18; 26, с. 500–501].

Вторая волна протоскифских племён датируется не позднее 70-х гг. VII в. до н. э. Носители культуры скифского типа покорили «киммерийцев азиатских», положив начало развитию культур сако-массагетского круга [25], и киммерийцев европейских, образовав скифское объединение с центром на Северном Кавказе [26, с. 503].

На рубеже VI–V вв. до н. э. центр скифского объединения переместился в Северное Причерноморье, где образовалась Скифия с центром в Нижнем Поднепровье и степном Крыму [27, с. 64, 97, 101].

К середине VII в. до н. э. относится завершение формирования архаической скифской культуры, а к рубежу VI–V вв. до н. э. — изменение облика материальной культуры. Выделяются две различные в этническом отношении и сменившие одна другую Скифии: Древняя (Архаическая), распространённая в лесостепи (а также на Северном Кавказе) с её киммерийско-скифским этническим содержанием, и Геродотова (Классическая), сосредоточенная в Степи [28, с. 22].

В ситуации, которая сложилась в степях Евразии в VI в. до н. э., А. Ю. Алексеев отмечает, что вопрос об этнокультурном содержании восточного импульса середины VI в.

до н. э. является сложным: «...мы, скорее всего, столкнулись со сложным механизмом взаимообменов в центральном и западном очагах евразийских культур скифского облика. Один и тот же регион мог дать миграционный импульс в разных направлениях, в результате чего сходные элементы, в той или иной степени трансформированные, обнаруживаются на весьма удалённых друг от друга территориях» [28, с. 184–185].

Ввиду отсутствия антропологических материалов по степной скифской архаике продолжительная дискуссия о происхождении скифов может разрешиться с признанием отмеченного А. Г. Козинцевым «диффузионного характера распространения архаической скифской культуры из лесостепи и более поздней (V в. до н. э.), ознаменовавшей собой начало Классической Скифии, миграции из глубин Азии в Причерноморские степи» [9, с. 148].

Д. С. Гречко отмечает, что «мигрирующие коллективы не отличались однородностью и могли включать в свой состав как кочевников Предкавказья и Прикубанья раннескифского времени, так и новые группы номадов с более восточных областей (Приаралье, Тува, Восточный Туркестан), при вероятном участии части скифов, которые последними вернулись из Передней Азии» [29, с. 57].

На востоке потенциальными исходными регионами миграции на запад могли быть Южное Зауралье, Северный, Центральный или Восточный Казахстан, Алтай, Тува, Южная Сибирь и Приаралье [30, с. 89–90]. Движение имело характер нескольких импульсов, которые не оставили следов на промежуточных территориях. А. Д. Таиров отмечает, что «пульсирующие миграции» представляли собой перемещения, вероятно, разноэтнических групп кочевников, которые были носителями специфических комплексов материальной культуры [31].

Заключение. Разногласие сторонников различных концепций генезиса скифов заключается в трактовке удельного веса пришлого и местного компонентов и определении исходной территории миграции скифов в Северное Причерноморье [32, с. 5]. Отсутствие достаточного количества антропологического материала и различие интерпретаций морфологических связей и линий развития являются причиной разнообразия мнений о физическом облике скифов.

Мнение части историков, археологов и антропологов может быть согласовано на позициях признания существования двух различных в этническом отношении и сменявшихся одна другую Скифий – Древней (Архаической) Скифии, распространённой в Причерноморской лесостепи и на Северном Кавказе с её киммерийско-скифским этническим содержанием, и Геродотовой (Классической) Скифии, сосредоточенной в Степи.

Особое значение для решения вопроса генезиса скифов имеет размежевание одновременных этапов развития скифской культуры, в частности, её диффузионное распространение из Лесостепи, касающееся Архаической Скифии, и миграционные импульсы с Востока, относящиеся к периоду Классической Скифии. Как предполагал Б. Н. Граков, «хотя третье предание Геродота относится в основе к событиям VIII–VII вв. до н. э., в нём могли отозваться и, вероятно, отозвались продвижения племён из-за Волги до Дуная уже в конце II тыс. до н. э. Все эти передвижения археологически мало или совсем незаметны в однокультурной среде» [24, с. 153].

Перспективным направлением считается изучение развития скифской культуры в ракурсе миграций в рамках срубно-андроновской культурно-исторической общности. «Несмотря на все локальные отличия, – отмечает К. А. Акишев, – скифы юга Восточной Европы и их культура вместе с савроматами, а также сакскими племенами с присущими им соответствующими культурами могут рассматриваться как единое культурно-историческое явление» [33].

В. А. Шнирельман подчёркивает, что известны многие, не отмеченные в археологии, но зафиксированные письменными источниками миграции; следовательно, археологическая культура в ряде случаев вполне могла отражать сложную систему взаимодействия разных неродственных групп, поэтому исследователь неизбежно должен ставить вопрос о непрерывности развития одного населения, его взаимодействии или смешении с пришельцами или утверждать безусловную смену населения [3, с. 63].

«В ближайшее время, – полагает В. Ю. Мурзин, – вряд ли будет достигнута чёткая корреляция выводов археологов-скифологов с наблюдениями специалистов, работающих в смежных областях науки»; объединительной платформой в решении

проблемы генезиса скифов может стать признание факта гетерогенности скифов, а пути решения этой проблемы – в «выявлении различных по происхождению групп скифского населения, путей формирования скифской материальной культуры и особенностей погребального обряда в ракурсе выделения этнических признаков» [32, с. 14].

В связи с перспективой изучения генезиса скифов особенно ценно наблюдение Л. Т. Яблонского, отмечавшего: «Поле археологии – не изучение мифических общностей, а структурирование и характеристика материальной и духовной культуры историко-культурных областей, то есть понятий географических» [4, с. 37].

Полагаем, что в аспекте установления скифского ареала и выделения этнокультурных компонентов необходимы: 1) тщательная локализация зон оседлости на его границах; 2) исследования трансграничных зон, локализация которых приурочена к обособленным физико-географическим структурам и зонам интеграции материального производства; 3) выявление закономерностей и специфики протекания этнокультурных процессов в пределах и на границах крупных трансзональных территорий [34].

Причиной нерешённости вопроса происхождения скифов является, на наш взгляд, отсутствие общепринятого наполнения понятий «скиф» и «скифская культура», а также «скифская археологическая культура» (сложность выделения которой обуслов-

лена размытостью границ ареалов распространения памятников «культуры скифского типа»).

В дальнейшей разработке комплексной проблематики генезиса скифов и их культуры считаем неизбежной и целесообразной рациональную и системную интеграцию и дальнейшее развитие различных гипотез, выдвинутых классиками археологии, их углубление на новом гносеологическом уровне современных знаний [Там же, с. 153–154; 35, с. 181].

Перспектива дальнейших исследований, на наш взгляд, лежит, во-первых, в изучении «скифского ареала» как обширного материально-культурного («этнокультурно-исторического») ландшафта, во-вторых, в определении компактных типологических вариантов и их культурных и хронологических границ в рамках обширной, возникшей на основе срубной и андроновской культурно-исторических общностей, культурной общности скифов юга Восточной Европы, савроматов и саков [Там же, с. 154].

Следовательно, задачи скифологов следующие: 1) наполнить понятия «скиф», «скифская культура» и «скифская археологическая культура» семантикой, общепризнанной в исторических и смежных науках; 2) установить скифский ареал; 3) определить признаки многовекторных пульсирующих миграций и той среды (однокультурной или мультикультурной), в пределах которой они происходили.

Список литературы

1. Археология. Неолит Северной Евразии / отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 380 с.
2. Мосин В. С. Реальность выделения социумов в археологии каменного века // Этничность в археологии или археология этничности: материалы круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 8–27.
3. Шнирельман В. А. Этничность в археологии – реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности: материалы круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 50–74.
4. Яблонский Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности: материалы круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 34–48.
5. Соколовский С. В. Современные концепции этнической идентификации и проблемы атрибуции археологических памятников // Этничность в археологии или археология этничности: материалы круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 82–93.
6. Этничность в археологии или археология этничности: материалы круглого стола / отв. ред. В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. 136 с.
7. Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1982. С. 83–109.
8. Шнирельман В. А. Уроки националистической археологии // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа: тез. докл. науч. конф. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1997. С. 9–11.

9. Козинцев А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Вып. 4. С. 143–157.
10. Козинцев А. Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. Вып. 4. С. 140–144.
11. Козинцев А. Г., Селезнева В. И. Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 51–62.
12. Круц С. И. Скифы степей Украины по антропологическим данным. Т. 5. Курганы Украины. Киев; Берлин: Видавельц Олег Філюк, 2017. 202 с.
13. Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В. Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 38–46.
14. Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 130 с.
15. Яблонский Л. Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // Российская археология. 1998. № 4. С. 35–49.
16. Яблонский Л. Т. О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 73–79.
17. Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник. Вып. 2. Культура и её окружение. СПб., 2006. С. 303–311.
18. Савинов Д. Г. Тува раннескифского времени на «перекрёстке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб., 1994. С. 76–92.
19. Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 43–59.
20. Ковалев А. А. Каменные изваяния Черного Иртыша (ещё раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб., 1998. С. 24–29.
21. Ковалев А. А. Чемурчекский культурный феномен. Его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. тр. к 60-летию Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул, 2005. С. 178–184.
22. Мачинский Д. А. Страна ариимаспов, простор ариев и «скифские» зеркала с бортиком // Сборник научных статей к 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1998. С. 102–117.
23. Добровольский Л. С., Каженова Г. Т. Генезис скифов: миграция или автохтонность? // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 328–356. DOI:10.33876/2311-0546/2021-4/328-356.
24. Граков Б. Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 232 с.
25. Ключко В. И., Мурзин В. Ю. О взаимодействии местных и привнесённых элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья / отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 12–19.
26. Мурзин В. Ю. Киммерийцы европейские и киммерийцы азиатские // Археологія і давня історія України. 2017. Вып. 2. С. 500–504.
27. Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 136 с.
28. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
29. Гречко Д. С. От Архаической Скифии к Классической // Археологія і давня історія України. 2016. Вып. 2. С. 33–60.
30. Таиров А. Д. Саки Приуралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 76–91.
31. Таиров А. Д. Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. // Наука Южно-Уральского государственного университета. 2008. Т. 1. С. 160–164.
32. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990. 88 с.
33. Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане / отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.
34. Добровольский Л. С., Сыдыков Е. Б., Умиткалиев У. У., Каженова Г. Т. Происхождение скифов Северного Причерноморья: проблематика, гипотезы и перспективы // Поволжская археология. 2022. № 1. С. 145–158. DOI:10.24852/ra2022.1.39.145.158.

35. Каженова Г. Т., Добровольский Л. С. Скифские захоронения: проблема локализации царских курганов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-3-176-183.

Сведения об авторах

Добровольский Любомир Степанович, студент; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2; e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Каженова Гульнар Тулегеновна, кандидат исторических наук; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2; e-mail: gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

Умиткалиев Улан Умиткалиевич, кандидат исторических наук; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва; 010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2; e-mail: uumitkaliev@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>.

Вклад авторов в статью

Л. С. Добровольский – основной автор, осуществлял сбор, анализ и систематизацию материала исследования, формулировал результаты исследования и выводы.

Г. Т. Каженова осуществляла анализ материала исследования и формулировала выводы.

У. У. Умиткалиев осуществлял анализ материала исследования и формулировал выводы.

Для цитирования

Добровольский Л. С., Каженова Г. Т., Умиткалиев У. У. «Этничность» скифов: проблематика в аспектах онтологии и гносеологии // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 89–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-89-99.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

References

1. Archeology. Neolithic of Northern Eurasia, ed. by S. V. Oshibkina. Moscow: Nauka, 1996. (In Rus.)
2. Mosin, V. S. The Reality of Singling Out Societies in the Archeology of the Stone Age. Ed. by V. S. Mosin, L. T. Yablonskiy. Ethnicity in Archeology or the Archeology of Ethnicity?: Materials of the Round Table. Chelyabinsk: Rifei, 2013: 8–27. (In Rus.)
3. Shnirel'man, V. A. Ethnicity in archeology – reality or phantom? Ed. by V. S. Mosin, L. T. Yablonskiy. Ethnicity in Archeology or the Archeology of Ethnicity?: Materials of the Round Table. Chelyabinsk: Rifei, 2013: 50–74. (In Rus.)
4. Yablonskiy, L. T. Problems of the concept of ethnogenesis at the present stage of development of humanitarian knowledge. Ed. by V. S. Mosin, L. T. Yablonskiy. Ethnicity in Archeology or the Archeology of Ethnicity?: Materials of the Round Table. Chelyabinsk, 2013: 34–48. (In Rus.)
5. Sokolovskiy, S. V. Modern Concepts of Ethnic Identification and Problems of Attribution of Archaeological Monuments. Ed. by V. S. Mosin, L. T. Yablonskiy. Ethnicity in Archeology or the Archeology of Ethnicity?: Materials of the Round Table. Chelyabinsk: Rifei, 2013: 82–93. (In Rus.)
6. Ethnicity in Archeology or the Archeology of Ethnicity? Ed. by V. S. Mosin, L. T. Yablonskiy. Materials of the Round Table. Chelyabinsk: Rifei, 2013. (In Rus.)
7. Shnirel'man, V. A. Proto-ethnos of hunters and gatherers (According to Australian data). Ed. by Yu. V. Bromlei. Ethnos in pre-class and early class society. Moscow: Nauka, 1982: 83–109. (In Rus.)
8. Shnirel'man, V. A. Lessons from Nationalist Archeology. Current state and prospects for the development of historical science in Dagestan and the North Caucasus. Abstracts of scientific conference reports. Makhachkala, 1997: 9–11. (In Rus.)
9. Kozintsev, A. G. Scythians of the Northern Black Sea region: intergroup differences, external relations, origin. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, vol. 4, pp. 143–157, 2007. (In Rus.)
10. Kozintsev, A. G. The so-called Mediterranean of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European migrations and the origin of the Scythians. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, vol. 4, pp. 140–144, 2008. (In Rus.)
11. Kozintsev, A. G., Selezneva, V. I. The second wave of migration of Caucasians to South Siberia and Central Asia (on the issue of the Indo-Iranian component in the Okunev culture. Ed. by Yu. K. Chistov. Radlovsky collection. Scientific research and museum projects MAE RAN in 2014. St. Petersburg: MAE RAN, 2015: 51–62. (In Rus.)

12. Kruts, S. I. Scythians of the steppes of Ukraine according to anthropological data. Kiev-Berlin: Herausgeber Oleg Filyuk, 2017. (In Rus.)
13. Otroshchenko, V. V., Boltrik, Yu. V. Cultural-chronological and territorial distribution of burial grounds in the Dnieper-Molochansk steppe region. Ed. by D. Ya. Telegin. Materials on the chronology of archaeological sites in Ukraine. Kiev: Naukova dumka, 1982: 38–46. (In Rus.)
14. Balabanova, M. A. Anthropology of the ancient population of the Southern Urals and the Lower Volga region. Early Iron age. Moscow: Nauka, 2000. (In Rus.)
15. Yablonskiy, L. T. Model of early ethnogenesis in the Scythian-Saks contact zone. Russian archaeology, vol. 4, pp. 35–49, 1998. (In Rus.)
16. Yablonskiy, L. T. On the origin of the Scythian culture of the Black Sea region according to the data of modern palaeoanthropology. Ed. by Gulyaev, V. I., Ol'khovskiy, V. S. Scythians and Sarmatians in the 7th-3rd centuries BC: Paleoecology, anthropology and archaeology. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 2000: 73–79. (In Rus.)
17. Chugunov, K. V., Nagler, A., Partsinger, G. Arzhan-2: Materials of the Bronze Age. In Okunev collection 2. St. Petersburg, 2006: 303–311. (In Rus.)
18. Savinov, D. G. Tuva of the early Scythian time at the “crossroads” of cultural traditions (Aldy-bel culture). In Cultural broadcasts and historical process (Paleolithic – Middle Ages). St. Petersburg, 1994: 76–92. (In Rus.)
19. Mandel'shtam, A. M., Stambul'nik, E. U. On some problems of the history of the early nomads of Tuva. The latest research on the archaeology of Tuva and the ethnogenesis of the Tuvans. Kyzyl, 1980: 43–59. (In Rus.)
20. Kovalev, A. A. Stone sculptures of the Black Irtysh (once again about the Dzungarian ancestral home of the Scythians). Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia: Proceedings of the Intern. scientific. conf., dedicated to M. I. Artamonov's 100th anniversary. St. Petersburg, 1998: 24–29. (In Rus.)
21. Kovalev, A. A. Chemurchek cultural phenomenon. Its origin and role in the formation of the cultures of the Early Bronze Age of Altai and Central Asia. In Western and Southern Siberia in antiquity. Collection of scientific papers dedicated to Yu. F. Kiryushin's 60th anniversary. Barnaul, 2005: 178–184. (In Rus.)
22. Machinskiy, D. A. The land of the Arimasps, the vastness of the Aryans and the “Scythian” mirrors with a rim. Collection of the articles dedicated to M. I. Artamonov's 100th anniversary. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 1998: 102–117. (In Rus.)
23. Dobrovolskiy, L. S., Kazhenova, G. T. The origins of the Scythians: migration or autochthonous origin? Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii), no. 4, pp. 328–356, 2021. DOI:10.33876/23111-0546/2021-4/328-356 (In Rus.)
24. Grakov, B. N. Early Iron Age. Moscow: Moscow State University, 1977. (In Rus.)
25. Klochko, V. I., Murzin, V.Yu. On the interaction of local and introduced elements of the Scythian culture. Ed. by Chernenko, E. V. Scythians of the Northern Black Sea region. Kiev: Naukova dumka, 1987: 12–19. (In Rus.)
26. Murzin, V.Yu. European Cimmerians and Asian Cimmerians. Archaeology and Ancient History of Ukraine, vol. 2, pp. 500–504, 2017. (In Rus.)
27. Murzin, V.Yu. Scythian Antiquity of the Northern Black Sea Region. Kiev: Naukova dumka, 1984. (In Rus.)
28. Alekseev, A.Yu. Chronography of European Scythia. SPb: State Hermitage Publishing House, 2003. (In Rus.)
29. Grechko, D. S. From Archaic Scythia to Classical. Archeology and long history of Ukraine, vol. 2, pp. 33–60, 2016. (In Rus.)
30. Tairov, A. D. Saki of the Aral Sea region in the steppes of the Southern Trans-Urals (according to the materials of the Marovy Shlyakh cemetery). Ed. by Obydenova, G. T., Savelyev, N. S. Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time. Ufa: Gilem, 2006: 76–91. (In Rus.)
31. Tairov, A. D. Rhythms of steppe Eurasia: impulse of the 6th century BC. In Science of South Ural State University. Chelyabinsk, vol. 1, pp. 160–164, 2008. (In Rus.)
32. Murzin, V.Yu. Origin of the Scythians: The main stages in the formation of the Scythian ethnos. Kiev: Naukova dumka, 1990. (In Rus.)
33. Akishev, K. A. 1973. Asian Saks and European Scythians (general and special in culture). Ed. by Akishev, K. A. Archaeological Studies in Kazakhstan. Alma-Ata: Nauka: 43–58. (In Rus.)
34. Dobrovolskiy, L. S., Sydykov, E. B., Umitkaiev, U. U., Kazhenova, G. T. Origin of the Scythians of the Northern Black Sea Region: Issues, Hypotheses and Prospects. Volga archeology, no. 1, pp. 145–158, 2022. DOI:10.24852/pa2022.1.39.145.158 (In Rus.)
35. Kazhenova, G. T., Dobrovolskiy, L. S. Scythian Burials: The Problem of Localization of the Royal Mounds. Humanitarian Vector, vol. 16, no. 3, pp. 176–183, 2021. DOI: 10.21209/1996–7853-2021-16-3-176-183. (In Rus.)

Information about authors

Dobrovolskiy Lubomir S., Student; L. N. Gumilyov Eurasian National University; 2 Satpaeva st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1392-5355>.

Kazhenova Gulnar T., Candidate of History; L. N. Gumilyov Eurasian National University; 2 Satpaeva st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: gkazhenova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4124-0460>.

Umitkaliev Ulan U., Candidate of History; L. N. Gumilyov Eurasian National University; 2 Satpaeva st., Nur-Sultan, 010008, Republic of Kazakhstan; e-mail: uumitkaliev@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7870-0045>.

Contribution of the authors to the article

L. S. Dobrovolskiy – the main author, collection, analysis and systematization of the research material, as well as formulation of conclusions and design of the article.

G. T. Kazhenova – analysis of the research material and formulation of conclusions.

U. U. Umitkaliev – analysis of the research material, formulation of conclusions.

For citation

Dobrovolskiy L. S., Kazhenova G. T., Umitkaliev U. U. “Ethnicity” of the Scythians: Problems in the Aspects of Ontology and Gnoseology // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 89–99. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-89-99.

Received: April 14, 2022; approved after reviewing May 15, 2022; accepted for publication May 20, 2022.

Научная статья

УДК 902/904

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-100-108

Уникальная форма обрядности раннесредневекового населения Самбии

Владимир Иванович Кулаков

Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

drkulakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>

Три десятилетия тому назад автором данной статьи был раскопан ряд погребений на грунтовом могильнике Dollkeim/Коврово-1 (Зеленоградский район Калининградской области). В начале лета 1981 г. по договору с объединением «Калининградмелиорация» Балтийская экспедиция Института археологии Академии наук СССР провела раскопки на могильнике, часть которого попадала под прокладку мелиоративных труб. После завершения раскопочных работ автором этих строк был описан неизвестный до тех пор вариант обрядности пруссов эпохи раннего средневековья. Он был представлен как ингумация на деревянном помосте, назван вариантом «а» и интерпретирован как возможный переход от кремационного к ингумационному погребению. Этот вариант «а» был представлен лишь на пяти комплексах могильника Dollkeim/Коврово-1. С тех пор поступили новые данные о погребальной обрядности населения Самбии поствикингской эпохи, что позволяет вернуться к проблеме особой формы погребений могильника Dollkeim/Коврово-1. Все обнаруженные на восточной окраине пос. Коврово погребения созданы практически по единому стандарту. Покойный соплеменник был помещён его родичами на некий помост, сделанный из дерева и покоившийся на кольях. На помост возлагалась заупокойная еда в круговых сосудах, обломки которых впоследствии подвергались вторичному обжигу. После завершения монтажа помоста он был подвергнут сожжению. Как показывает ситуация с погребением K2, после завершения горения его остатки сгребались в сторону, и место сожжения могло использоваться многократно. Как показывают аналогии из Западной Литвы, на могильнике Dollkeim/Коврово-1 раскопками 1981 г. была обнаружена куршская по своему происхождению форма погребальной обрядности, дожившая на Самбии вплоть до предорденского времени. Дальнейшее изучение этой редкой формы обрядности покажет связи между западнобалтскими племенами на пороге орденской агрессии.

Ключевые слова: полуостров Самбия, эпоха викингов, пруссы, курши, погребальный обряд

Original article

A Unique Form of Ritualism of the Early Medieval Population of Sambia

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

drkulakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>

Three decades ago, the author of these paper excavated a number of burials at the Dollkeim/Kovrovo-1 soil burial ground (Zelenogradsky district, Kaliningrad region). At the beginning of the summer of 1981, under an agreement with the Kaliningradmелиoratsia Association, the Baltic Expedition of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences carried out excavations at the burial ground, part of which fell under the laying of reclamation pipes. After the completion of the excavation work, the author of these lines described a variant of the rituals of the Prussians of the early Middle Ages, unknown until then. It was presented as an inhumation on a wooden platform, named option "a" and was interpreted as a possible transition from cremation to inhumation burial. This variant "a" was presented only at five complexes of the Dollkeim/Kovrovo-1 burial ground. Since then, new data have been received on the funeral rituals of the population of Sambia in the post-Viking era, which allows us to return to the problem of the special form of burials at the Dollkeim/Kovrovo-1 burial ground. All the burials found on eastern outskirts of the Kovrovo settlement were created practically according to a single standard. The deceased tribesman was placed by his relatives on a platform made of wood and resting on stakes. Funerary food was laid on the platform in circular vessels, the fragments of which were subsequently subjected to secondary firing. After the installation of the platform was completed, it was burned. Concerning the situation with burial K2, after the combustion had been completed, its remains were raked to the side and the place of burning could be used repeatedly. As analogies from Western Lithuania show, excavations in 1981 at the Dollkeim/Kovrovo-1 burial ground unearthed a form of burial ritual that was Curonian in origin and survived

© Кулаков В. И., 2022

in Sambia until the pre-Orden time. Further study of this rare form of ritualism will show the connections between the Western Baltic tribes on the threshold of order aggression.

Keywords: Sambia Peninsula, Viking Age, Prussians, Curonians, burial rite

Введение. Три десятилетия тому назад автором статьи был описан неизвестный до тех пор вариант обрядности пруссов эпохи раннего средневековья. Он был представлен как ингумация на деревянном помосте, назван вариантом «а» и интерпретирован как возможный переход от кремационного к ингумационному погребению. Этот вариант «а» был представлен лишь на пяти комплексах (погр. I–V) могильника Dollkeim/Коврово-1 [1, с. 22]. С тех пор поступили новые данные о погребальной обрядности населения Самбии поствикингской эпохи,

что позволяет вернуться к проблеме особой формы погребений могильника Dollkeim/Коврово-1.

Методология и методы исследования.

Данный памятник археологии, располагающийся в северной части полуострова Самбия (рис. 1), занимает слабо возвышенную часть некогда пахотного поля разм. 400×150 м у восточной окраины посёлка Dollkeim/Коврово (северная часть Калининградского полуострова, Зеленоградский район Калининградской области) (рис. 2), он был открыт весной 1977 г. Балтийским отрядом ИА АН СССР¹.

Рис. 1. Комплекс могильников Dollkeim/Коврово-1–3

Fig. 1. Complex of burial grounds Dollkeim/Kovrovo-1–3

¹ Архив Института археологии Российской академии наук (Архив ИА РАН). – Ф. 1. Кулаков В. И. – Отчёт о работе Балтийского отряда в 1977 г. – № 6184.

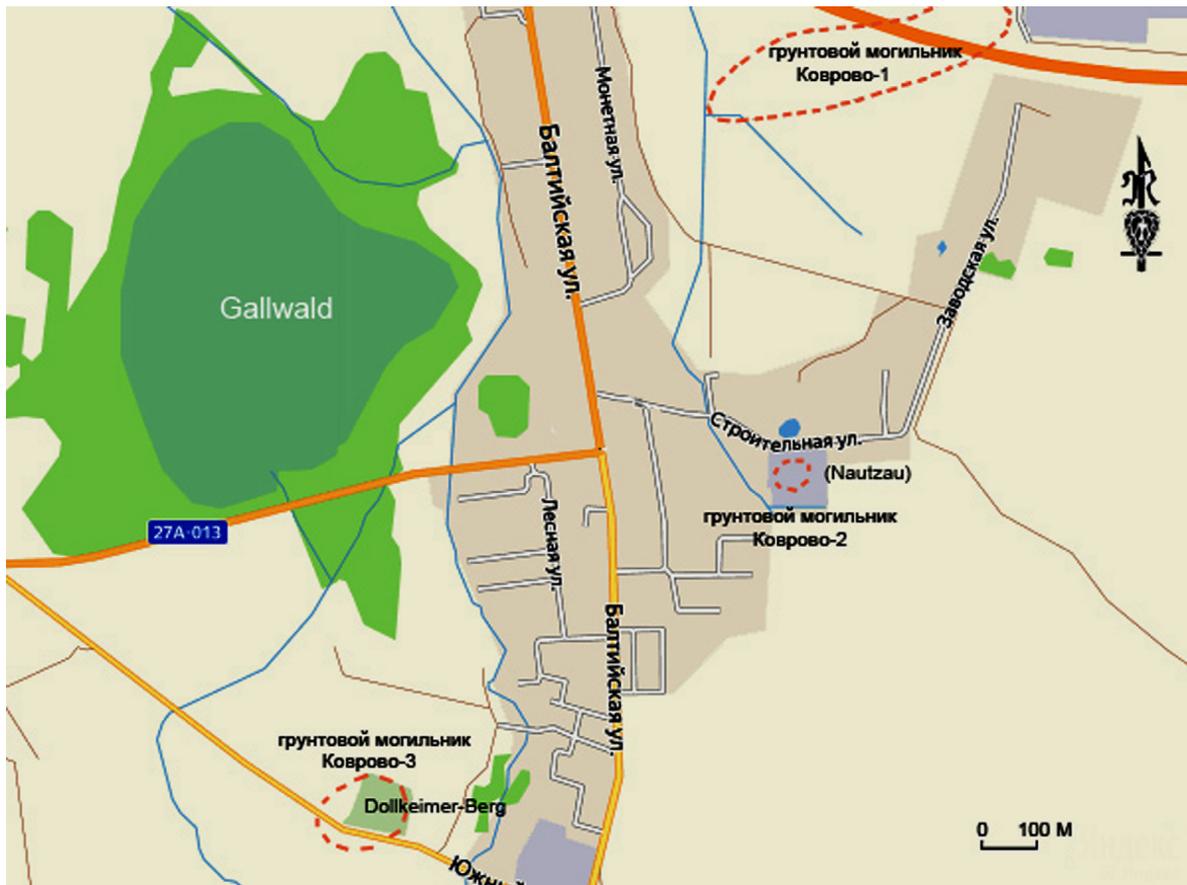
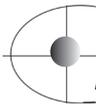

Рис. 2. Размещение могильников Dollkeim/Коврово-1–3 на административной карте пос. Коврово

Fig. 2. Placement of the Dollkeim/Kovrovo-1–3 burial grounds on the administrative map of Kovrovo settlement

В начале лета 1981 г. по договору с объединением «Калининградмелиорация» наша экспедиция работала на упомянутом могильнике, часть которого попадала под прокладку мелиоративных труб и была раскопана. Таким образом, были проведены первые в истории Калининградской области новостроечные археологические работы. Работы велись в рамках утвердившейся в России полевой методики, которая контролировалась Отделом полевых исследований Института археологии РАН. В пределах раскопа были обнаружены пять комплексов, описание которых представлено далее.

Погр. K1: на площади разм. $3 \times 1,4$ м в направлении запад-восток бессистемно рассеяны обломки сожжённых и несожжённых костей. С востока указанное скопление ограничено округлой в плане ямой диам. 0,7 м, заполненной остатками погребально-го костра (далее – ОПК) (рис. 3). Яма отделена от описанного ранее скопления костей

рядом из четырёх небольших валунов. Среди этих обломков костей найдены фрагмент сланцевого точила, обломок костяной проколки, кусок янтаря-сырца, обломок железной поясной(?) накладки, фрагменты круговой керамики [1, с. 82]. Дата комплекса неясна.

Погр. K2: на площади примерно разм. 2×2 м в направлении северо-запад – юго-восток бессистемно рассеяны обломки сожжённых и несожжённых костей (большое скопление). Примечательно то, что указанные обломки лежат преимущественно по периметру пространства, полосами шириной примерно 0,2 м. В центре конструкции имеется скопление обломков сожжённых и несожжённых костей людей и животных вместе с мелкими частицами ОПК. Данное (малое) скопление имеет трапециевидную в плане форму разм. $1,8 \times 1,1$ м, вытянуто по общей оси упомянутого выше большого скопления обломков костей (рис. 4, 5).

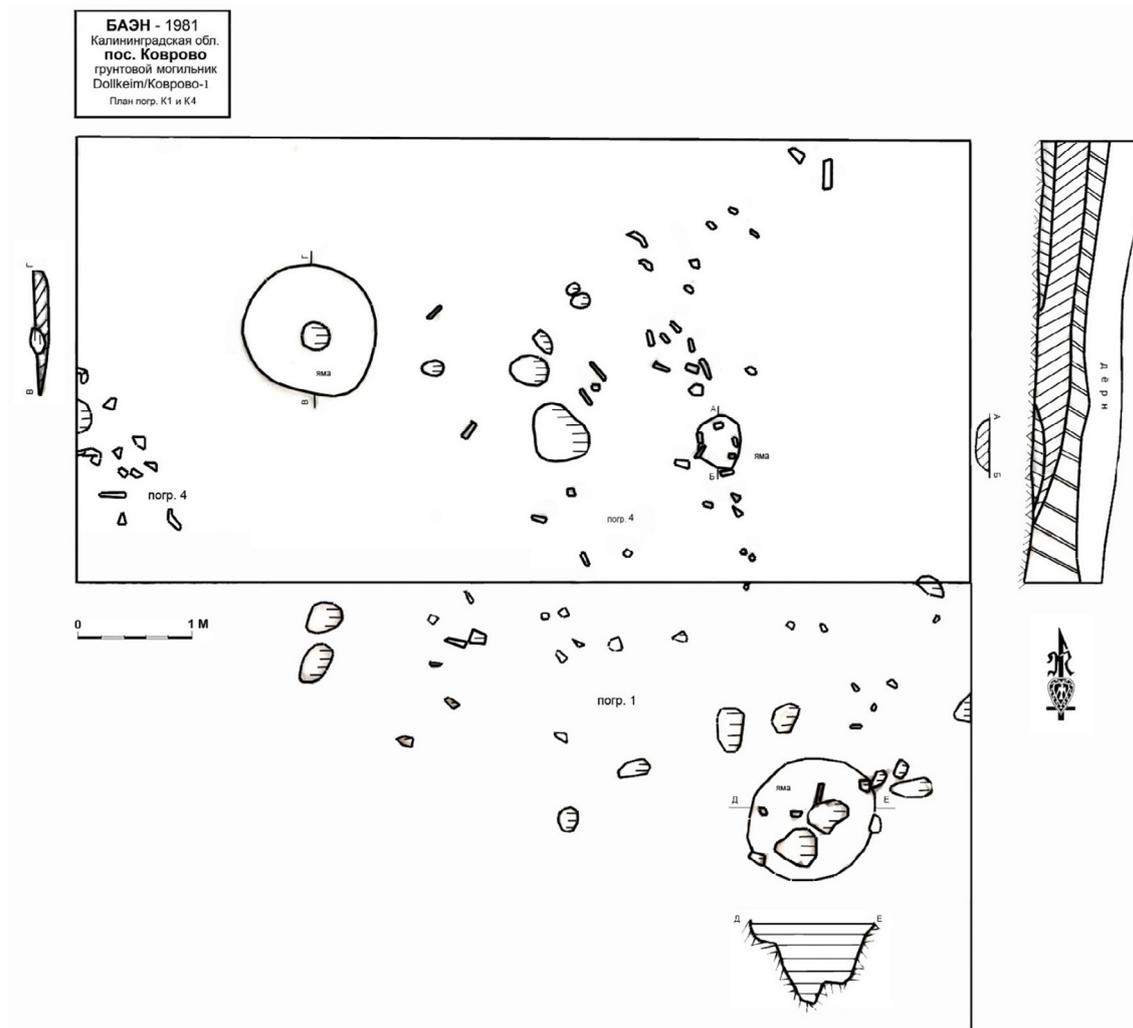
Рис. 3. План погр. K1 и K4¹

Fig. 3. Plan of burial K1 and K4

По периметру малого скопления обломков костей выявлены четыре округлые в плане ямки от кольев, заполненные перетолженным золистым суглинком предметерикового характера. У северо-западной оконечности малого скопления обнаружен гранитный жёрнов (не исключено, что использовался в качестве надгробия, рис. 6).

Среди обломков костей найдены: фрагментированный костяной сложносоставной гребень, серебряный пластинчатый перстень, обломок ножа, фрагменты круговой керамики (рис. 7) [1, с. 82]. Гребень находит почти полную аналогию в гребне, найденном в нижнем строительном горизонте поселения Коралленберге [3, с. 88], относится к группе Давидан-2 [2, с. 101] и датируется XI в. [Там же, с. 82].

Погр. K3: находится в могильной яме округлой в плане формы диам. 0,24 м, глуб. 0,17 м, прорезающей малое скопление обломков погр. 2 в его северо-западной части (рис. 4). В заполнении могилы обнаружено скопление обломков кальцинированных костей, в центре которого найден кусок калёного янтаря-сырца. Дата комплекса – после сооружения погр. K2 [1, с. 82].

Погр. K4: на площади примерно разм. 0,7×0,25 м рассеяны обломки сожжённых и несожжённых костей. С северо-востока и с юга данное скопление ограничено несколькими валунами. Среди обломков костей обнаружены кусок янтаря-сырца и обломки круговой керамики. Дата комплекса по керамическим фрагментам – XI–XII вв. [Там же].

¹ Архив ИА РАН. – Ф. 1. Кулаков В. И. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1981 г. – № 8401.

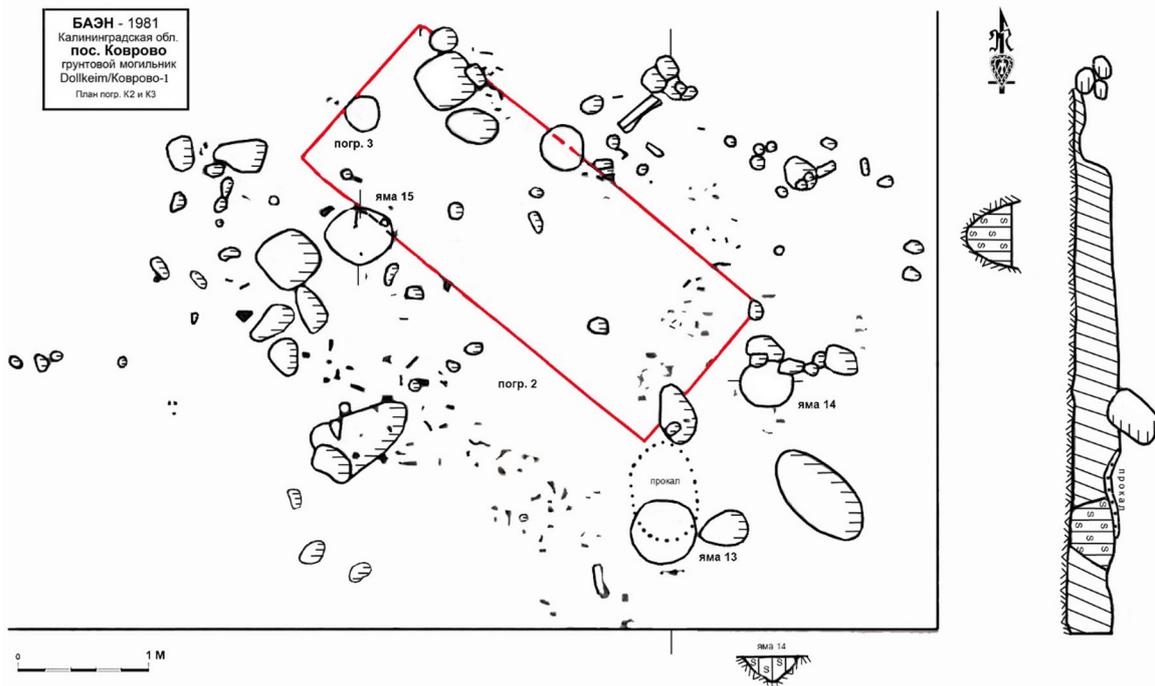

Рис. 4. План погр. К2 и К3¹. Красным цветом показана граница распространения мелких обломков сожжённых и несожжённых костей

Fig. 4. Plan of burial. K2 and K3. The border of distribution of small fragments of burnt and unburnt bones is shown in red

Рис. 5. Яма 14. Вид с юго-востока (архив автора)

Fig. 5. Pit 14. View from the southeast (author's archive)

¹ Архив ИА РАН. – Ф. 1. Кулаков В. И. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1981 г. – № 8401.

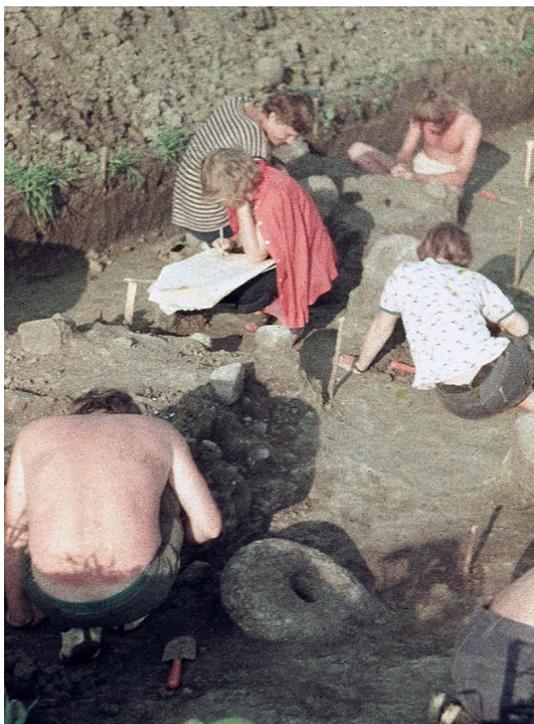

Рис. 6. Выборка погр. К2. Вид с севера (архив автора)

Fig. 6. Selection of burials K2. View from the north (author's archive)

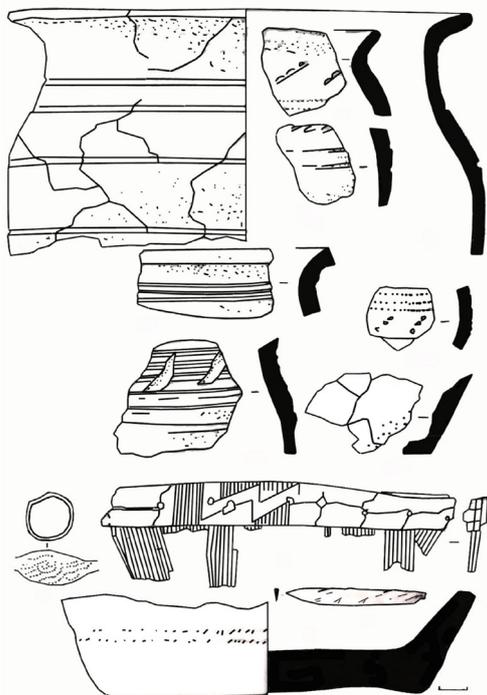

Рис. 7. Инвентарь погр. К2¹

Fig. 7. Inventory of burial K2

¹ Архив ИА РАН. – Ф. 1. Кулаков В. И. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1981 г. – № 8401.

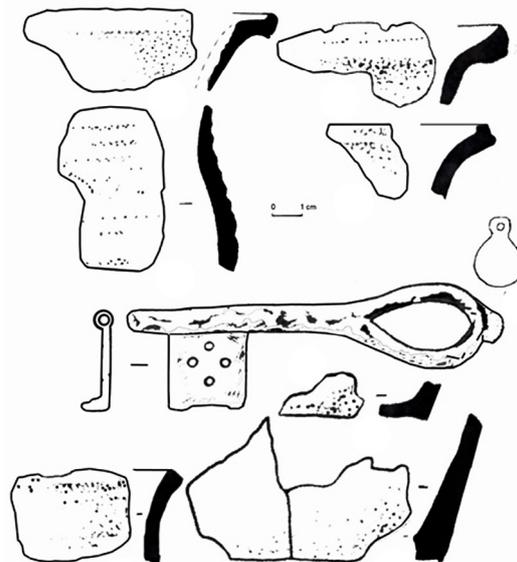

Рис. 8. Инвентарь погр. К5²

Fig. 8. Inventory of burial K5

Погр. К5: на площади примерно разм. 4×2 м рассеяны по направлению северо-запад – юго-восток обломки сожжённых и несожжённых костей, частично образуя три группы, вытянутые поперёк упомянутого скопления. В южной части скопления отмечена овальная в плане яма, к северу от которой выявлено скопление небольших валунов. Инвентарь: железный ключ с «бородкой», кусок янтаря-сырца, фрагменты круговой керамики. Предварительная датировка – XII–XIII вв. [Там же]. Камеральная работа по изучению полученных материалов, начатая после их первичной очистки и подготовки информации к включению в полевой отчёт, проводилась в рамках поиска аналогий как вещевому материалу, так и элементам погребальной обрядности в древностях ранне-средневековой Балтии.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате камеральной обработки раскопочного материала выяснилось, что все обнаруженные в 1981 г. на восточной окраине пос. Коврово погребения созданы практически по единому стандарту. Погребальная церемония реконструирована следующим образом: покойный соплеменник был помещён его родичами на некий помост, сделанный из дерева и покоившийся на кольях. На помост помещалась заупокойная еда в круговых сосудах, обломки которых

² Там же.

впоследствии подвергались вторичному обжигу. После завершения монтажа помоста он был подвергнут сожжению. Как показывает ситуация с погр. К2, после завершения горения его остатки сгребались в сторону (в конкретном случае – на яму, рис. 4) и место сожжения могло использоваться многократно.

Подобного рода специфика погребальной обрядности за пределами грунтового

могильника Коврово-1 была зафиксирована при раскопках кург. К128/146 могильника Gr. Каур, где к юго-западу от могильной насыпи была открыта овальная в плане кладка, являвшаяся подпоркой для погребального ложа, и место сожжения с прокалом материка (рис. 9). Согласно найденному инвентарю это погребение скандинавской женщины, которое датируется IX–X вв. [4, с. 162, 163].

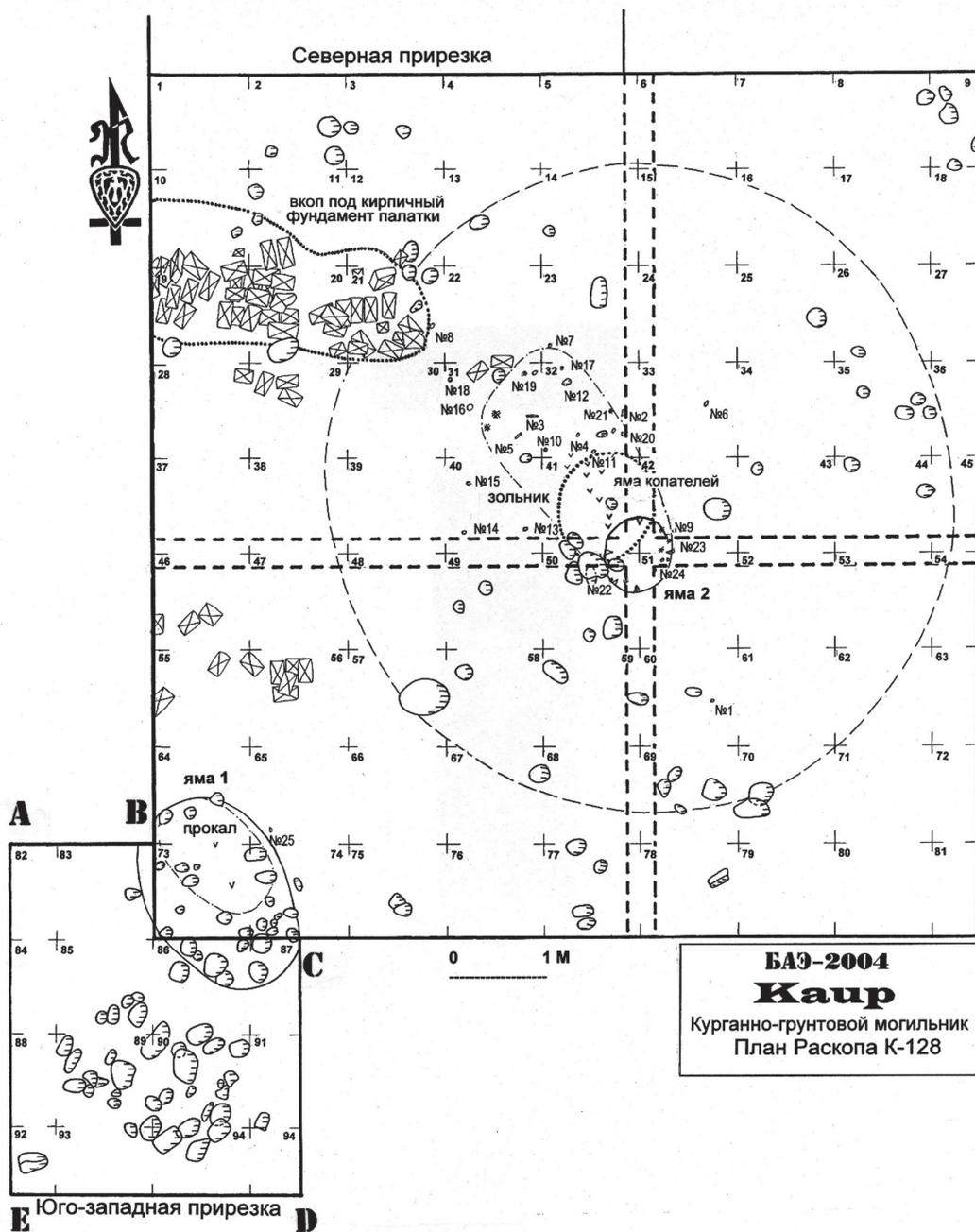

Рис. 9. План кург. К128 могильника Gr. Каур¹
 Fig. 9. Plan of the mound K128 burial ground Gr. Kaup

¹ Архив ИА РАН. – Ф. 1. Кулаков В. И. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1981 г. – № 8401.

Максимально близкая аналогия обрядности могильника Dollkeim/Коврово-1 обнаружена при раскопках грунтового могильника Kl. Каур. В погр. К37 найдены остатки каменного помоста, соответствующего примерным параметрам тела человека со следами многократного трупосожжения (рис. 10). По аналогиям, известным на могильниках в исторической области Kuršiai,

данная характерная для куршей X–XI вв. форма обряда была мною обозначена как Aschenplatz-2. Данная форма была встречена на нескольких могильниках пруссов и скальвов [5, с. 115, 116]. Примечателен факт единой ориентировки каменным пятен сожжения, обнаруженных на могильниках Dollkeim/Коврово-1, Gr. и Kl. Каур – северо-запад – юго-восток.

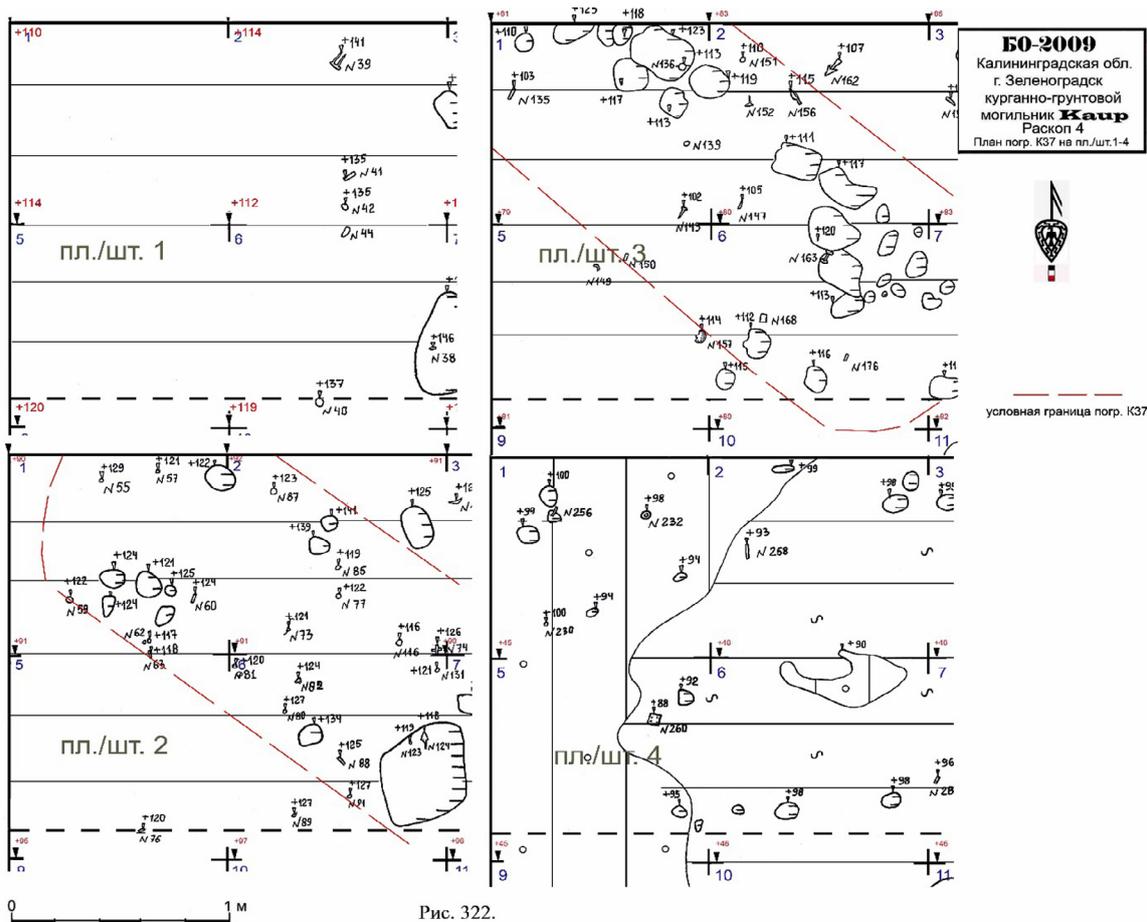

Рис. 10. План погр. К37 могильника Kl. Каур [5, рис. 36]

Fig. 10. Plan of burial of K37 burial ground Kl. Kaup [5, Fig. 36]

На поверхности погр. К2 (отметим, могильные ямы в таких комплексах отсутствуют) имеются как сожжённые, так и несожжённые кости (кости не только людей, но и животных), стоит полагать, что в неких особых случаях (последнее по времени существования объекта погребения) труп умершего не кремировался и подвергался впоследствии естественной деструкции.

Заключение. Таким образом, самым примечательным выводом, полученным при обработке материалов из раскопок могиль-

ника Dollkeim/Коврово-1, является доказательство того, что здесь в 1981 г. обнаружена куршская по своему происхождению форма погребальной обрядности, дожившая на Самбии вплоть до предорденского времени. Это ещё одно доказательство не только плотных контактов племенами западной окраины балтского мира в эпоху викингов, но и продвижения групп куршей в X–XI вв. в юго-западном направлении от своего племенного ареала на территории современного Литовского Взморья [6].

Список литературы

1. Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. Свод археологических источников. М.: Наука, 1990. Вып. Г1–9. 167 с.
2. Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Гос. Эрмитаж. 1962. Вып. 4. С. 99–105.
3. Кулаков В. И. Коралленберге (Хвойное). Стратиграфия и хронология раннесредневекового поселения в Калининградской области // Российская археология. 2013. № 4. С. 81–91.
4. Кулаков В. И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: ПЕН-центр, 2012. 222 с.
5. Кулаков В. И. Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М.: Книжный мир, 2016. 350 с.
6. Кулаков В. И. Пруссы, курши и скальвы в эпоху викингов. Калининград, 2020. С. 33–34.

Сведения об авторе

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор; Институт археологии РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: drkulakov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>.

Для цитирования

Кулаков В. И. Уникальная форма обрядности раннесредневекового населения Самбии // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 100–108. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-100-108.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 05.09.2022.

References

1. Kulakov, V. I. Antiquities of the Prussians of the VI–XIII centuries. Code of Archaeological Sources, no. G1–9, M: Nauka, 1990. (In Rus.)
2. Davidan, O. I. Crests of Old Ladoga. Archaeological collection of the State Hermitage, no. 4, L: State Hermitage. 1962: 99–105. (In Rus.)
3. Kulakov, V. I., Korallenberg (Coniferous). Stratigraphy and chronology of an early medieval settlement in the Kaliningrad region. Russian archeology, no. 4, pp. 81–91, 2013. (In Rus.)
4. Kulakov, V. I. Neman Amber Route in the Viking Age, Kaliningrad: PEN Center, 2012. (In Rus.)
5. Kulakov, V. I. Viking Age Prussians. Life and everyday life of the Kaup community. Moscow: Book World, 2016. (In Rus.)
6. Kulakov, V. I. Prussians, Curonians and Skalves in the Viking Age. Kaliningrad, 2020: 33–34. (In Rus.)

Information about author

Kulakov Vladimir I., Doctor of History, Professor; Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanova st., Russia, 117292, Moscow; e-mail: drkulakov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7482-5070>.

For citation

Kulakov V. I. A Unique Form of Ritualism of the Early Medieval Population of Sambia // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 100–108. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-100-108.

Received: July 20, 2022; approved after reviewing September 3, 2022; accepted for publication September 5, 2022.

МЕНТАЛЬНОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

MENTAL AND SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGION

Научная статья

УДК 94(47)08(571.5)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-109-118

**Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в 1850–1880-е годы:
по материалам всеподданнейших отчётов генерал-губернаторов**

Татьяна Александровна Кискидосова

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия
tak_74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>*

В статье на основе материалов всеподданнейших отчётов генерал-губернаторов рассмотрены информативные сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в пореформенный период. Основное внимание обращено на проблемы городов региона: малолюдность, дефицит бюджета, неразвитость городского хозяйства, неудовлетворительное состояние здравоохранения и существенное отставание от городов Центральной России. Отсталость восточносибирских городов объяснялась тем, что они возникли не как торгово-промышленные центры, а как административные пункты, необходимые для управления регионом. Генерал-губернаторы, выявляя основные причины высокой смертности населения, вносили предложения по улучшению здравоохранения и повышению качества жизни горожан. Инертность и неразвитость большей части восточносибирских городов объяснялись медленным освоением обширной территории. Восстановление городского хозяйства после стихийных бедствий (пожаров и наводнений) проводилось за счёт собственных сил при поддержке благотворительных обществ, меценатов и местной администрации. Практически все начальники края проявляли беспокойство по поводу негативного влияния уголовной ссылки на жизнь простых обывателей. Особое внимание в отчётах уделялось проблеме размещения и занятости ссыльных в городах. Всеподданнейшие отчёты стали свидетельством беспокойства генерал-губернаторов о неудовлетворительном состоянии здравоохранения и образования в регионе. Выявлено, что неоднократные обращения генерал-губернаторов к высшим органам власти об улучшении положения здравоохранения и системы образования не получили поддержку со стороны вышестоящих органов. Открытие больниц и учебных заведений в восточносибирских городах происходило в основном за счёт благотворительных пожертвований горожан. Анализ отчётов позволяет рассмотреть основные проблемы городов, сложность, а порой и невозможность решения многих проблемных вопросов. Автор приходит к выводу, что всеподданнейшие отчеты являются ценным источником по изучению истории городов и городского населения эпохи модернизации.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, город, городское население, отчёты генерал-губернаторов, исторический источник, формуляр

© Кискидосова Т. А., 2022

Original article

**The State of Towns and the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s–1880s:
Based on the Materials of Reports of Loyal Governors-General****Tatiana A. Kiskidosova***Khakass Research Institute for Language, Literature and History, Abakan, Russia
tak_74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>*

The article considers informative information about the cities and urban population of Eastern Siberia in the post-reform period based on the materials of the most comprehensive reports of the governors-general. The reports reflected the main problems of Eastern Siberian towns: small number of the population, budget deficit, underdevelopment of urban economy, poor medical care, unsatisfactory sanitary condition and a significant lag behind cities of Central Russia. The backwardness of Eastern Siberian towns was explained by the fact that they did not arise as commercial and industrial centers but administrative points necessary for the management of the region. Identifying the main causes of high mortality of the population, the governors-general made proposals for improvement of health care and urban residents' quality. The inertia and underdevelopment of most of Eastern Siberian towns was explained by the slow development of the vast territory. The restoration of the urban economy was carried out by own forces with the support of charitable societies, patrons and the local administration. Almost all heads of the region showed concern about the negative role of criminal exile on ordinary people's lives. Special attention in the reports was paid to the problem of accommodation and employment of exiles in towns. These reports became evidence of the loyal governors-general's concern about the unsatisfactory state of health service and education in the region. The repeated appeals of the governors-general to the highest authorities on improving the health service and education system did not receive support. The most comprehensive reports are a valuable source for studying the history of cities in the era of modernization.

Keywords: Eastern Siberia, town, urban population, reports of governors-general, historical source, form

Введение. Всеподданнейшие отчёты генерал-губернаторов о состоянии губерний, областей и градоначальств являются одним из самых востребованных источников по социально-экономической и общественно-политической истории России XIX – начала XX в. Несмотря на частое использование губернаторских отчётов в работе исследователей и достаточную проработку на макроуровне, их источниковый потенциал полностью не раскрыт. Актуальным остаётся вопрос привлечения материала, хранящегося в архивах регионов. Интерес представляют информационные возможности всеподданнейших отчётов о городах и городском населении. Изучение отчётов позволит более подробно и детально изучить разнообразные аспекты городоведческой проблематики.

Отчёты генерал-губернаторов являлись традиционной формой контроля центральной власти за деятельностью местной администрации. Министерство внутренних дел внимательно контролировало подготовку отчётов и следило за их предоставлением [1, с. 162]. По мнению Б. Г. Литвака, в данном документе, несмотря на его бюрократическое происхождение, содержится комплекс разнообразных и упорядоченных сведений [2, с. 125]. А. С. Бражникова, опираясь на работы исследователей, пришла к выводу, что всеподданнейшие отчёты губернаторов

позволяли императору судить об уровне развития того или иного региона, а иногда корректировать свой политический курс [3, с. 88].

Границы Восточно-Сибирского генерал-губернаторства и состав входивших в неё губерний и областей неоднократно менялись. Согласно административной реформе М. М. Сперанского, в 1822 г. образовалось Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, включившее Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область. В 1851 г. из Иркутской губернии выделена Забайкальская область, в 1856 г. в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства вошла Приморская область. С 1856 по 1884 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство включало две губернии: Енисейскую и Иркутскую и четыре области: Забайкальскую, Якутскую, Амурскую и Приморскую. В 1884 г. выделено Приамурское генерал-губернаторство, а три года спустя Восточно-Сибирское генерал-губернаторство переименовали в Иркутское.

Источниковую базу составили отчёты генерал-губернаторов Восточной Сибири 1850–1880-х гг. Полные коллекции оригиналов и копий отчётов генерал-губернаторов Восточной Сибири хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах: «Комитет министров» (Ф. 1263),

«Совет министра внутренних дел» (Ф. 1281), «Департамент общих дел Министерства внутренних дел» (Ф. 1284), «Статистический комитет внутренних дел» (Ф. 1290). Неполный комплект отчётов генерал-губернаторов по управлению Восточной Сибири отложен в фондах местных архивов – в фонде «Главного управления Восточной Сибири» (Ф. 24) Государственного архива Иркутской области (ГАИО), а также в фондах «Енисейского губернского правления» (Ф. 595) и «Губернского статистического комитета» (Ф. 31) Государственного архива Красноярского края (ГАКК). В основном в местных архивах хранятся копии губернаторских отчётов, которые отнесены к «особо ценным» документам. Отчёты генерал-губернаторов были не только информационным каналом, но и играли роль в организации управления сибирским краем. Вовлечение в научный оборот материалов всеподданнейших отчётов генерал-губернаторов позволит рассмотреть разнообразные аспекты повседневной жизни обширного восточносибирского края, в т. ч. и городов.

Всеподданнейшие отчёты интересовали и продолжают интересовать ученых [2–7 и др.]. По мнению А. В. Ремнева, несмотря на нерегулярное предоставление генерал-губернаторских отчётов, центральную власть, прежде всего интересовали именно эти документы. В целом отчёт был менее зависим от министерств, вместе с тем генерал-губернатор мог придать своим отчётам политический характер [8, с. 123]. А. С. Минаков обратил внимание на то, что исследователи, занимающиеся анализом отчётов, недостаточно привлекают материалы, хранящиеся в архивах регионов. Исследователь указал на необходимость изучения отчётов в соответствии с широкой тематической применимостью источника. Данный вид источника является многоуровневым документальным комплексом. Автор считает, что исследование уникального документа видится перспективным направлением, соответственно необходима работа по изучению региональных особенностей всеподданнейших отчётов [9, с. 19].

Отчёты по управлению Сибирью занимали особое место в имперском делопроизводстве. Материалы отчётов в качестве источника по истории Восточной Сибири в разных аспектах привлекались рядом исследователей [10–14]. А. С. Маджаров и

Е. Л. Пономарева изучили происхождение, содержание и значение отчётов генерал-губернаторов для истории Восточно-Сибирского края. Учёные коснулись ключевых моментов социальной истории Восточно-Сибирского региона в эпоху модернизации. Основное внимание было уделено вопросам: территории и населения, быта местных жителей, состояния и развития таких социальных сфер, как медицина и образование. Исследователи выявили важнейшую особенность всеподданнейших отчётов: основу составляли социально-экономические вопросы, тогда как сведения о духовной жизни почти не предоставлялись. По мнению учёных, «раскрытие действительного значения губернаторских отчётов как исторического источника предполагает их включение в контекст “всей истории” указанного времени и региона» [11, с. 16].

Методология и методы исследования. Основой статьи послужило изучение информативных сведений в отчетах генерал-губернаторов Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. о городах и городском населении. Отчёты являлись традиционной формой контроля центральной власти за деятельностью местной администрации. основополагающее значение в работе имел принцип историзма, предполагающий анализ явлений в их исторической преемственности, развитии и взаимодействии с действительностью. В качестве специальных общеисторических методов исследования использовались историко-системный, проблемно-хронологический, историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования и их об-суждение. Подготовка и составление документов. Ежегодно отчёты генерал-губернаторов представляли специальные отчёты для центрального правительства. В то же время в отличие от ежегодных губернаторских отчётов зачастую генерал-губернаторы и наместники могли представить информацию не за один, а сразу за два или три года [15, с. 68]. В данных документах, с точки зрения генерал-губернатора, доносились наиболее важные сведения о жизни вверенного ему края. Они составлялись на основе формуляра (программы), содержали серию ключевых вопросов, которые охватывали жизнь конкретно взятого региона.

Обычно ежегодные генерал-губернаторские отчёты включали комплекс доку-

ментов, в который помимо самого текста входили подготовительные материалы к нему и документы о его рассмотрении в правительственных органах [16, с. 33]. Таким образом, отчёты представляли дело, которое включало несколько документов: опись документов, текст отчета, рапорты о предоставлении отчётов и т. д. Рукописные отчёты не были одинаковы по объёму, который мог быть от 82 до 186 листов. В 1850–1860-е гг. многие документы состояли из рукописей объёмом более 100 листов, заполненных с двух сторон. Только за редким исключением общий объём в одном отчёте составлял 100 листов. В 1870-е гг. объёмы рукописных текстов существенно уменьшились. В 1873 г. количество листов в отчёте составило 29 листов; в 1874 г. – 62 листа; в 1875–1876 гг. – 73 листа.

Целью отчётов генерал-губернаторов Восточной Сибири был сбор информации со всех частей обширного края. Основными источниками всеподданнейших отчётов по данным о городах и городском населении являлись отчёты губернаторов, материалы статистики, сведения о народонаселении, донесения исправников и др. Подготовкой делопроизводственного документа занимался чиновник, который затем подписывал отчёт. На основе анализа отчётов Е. Л. Пономарева пришла к выводу, что части документа составлялись несколькими специалистами, которые являлись авторами. Основную роль в создании отчёта играл генерал-губернатор, он определял структуру документа, методику построения текста, основные темы и проводил редакторскую работу. По мнению исследователя, отчёт был коллективной работой авторов [17, с. 113]. Н. П. Матханова и Н. Н. Родигина, принимая во внимание вывод Е. Л. Пономаревой, отметили, что в ряде случаев в документах наблюдались прямые заимствования из отчётов предшественников и подчинённых губернаторов. Несмотря на процесс подготовки документа, ответственность за его содержание нес генерал-губернатор [18, с. 47].

Подготовкой и написанием ежегодных отчётов кроме специально назначенного чиновника мог заниматься и сам генерал-губернатор. В процессе работы над отчётом автор выделял наиболее важные и значимые для того времени вопросы: демографию, экономику, образование, здравоохранение и др. В оглавлении отчётов были

представлены основные темы, характерные для обширного края. Генерал-губернаторы Восточной Сибири информировали о пространстве и народонаселении, сословиях, развитии сельского хозяйства, торговле и промышленности, состоянии путей сообщения, дипломатических отношениях с Китаем, Кореей, Японией и др. Кроме сведений об общем состоянии региона рассматривались вопросы предполагаемых изменений в устройстве разных частей местного управления.

Население городов. Как правило, всеподданнейшие отчёты начинались с раздела «Народонаселение», посвящённого демографическим процессам, происходившим в крае. Автор ставил цель показать влияние численности населения на хозяйственное освоение региона. В отличие от отчётов губернаторов, подробно фиксировавших демографические процессы в губерниях и областях, в генерал-губернаторских отчётах приводились приблизительные данные о численности народонаселения. По причине обширности края собрать полные и точные данные по всей территории не представлялось возможным [19, с. 471].

Генерал-губернаторы считали, что одной из серьёзных проблем для освоения и развития Восточно-Сибирского края было значительное превышение смертности над рождаемостью. В отчётах они пытались объяснить причину сложившейся ситуации. В начале 1860-х гг. генерал-губернатор М. С. Корсаков, опираясь на отчёты губернаторов, заметил, что во многих городах количество умерших превышало количество родившихся. Например, в 1863 г. наиболее высокая смертность отмечалась в Иркутске, Енисейске и Чите. В отчётном году перевес умерших над рожденными составил в Иркутске – 200 человек; в Енисейске – 147 человек; в Чите – 33 человека. Особенно высокая смертность наблюдалась у мужской части городского населения. М. С. Корсаков объяснял высокую смертность среди мужчин тем, что именно в этих городах стало заметно усилившееся потребление горячительных напитков, последовавшее за удешевлением цен на вино при новой акцизной системе.

В городах Забайкалья (кроме Читы) и Амурской области цены на вино не понизились из-за накладных расходов, отношение между мужской и женской смертностью

осталось почти неизменным. Кроме данного сведения в отчёте приводились другие причины высокой смертности: разнородность состава местного населения, недостаточность медицинских средств и неустроенное положение ссыльных¹. В документах были представлены возрастно-половые показатели смертности населения в разных частях региона, в том числе и в городах.

В 1860-е гг. высокая детская смертность как в городах, так и в сёлах, вызывала серьёзную обеспокоенность местной администрации. При этом многократно акцентировалось внимание на увеличении показателей умерших среди младенцев и детей до 5-летнего возраста. В отчёте за 1878 г. причину высокой детской смертности генерал-губернатор, опираясь на медицинскую сводку, находил «в небрежном уходе за детьми в первые годы жизни в низших классах населения и недостаточности медицинских средств»². Генерал-губернаторы не только констатировали статистические данные и анализировали сложившуюся демографическую ситуацию, но и вносили собственные предложения по «улучшению состояния народонаселения». В качестве мер по увеличению численности населения начальники края предлагали повышение качества медицинского обслуживания жителей региона, ускорение перехода коренных сибирских племён к оседлости, создание условий для дальнейшей колонизации Дальнего Востока и т. д. [19, с. 474].

Быт горожан. Раздел «Быт сословий. Городские обыватели» посвящался повседневной жизни представителей разных сословий, проживавших в городах: городских обывателей, крестьян, духовенства, дворян, казаков, инородцев и др. В отчёте описывалось состояние и условия жизни какой-либо социальной группы. Кроме описания генерал-губернаторы предлагали меры по улучшению жизнеобеспечения местных жителей. Обширный Восточно-Сибирский край был слабо урбанизирован, большая часть населения была занята в аграрном производстве. Среди всего населения края городские жители являлись немногочисленной социальной группой, её удельный вес составлял не более 6–7 % от общего числа жителей. Авторы, признавая значение городов в экономическом развитии региона,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 84. – Л. 6 об.

² Там же. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 413. – Л. 29.

указывали на инертность и неразвитость восточносибирских городов. Подобная характеристика в документах повторялась из года в год с целью объяснения медленного освоения обширной и удалённой от центра территории. Генерал-губернатор отмечал, что городская жизнь в Восточной Сибири малоразвита, «из всех мест, носящих название городов, едва ли 1/3 можно назвать городами»³.

При слабом развитии большей части городов их благоустройство соответственно находилось «в самом неудовлетворительном состоянии». Малолюдность городского населения не позволяла придать импульс городской жизни. В связи с неразвитостью города не могли выполнить и половины возложенных на них обязанностей. Горожане не знали тех удобств, которые «везде составляют особенное отличие городской жизни». В большинстве случаев квартирная повинность была очень обременительна для многих обывателей⁴.

Управление общественным хозяйством и тяжесть городских повинностей возлагались исключительно на городские сословия – купцов и мещан. Представители других сословий, проживавшие в городах, не принимали никакого участия в делах городского благоустройства⁵. В отчётах отмечалось, что «городские сословия, составляя незначительную часть всего народонаселения края, не могут достаточным образом содействовать благоустройству городов и поэтому большая часть последних находится в неудовлетворительном состоянии». В городах Енисейской и Иркутской губернии, а также Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморской областей не было достаточных средств для покрытия городских расходов⁶. Такие маленькие города, как Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск давали доход менее 150 рублей. Подобное плачевное состояние городов не могло не вызвать беспокойство со стороны местных властей. Для начальника края постоянной проблемой являлось улучшение городского управления и хозяйства.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 24 – Оп. 9. – Карт. 1903. – Д. 130. – Л. 5 об.; РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 1865. – Л. 11 об.

⁴ РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 94. – Ч. II. – Л. 12.

⁵ Там же. – Д. 90. – Л. 9.

⁶ Там же. – Ф. 24. – Оп. 9. – Карт. 1903. – Д. 130. – Л. 6.

В 1864 г. генерал-губернатор М. С. Корсаков обратился в Министерство внутренних дел с проектом положения об Иркутском проектировании городского управления. Согласно данному проекту, Иркутску как «столичному» городу предоставлялось право «устанавливать порядок ко всем городам Восточно-Сибирского края, согласно с заявлениями и средствами обывателей». Принятие положения генерал-губернатора способствовало бы благоустройству, улучшению хозяйственного развития и увеличению городских доходов края. Однако проект не утвердили, т. к. к этому времени в «Государственный Совет был внесён общий проект городского общественного управления, который Министерство внутренних дел предварительно применило ко всем городам Сибири»¹.

В основном во всех отчётах генерал-губернаторы неоднократно упоминали, что большинство городских поселений Восточной Сибири образовались не по причине экономических или промышленных интересов, а вследствие административных соображений, т. е. «в видах достижения большего удобства в управлении страной». Малочисленность городов негативно сказывалась на хозяйственном развитии региона². Упомянув данный негативный фактор, генерал-губернаторы замечали: «Чем более развита в стране городская жизнь, тем сильнее и торговая деятельность её»³. В каждом отчёте они писали, что «слабое развитие городов Восточной Сибири непосредственно влияло на общее состояние торговли, фабричной и заводской промышленности»⁴.

Основным занятием горожан было хлебопашество, что является показателем сельскохозяйственной направленности. Города Восточно-Сибирского региона по своему облику напоминали большие деревни, а горожане по роду занятий – сельских жителей. Генерал-губернаторы сетовали на то, что торговля не играла значительной роли практически в большинстве городов. Крупные торговые обороты были только у наиболее экономически развитых городов. Судя по отчётам, к торговым городам

¹ ГАИО. – Ф. 24. – Оп. 9. – Карт. 1903. – Д. 130. – Л. 5 об.; РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 93. – Л. 6 об.

² РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 1865. – Л. 12.

³ Там же. – Д. 94. – Ч. II. – Л. 65.

⁴ ГАИО. – Ф. 24. – Оп. 9. – Карт. 1903. – Д. 130. – Л. 5 об.

Восточно-Сибирского региона относились: Иркутск, Кяхта, Енисейск, отчасти Красноярск и Верхнеудинск. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков попытался объяснить причины развития торговли именно в этих городах. В Иркутске сосредоточение гражданской и военной администрации способствовало тому, что он превратился в «один из центральных пунктов всех торговых операций страны». В Кяхте получила развитие меновая торговля России с Цинской империей, поэтому город в определённое время играл важную роль во внешнеторговых связях. Енисейск считался «главным пунктом для развития золотопромышленных операций», через него осуществлялись поставки на золотые прииски. Другие города «не обладали подобными достоинствами и поэтому имели незначительные торговые обороты»⁵.

Настоящим потрясением для горожан стали стихийные бедствия – пожары и наводнения. Генерал-губернаторы посвящали этим событиям значительную часть отчётов, выходя за рамки формуляров. Крупнейшие пожары произошли в Енисейске в 1869 г., в Иркутске в 1877 г. и в Красноярске в 1881 г. Во время пожаров 22 и 24 июня 1877 г. в Иркутске генерал-губернатор П. А. Фредерикс находился в деловой поездке по Забайкальской области. Осознавая всю ответственность за произошедшее стихийное бедствие, он в срочном порядке отправил по телеграфу распоряжение к принятию мер для успокоения и обеспечения охраны пострадавших жителей, а также по выявлению причин пожара и установлению порядка. В отчёте отмечалось, что «пожары, истребившие большую и лучшую часть города, были тем более тяжкими, что за последние пять лет Иркутск разросся и принял вид одного из лучших губернских городов Европейской России». В результате пожара в Иркутске сгорели 75 кварталов (105 каменных и 3438 деревянных жилых домов), 5 каменных православных церквей, 2 еврейские молельни, 1 католическая церковь, присутственные здания и др.⁶

П. А. Фредерикс ходатайствовал о выдаче единовременного пособия служащим чиновникам военных и гражданских ведомств, которые пострадали от пожара. Оказать поддержку всем горожанам-пого-

⁵ РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 94. – Ч. II. – Л. 66.

⁶ Там же.

рельцам не представлялось возможным. Генерал-губернатор, информируя о значительных потерях и убытках, сообщал: «Пожар, истребивший Иркутск, оставил тысячи людей без крова, отнял у многих всё имущество, поставил весь край, получавший свои потребности из Иркутска, в самое безвыходное положение»¹.

Ссылные в городах. Раздел «О ссылных» освещал проблемы расселения и быта уголовных преступников в Восточной Сибири, показывал их отрицательное влияние на нравственность местных жителей и др. Вся тяжесть карательной системы России становилась тяжким бременем для сибирского населения. Ссылка стала настоящим злом для всех местных жителей. Большая часть совершённых в крае преступлений приходилась на долю ссылных. В Сибири, отдалённой от центра страны, характеризующейся слабым влиянием местной власти и полиции, преступники, будучи уверенными в собственной безнаказанности, продолжали совершать противоправные поступки. Действия уголовных ссылных отличались безрассудством и жестокостью. По мнению Н. М. Ядринцева, «в Сибири тонкий мошенник часто делается грубым злодеем, где он действовал прежде утончёнными средствами с помощью хитрости, обмана, изобретательности, там, в Сибири, действует просто обухом топора, потому что изобретательности такой не требуется» [20, с. 282].

В отчёте за 1867 г. отмечалось, что ссылным предоставлялось право проживать в городах и подгорных промышленных пунктах. Местные власти проявляли беспокойство по поводу будущего положения ссылных и сохранения спокойствия в крае. Необходимо было сделать их «полезными для края обитателями», с этой целью требовалось обеспечить их собственными посевами или обучить ремёслам². Для ссылных были определены размер и условия получения денежных ссуд на обзаведение хозяйством, способы призрения за теми ссылными, которые по старости или болезненному состоянию «не могли снискать себе средства к пропитанию» и т. д. Предполагалось, что все установленные для ссылных правила должны были принести «существенную пользу ссылным

и послужить надёжной мерой к сохранению спокойствия в крае»³.

Основной проблемой для местных властей стало размещение и привлечение к различным занятиям ссылных. С 1866 г. в Чите ссылные проживали в казённых и частных зданиях. Они были задействованы на заводах, занимались ремёслами и выполняли работы по устройству и исправлению дорог и другие виды занятий. Генерал-губернатор П. А. Фредерикс в отчёте за 1878 г. писал: «Восточная Сибирь всё ещё продолжает оставаться колонией для ссылки порочных и преступных граждан всего государства...»⁴.

Здравоохранение и образование. Материалы отчётов в специальных разделах отразили состояние и нужды здравоохранения и образования. Генерал-губернатор неоднократно ставил вопрос об общем улучшении медицинской части всего региона. В отчётах проводился анализ умерших, выявлялись основные причины высокой смертности населения, характеризовалось общее состояние здравоохранения. В отчёте за 1862 г. указывалось, что недостаток медицинских средств в окружных городах «крайне ощутителен». Один окружной врач едва успевал совмещать несколько обязанностей: одновременно вести приём в городской больнице, проводить судебно-медицинское освидетельствование и оказывать медицинскую помощь частным лицам. Медицинской помощью обеспечивали только жителей губернских городов. В пореформенное время ситуация стала улучшаться, что отразилось в отчётах. В качестве дополнительной поддержки городских больниц открывались частные лечебные заведения, где оказывалась бесплатная медицинская помощь самым бедным городским обывателям⁵.

В 1867 г. генерал-губернатор М. С. Корсаков был обеспокоен высокой смертностью и незначительным приростом городского населения в крае. По его инициативе было подготовлено несколько предложений по уменьшению смертности горожан. Вопрос об общем улучшении медицинской части в Восточной Сибири выносился на рассмотрение Совета главного управления. Деятельность местных властей направлялась на поддержку здравоохранения в регионе. В

¹ РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 413. – Л. 9–10.

² Там же. – Оп. 7. – Д. 93. – Л. 17.

³ Там же. – Д. 84. – Л. 14 об.

⁴ Там же. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 413. – Л. 20 об.

⁵ Там же. – Ф. 1265. – Оп. 12. – Д. 136. – Л. 8.

ряде малых городов, где не было лечебных заведений, стали открываться больницы. Например, в отчёте за 1866 г. отмечалось, что на частные средства открылась лечебница в Троицкосавске и Кяхтинской слободе. В Иркутске для учреждения больницы для бедных «одним меценатом» (имя и фамилия не указаны – *примеч. авт.*) были пожертвованы каменный дом и 30 тысяч рублей. В Красноярске на средства, собранные от частных лиц, открылась «лечебница с родильным отделением для безвозмездного пользования прихожан»¹. Практически любые подвижки в сфере здравоохранения получали отражение в генерал-губернаторских отчётах.

За счёт благотворительных пожертвований учредили несколько лечебных заведений для бедных городских обывателей в Иркутске, Красноярске и других городах. В отчёте за 1867 г. отмечалось, что открытие большего количества больниц в городах «встречало затруднения из-за ограниченности денежных средств». Нехватка медицинского персонала побудила местные власти ходатайствовать о допущении к занятию медицинской практикой тех политических преступников, которые до высылки в Сибирь имели специальный диплом о медицинском образовании². О проблеме медицинских кадров упоминалось в отчёте за 1877 г.: «В настоящее время в Восточной Сибири остаются вакантными 29 медицинских должностей и большой недостаток в фельдшерах»³.

В пореформенное время актуализировались вопросы образования в регионе. Судя по отчётам, в рассматриваемый период образование находилось в неудовлетворительном состоянии. Отсутствие средств тормозило открытие учебных заведений не давало возможности приобрести необходимые средства для обучения. Нехватка педагогических кадров, бюрократические проволочки и другие факторы тормозили развитие образовательной части. Учителями городских и уездных училищ становились выпускники Иркутской гимназии. Однако единственная гимназия не могла удовлетворить потребности всего обширного края. В 1862 г. генерал-губернатор М. С. Корсаков выска-

зался о возможности открытия гимназии в Красноярске и пятиклассных училищ в Чите и Троицкосавске. По поводу нехватки педагогических кадров в отчёте указывалось, что «при скудном содержании учителей в связи с отдалённостью края и суровостью климата, находилось весьма немного лиц из Европейской России, которые изъявили бы желание посвятить себя скромному учительскому труду»⁴.

Препятствием для открытия учебного заведения могли стать бюрократические запреты. Например, в 1877 г. в Минусинске городское общество приобрело помещение для прогимназии и обещало ежегодно вносить 4 тыс. руб. на содержание учебного заведения. Однако Министерство народного просвещения отклонило открытие прогимназии в Минусинске, несмотря на настоятельные просьбы населения об учреждении учебного заведения⁵. Прогимназию в городе удалось открыть спустя несколько лет. Авторы отчётов, указывая на недостатки в сфере образования в отдельно взятых городах, часто ограничивались констатацией фактов и не оказывали существенной поддержки в решении проблем.

Заключение. Таким образом, всеподданнейшие отчёты генерал-губернаторов Восточной Сибири являются ценным информационным источником по истории городов и городского населения в пореформенный период. В них представлены сведения о социальном, экономическом, культурном состоянии сибирских городов, которые по своему развитию существенно отставали от городов Центральной России. Генерал-губернаторы, основываясь на статистических данных ежегодных отчётов, называли проблемы отсталости городов Восточной Сибири. К ним были отнесены: отдалённость, неразвитость путей сообщения, медленный рост численности горожан, острая нехватка трудовых ресурсов. Слабое финансирование существенно ограничивало развитие городской инфраструктуры, здравоохранения, образования и т. д. Анализ отчётов показал, что генерал-губернаторы, описывая нужды и чаяния городов, вносили собственные предложения, направленные на решение тех или иных проблем.

¹ РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 90. – Л. 6.

² Там же. – Д. 93. – Л. 4.

³ Там же. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 446. – Л. 49 об.

⁴ Там же. – Ф. 1281. – Оп. 6. – Д. 99. – Л. 40.

⁵ Там же. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 413. – Л. 111.

Список литературы

1. Минаков А. С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 160–168.
2. Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1977. С. 125–144.
3. Бражникова А. С. Губернаторский отчет: изучение источника в отечественной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 55, № 12. С. 83–89.
4. Архипова А. И. Якутская область в общеимперском пространстве: по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов (конец XIX – начало XX в.) // История и историки в контексте времени. 2011. № 8. С. 155–163.
5. Дятлова Н. П. Отчёты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.
6. Иванов А. А., Курас С. Л. Всеподданнейшие отчёты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // Известия Иркутского государственного университета. 2019. Т. 27. С. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.99>.
7. Минаков А. С. Годовые всеподданнейшие отчёты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М.: Наука, 2013. С. 37–55.
8. Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
9. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчёты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 5–24. DOI: [10.21685/2072-3024-2016-2-1](https://doi.org/10.21685/2072-3024-2016-2-1).
10. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2014. № 5. С. 4–10.
11. Маджаров А. С., Пономарева Е. Л. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 14. С. 6–17.
12. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
13. Пономарева Е. Л. Проблема определения степени достоверности всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов по управлению Восточной Сибири // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (30 сентября 2013 г.). Иркутск: Консалтинговая компания Юком, 2013. С. 103–104.
14. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. 580 с.
15. Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчёты генерал-губернаторов и наместников Российской империи как объект библиографического учёта // Библиография. Археография. Источниковедение: сборник статей и материалов. СПб.; М., 2019. С. 66–94.
16. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчёты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 28–36.
17. Пономарева Е. Л. Всеподданнейшие отчёты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 4-1. С. 112–115.
18. Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Всеподданнейшие отчёты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 45–51.
19. Пономарева Е. Л. Анализ демографической ситуации в Восточной Сибири в 50–80-х годах XIX века (по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов) // Иркутский историко-экономический ежегодник – 2016. Иркутск: БГУ, 2016. С. 469–475.
20. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 560 с.

Сведения об авторе

Кискидосова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук; Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; 655017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23; e-mail: tak_74@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>.

Для цитирования

Кискидосова Т. А. Сведения о городах и городском населении Восточной Сибири в 1850–1880-е годы: по материалам всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 109–118. DOI: [10.21209/1996-7853-2022-17-3-109-118](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-3-109-118).

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 20.06.2022.

References

1. Minakov, A. S. Governor's Corps of Post-Reform Russia in Modern Historiography. Questions of history, no. 7, pp. 160–168, 2009. (In Rus.)
2. Litvak, B. G. On the reliability of the information of the governor's reports of the late 19th century. Source study of domestic history. Moscow, Nauka, Publ., 1977, pp. 125–144. (In Rus.)
3. Brazhnikova A. S. Governor's report: the study of the source in Russian historiography. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 12, vol. 55, pp. 83–89, 2013. (In Rus.)
4. Arkhipova, A. I. Yakukut region in all-imperial space (based on the governors all-national reports (late XIX – early XX centuries). History and historians in the context of time, no. 8, pp. 155–163, 2011. (In Rus.)
5. Dyatlova, N. P. Reports of governors as a historical source. Problems of archiving and source studies. Leningrad, Nauka Publ., 1964: 227–246. (In Rus.)
6. Ivanov, A. A., Kuras, S. L. Vsepoddanneyshy Reports of the Irkutsk Governors General in the End of the 19th – Beginning of the 20th Century as a Source of Studying of the Siberian Political Exile. News of the Irkutsk State University, vol. 27, pp. 99–113, 2019. DOI: <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.99>. (In Rus.)
7. Minakov, A. S. Annual all-published reports of governors: research experience and source perspectives. Archaeological Yearbook 2009–2010. Moscow, Nauka Publ., 2013: 37–55. (In Rus.)
8. Remnev, A. V. Autocratic Government: Committee of Ministers in the system of Supreme Administration of the Russian Empire (the second half of the XIX – early XX century). Moscow, ROSSPEN, 2010. (In Rus.)
9. Minakov, A. S. Loyal reports of the Russian Empire Governors-General. News of higher educational institutions. Volga region, no. 2, pp. 5–24, 2016. DOI: [10.21685/2072-3024-2016-2-1](https://doi.org/10.21685/2072-3024-2016-2-1). (In Rus.)
10. Dameshek, L. M., Dameshek, I. L. Siberian Governors-General: a social portrait. Bulletin of Tomsk State University, no. 5, pp. 4–10, 2014. (In Rus.)
11. Madzharov, A. S., Ponomareva, E. L. The social history of Siberia in the 1850–1880s in the materials of the most comprehensive reports of Governors-General. News of the Irkutsk State University, vol. 14, pp. 6–17, 2015. (In Rus.)
12. Matkhanova, N. P. Governors-General of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: V. Ya. Rupert, N. N. Murav'ev-Amursky, M. S. Korsakov. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1998. (In Rus.)
13. Ponomareva, E. L. The problem of determining the degree of reliability of the most reliable reports of Governors-General on the management of Eastern Siberia. Science and education in the XXI century. Irkutsk, Consulting company Yukom, 2013: 103–104. (In Rus.)
14. Remnev, A. V. Siberia in the Imperial Geography of Power of the XIX – early XX centuries. Omsk, Omsk State University Publ., 2015. (In Rus.)
15. Razdorskiy, A. I. Printed all-published reports of Governors-General and governors of the Russian Empire as an object of bibliographic accounting. Bibliography. Archeology. Source study. St. Petersburg; Moscow, 2019: 66–94. (In Rus.)
16. Minakov, A. S. Loyal reports about the state of provinces, regions, townships of the Russian Empire: the problem of archival heuristics. Domestic archives, no. 1, pp. 28–36, 2009. (In Rus.)
17. Ponomareva, E. L. The most comprehensive reports of Governors-General as a source on the history of Eastern Siberia (the 1850s–1880s). News of the Altai University, no. 4-1, pp. 112–115, 2008. (In Rus.)
18. Matkhanova, N. P., Rodigina, N. N. Loyal reports as a source to study Siberian Governors-General views on the region in the second half of the XIX Century. Humanities in Siberia, no. 1, pp. 45–51, 2019. (In Rus.)
19. Ponomareva, E. L. Analysis of the demographic situation in Eastern Siberia in the 1850s-1880s (based on the materials of the most comprehensive reports of Governors-General). Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Irkutsk, 2016: 469–475. (In Rus.)
20. Yadrintsev, N. M. Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. Novosibirsk, Siberian Chronograph, 2003. (In Rus.)

Information about author

Kiskidosova Tatyana A., Candidate of History; *Khakass Research Institute for Language, Literature and History*; 23 Shchetinkina st., Abakan, 655017, Russia; e-mail: tak_74@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>.

For citation

Kiskidosova T. A. The State of Towns and the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s–1880s: Based on the Materials of Reports of Loyal Governors-General // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. Pp. 109–118. DOI: [10.21209/1996-7853-2022-17-3-109-118](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-3-109-118).

Received: May 12, 2022; approved after reviewing June 15, 2022; accepted for publication June 20, 2022.

Original article

УДК 930.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-119-127

Сюжет о царе-старце как феномен ментальности общества XIX века

Михаил Сергеевич Путилин

Томский государственный университет, г. Томск, Россия
mish.put.1997@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3839-1409>

Легенда о царе-старце, известном под именем Фёдора Кузьмича, сформировалась в период социально-политических предвестий общественных изменений и подверглась кардинальной трансформации в процессе бытования, в чём отразилась смена общественных приоритетов. Это обуславливает актуальность обращения к сюжету о царе-старце, так как каждый этап перехода к новому уровню технологического и социального развития общества порождает сходные явления в ментальной общественной сфере. Изучение сюжета о царе-старце является продолжением исследований российских учёных по теме народных представлений в рамках новых методологических концепций, а также попыткой более чётко определить место данного сюжета в общей классификации легенд о «возвращающемся избавителе». Кроме того, историческая наука давно должна была дать свой анализ этого сложного явления ментальности и социокультурной истории, которое ранее целенаправленно изучали только литературоведы и богословы. Цель данного исследования – выявить отражение ментальности переходного периода в сюжете о царе-старце Александре I. Согласно гипотезе исследования, сюжет о царе-старце является легендой об «избавителе», из-за смены общественных приоритетов трансформировавшейся в легенду о «спасителе». В качестве материалов для статьи привлечены разные типы источников: делопроизводственная документация, материалы из печатных изданий регионального и общероссийского уровней, мемуары современников. В качестве методов исследования использовались и такие методы исторической науки, как текстологический анализ и контент-анализ. Сформулированы признаки ментальности переходного периода, отразившиеся в сюжете о царе-старце. Приведены доказательства того, что развитие сюжета отражает изменение народной ментальности во второй половине XIX в. в период модернизационного перехода. Сюжет о царе-старце начал формироваться как типичный сюжет о «возвращающемся избавителе», однако в процессе своего оформления преобразовался в сюжет о «спасителе». Данный факт отражает смену народной ментальности периода модернизационного перехода во второй половине XIX в. Перспективой исследования является продолжение исследований в области изменения ментальностей в их взаимосвязи в XIX в..

Ключевые слова: народные представления, модернизационный переход, «Великие реформы» 1860-х гг., история ментальностей, социально-утопические легенды

Original article

The Story of the Starets Tsar as a Mental Phenomenon of Society in the 19th century

Mikhail S. Putilin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3839-1409>, mish.put.1997@gmail.com

The legend of the Starets Tsar, known as Fyodor Kuzmich, is a unique fact of the folk mentality. Formed in the period of socio-political foreshadowing of social changes, it underwent a radical transformation in the process of existence. This story reflected the change of social priorities, characteristic of the period of social transformation. This determines the relevance of reference to the tale of the Starets Tsar, as every stage of transition to a new level of technological and social development of society generates similar phenomena in the mental public sphere. The study of the story of the Starets Tsar is not only a continuation of the research of Russian scholars on the topic of folk representations within the framework of new methodological concepts, but also an attempt to more clearly define the place of this story in the general classification of legends about the “returning savior”. In addition, historical science has long needed to provide its own analysis of this complex phenomenon of mentality and socio-cultural history, which has previously been purposefully studied only by literary scholars and theologians. The purpose of this study is to reveal the reflection of the mentality of the transition period in the story of the Starets Tsar Alexander I. Materials for the article included the sources belonging to different types, among which are clerical documentation, materials from printed publications of regional and all-Russian level, memoirs

© Путилин М. С., 2022

of contemporaries. Such methods of historical science as textual analysis and content analysis were used as well. As a result of the application of these methods the signs of the transitional mentality reflected in the story about the Starets Tsar were formulated. We made a conclusion that the development of the plot reflected the change of people's mentality of the second half of the 19th century during the period of modernization transition. The story about the Starets Tsar began to form as a typical story about the "returning deliverer", but in the process of its design it changed into a story about the "savior". This fact reflects the change in the folk mentality of the period of the modernization transition in the second half of the XIXth century. The perspective of the study is the continuation of research in the field of changing mentalities in the XIXth century, in their relationship.

Keywords: folk representations, modernization transition, "Great Reforms" of the 1860s, history of mentalities, socio-utopian legends

Введение. Легенда об уходе Александра I в старчество под именем Фёдора Кузьмича возникла при Николае I, но её интенсивное формирование продолжилось в период «великих реформ» Александра II, находилось у истоков длительного процесса российской модернизации, после чего из народной ментальности этот сюжет перешёл в русскую литературу Серебряного века, став, таким образом, достоянием не только социокультурной истории, но и литературоведения. Сюжет о царе-старце прямо или косвенно поднимал многие вопросы, которые волновали людей в переломный, предреволюционный период русской истории. Сложная природа сюжета о царе-старце как явления ментальности может представлять большой интерес также по причине отражения в нём процессов модернизационного перехода в российской ментальности.

Методология и методы исследования. Сюжет о царе-старце проявился в источниках различного типа. Основные типы источников, отразивших легенду о Фёдоре Кузьмиче периода её развития, – делопроизводственные документы полиции, «Краткое жизнеописание» С. Ф. Хромова¹, а также сообщения в прессе, как в местных газетах Томска, так и в общероссийских журналах. Это опубликованные в местных изданиях города Томска статья З. Барш «Ссылно-поселенец Фёдор Кузьмич»², брошюра «Загадочный старец»³, М-ич «Заметка о скопцах»⁴. В центральных изданиях вышли

материалы Д. С. Бабкина⁵, Н. С. Голицына⁶, В. А. Долгорукого⁷. В качестве наиболее эффективной методологии для исследования этой темы мы обратимся к концепции "истории ментальностей", результативность которой доказали на XV Международной научно-практической конференции «Омские социально-гуманитарные чтения – 2022».

Прежде чем начать анализ этой легенды как явления народной ментальности, обозначим основы методологической концепции «истории ментальностей», а также укажем на особенности явления «ментальностей» и «народных представлений», в которых существовали сюжет о царе-старце и родственные ему легенды об «избавителе». Классическими работами по концепции истории ментальностей являются труды основателей французской школы «Анналов» М. Блок и Ф. Арьес [1; 2]. Примером отечественного исследования по данной концепции послужила работа В. В. Трепавлова [3].

Ментальность – система коллективных представлений исторически существовавшей этнокультурной общности или социальной группы. В социогуманитарные науки категория пришла из социальной философии. В научный обиход понятие «ментальность» ввёл Л. Леви-Брюль, анализируя тотемический и светский типы мышления. Вопрос об устойчивости ментальностей в рамках исторического процесса является спорным среди современных исследователей, в данном исследовании мы ориентируемся на среднюю позицию, сформулированную А. И. Рёдель на материале исследования феномена «русского менталитета» и изменения его оценок отечественными социологами: «Правота структурализма состоит как раз

¹ Хромов С. Ф. Краткое жизнеописание великаго старца Феодора Козьмича. Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / под ред. В. П. Бойко, Е. В. Ситникова; авт. предисл. В. П. Бойко. – Томск: Изд-во Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2015. – 251 с.

² Барш З. Ссылно-поселенец Фёдор Кузьмич. (Городские новости) // Сибирская газета. – 1887. – № 7. – С. 247.

³ Загадочный старец // Томские Губернские ведомости. – 1907. – № 72. – С. 3–4.

⁴ М-ич. Заметка о скопцах // Восточное обозрение. – 1893. – № 6. – С. 9–10.

⁵ Бабкин Д. С. Русская потаённая утопия XVIII в. // Русская литература. – 1968. – № 4. – С. 92–106.

⁶ Голицын Н. С. Народная легенда об Александре-отшельнике // Русская Старина. – 1880. – Кн 11. – С. 742–744.

⁷ Долгорукий В. А. Отшельник Александр (Федор) в Сибири // Русская Старина. – 1887. – № 10. – С. 217–220.

в том, что индивидуальное и коллективное сознания многослойны, их конституируют как сиюминутные, кратковременные, так и устойчивые, долговременные структуры, отдельные из которых даже более исторически константны, чем способы общественного производства» [4, с. 117]. С. К. Пчегатлук даёт наиболее точное определение термина «ментальность» в социологии. По мнению исследователя, как «ядро», так и «периферия» ментальности способны к изменениям, но скорость этого процесса неоднородна в связи с природой «ядра» и рядом внешних факторов: «Между обеими структурами происходит обмен, интенсивность которого меняется обычно под воздействием реально-исторических, идеологических, культурных факторов, среди которых долговременные играют первостепенную роль» [5, с. 155]. Вслед за Е. А. Андреевой, отметившей эту гипотезу как среднюю позицию между двумя крайними гипотезами, мы считаем, что явление «ментальности» неоднородно по своей способности к изменениям [6].

В работе использованы методы текстологического и контент-анализа. С их помощью на материале источников выявлены признаки и тенденции ментальности русского народа периода модернизационного перехода.

Результаты исследования и их об- суждение. Современные авторы сходятся в оценке легенды о царе-старце как уникальном явлении как в историческом, так и в литературном плане. Попытки анализа сюжета о царе-старце как феномена социокультурной истории и явления народной ментальности второй половины XIX в. до сих пор не были осуществлены в силу специфики исследовательских работ по этой теме.

Исследователи полагают, что «ментальность» как некое «ментальное образование» имеет полевою структуру, которая, в свою очередь, состоит из более устойчивых элементов ядра и менее устойчивой периферии. Некоторые также выделяют и некий промежуточный слой: «По всей вероятности, где-то между ядром и периферией находятся народные сказания, мифы, национально-культурные верования» [4, с. 116].

Легенды о «возвращающихся избавителях», родственные сюжету о царе-старце, относятся к этому среднему слою, однако близки больше к твёрдому и устойчивому к изменениям «ядру» народной ментально-

сти русского общества, поскольку не имеют указанных в работе А. И. Рёдель признаков «периферии»: «Периферию национально-го менталитета создают временные, новообразовавшиеся или привнесённые из чужих культур ценности, смещения в их традиционно устоявшемся порядке (возникающие в силу так называемых ценностных переворотов)» [Там же, с. 117]. Это подтверждает живучесть разных форм этой легенды на протяжении периода от Смуты XVII в. до Константина и до Фёдора Кузьмича. Не исключены и более поздние «рецидивы» легенд об «избавителе» в виде «особ, приближенных к императору» во время гражданской войны, однако это выходит за рамки нашего исследования. Тем не менее не исключена возможность некоторых вариаций положения легенды о Фёдоре Кузьмиче в структуре ментальности по причине происходивших процессов социальных изменений.

Кроме того, многочисленные «рецидивы» социально-утопических сюжетов об «избавителях» и религиозных «спасителях» указывают на то, что источник комплексов этих легенд следует искать на местной российской почве, поскольку в «ядро» ментальности могут попасть «...только те ценности и "смыслы", которые изоморфны входящим в состав ядра или, по крайней мере не противоречат им» [Там же]. В связи с этим, для получения ответа на вопрос о роли легенд о «возвращающемся избавителе» в народной ментальности мы обращаемся прежде всего к историографии вопроса российской ментальности, рассматриваем специфику и изменения на протяжении хронологических рамок исследования.

Отчасти явление сюжета о царе-старце можно объяснить последствиями «великих реформ» 1860-х гг., оказавших глубокое влияние на ментальность крестьянства. Основные черты этого влияния выявил В. В. Чешев. На основе «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардта автор сделал несколько важных замечаний о крестьянской ментальности. Самым важным из них является признание роста специфического крестьянского индивидуализма, связанного с отменой крепостного права: «На социально-психологическом уровне этот индивидуализм проявляется в ощущении достоинства хозяина, а не батрака и поденщика» [7, с. 33]. С другой стороны, росло число крестьян, переезжавших в город, сначала на заработки, а потом,

в случае успеха, и на постоянное жительство с семьёй.

Эти две тенденции накладывались друг на друга, порождая изменение в ментальности. С одной стороны, специфический индивидуализм, сформировавшийся в рамках крестьянской общины, требовал расширения крестьянского хозяйства и земельного передела в пользу крестьянской общины, ликвидации «отрезков». С другой, новые жители городов, даже успешно поступавшие на службу и способные обеспечить тем самым свои семьи, попадали в маргинальное положение. Для бывших односельчан они становились лишёнными достоинства «батраками», а для образованных горожан были не более, чем лакеями. Следует ожидать, что в этих условиях возрастёт популярность религии как средства для преодоления эмоционального кризиса периода социальной нестабильности, в котором одни отчаянно ждали окончательной отмены помещичьих привилегий, а другие всеми правдами и неправдами устраивались на новом месте в городах.

На основании рассмотренных материалов мы можем сделать обоснованное предположение, что популярность легенд о «возвращающемся избавителе» напрямую связана с крепостным положением основной массы крестьянского населения Российской империи. Цикл легенд об «избавителе» в лице Петра III, связанный с крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачёва, пришёлся на апогей закрепощения помещичьих крестьян при Екатерине II. При трёх последующих императорах, вплоть до середины XIX в. включительно, острота крестьянского вопроса снижалась, но незначительно.

Эти условия породили популярность легенд об «избавителе», главной миссией которого, как мы выяснили в прошлом разделе, народ полагал уничтожение сословных привилегий в лице Петра III, Павла I и великого князя Константина Павловича. Циклы появления, распространения и отмирания этих сюжетов в народной ментальности следуют, фактически один за другим. Вслед за К. В. Чистовым логично связать их с народными надеждами на решение крестьянского вопроса [8, с. 32]. Каждый раз, когда новый «избавитель» в силу ряда различных причин не оправдывал надежд, в народной ментальности фигура «избавителя» отождествлялась с новым деятелем.

«Великие реформы» 1860-х гг. кардинально изменили социально-политические условия для большинства населения, что привело к изменениям в народной ментальности. С отменой крепостного права одна из главных задач «избавителя» в народном представлении была выполнена, что послужило своеобразной отправной точкой, в народной ментальности развивались новые представления.

Таким образом, можно предположить, что именно новый этап модернизации, связанный с реформами 1860-х гг., стал причиной специфического цикла развития сюжета о царе-старце Александре I и его переходе из народного социокультурного явления в русскую литературу Серебряного века.

Следует отметить, что исследователи ментальностей Российской империи XIX в. придерживаются мнения о слабом разделении ментальностей крестьянства и низовых социальных слоёв в городах. А. В. Литягина на материале исследований Е. А. Андреевой сделала убедительный вывод о сходстве психологии крестьян с мещанской, характеризуя этическую составляющую «ядра» их ментальностей: «Для подавляющей части населения этих сословий сохраняли значение такие ценности, как Бог, добро, милосердие, честь и долг, материальный достаток... Среди норм повседневной жизни – посещение церкви (для новообрядцев), соблюдение обрядности, трудовая деятельность, выполнение обязательств, общепринятых правил» [9, с. 103]. Таким образом, народные представления крестьян и городского населения Томской губернии второй половины XIX в., в сущности, являются единой ментальностью, в рамках которой формировался сюжет о царе-старце.

Подробный анализ этой ментальности и развития её «ядра» под влиянием «Великих реформ» 1860-х гг. и начала процесса модернизации представил Б. Н. Миронов в монографии «Социальная история России периода империи XVIII – начала XX в.». Характеризуя особенности крестьянского менталитета до реформ 1860-х гг. и начала процесса модернизации в России, автор отметил такие его черты, как «общинность, преклонение перед религиозным обрядом и сложное отношение к богатству и частной собственности вообще» [10, с. 327–331]. Данный менталитет, согласно выводам учёного, «охватывал и городское непривилеги-

рованное население» [10, с. 332]. Для нашего исследования особенно важным следует признать замечание Б. Н. Миронова о том, что с началом реформ и процесса модернизации во второй половине XIX в. в российские города переселились многие выходцы из крестьянства, которые не только «сопротивлялись проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду» [Там же, с. 337], но и привели к новому «окрестьяниванию» формирующегося в начале XX в. рабочего класса [Там же, с. 343].

Таким образом, предшествующая исследовательская литература убедительно доказывает, что формирование сюжета о царе-старце происходило в рамках единой «народной ментальности», которая претерпевала изменения в условиях модернизационного процесса. Следовательно, для точного определения функции этого сюжета необходимо учесть социально-экономические условия его формирования. С одной стороны, аграрный вопрос был ещё актуален, в умах крестьянства жила идея земельного передела или уничтожения помещичьего землевладения. В начале 1860-х гг. народная ментальность сохранялась в форме традиционного православного мировоззрения. В ней почти без изменений присутствовали все традиционные признаки, которые ещё в XVIII в. способствовали появлению легенд о «возвращающемся избавителе».

Поэтому легенда о царе-старце начала формироваться как одна из легенд об «избавителе», который призван освободить крестьян от тяжёлой зависимости от помещиков и общего угнетённого положения. В тот период данная легенда была, по нашим предположениям, отражением такой грани ментальности, как «отношение к труду, собственности, богатству, бедности» [11, с. 58]. Это отношение отразилось в таких элементах раннего сюжета о царе-старце, как насильственное отстранение Александра I от власти и его последующее чудесное спасение: «Рассказывают, что он появился в Сибири в 1827 г., вместе с известным старцем Даниилом, с которым они вместе проживали в д. Зерцалы, но в разных келиях. Даниила называют доктором императора Александра I, который спас жизнь императора в то время, когда в Таганроге его пытались отравить»¹. В работе К. В. Чистова, посвящённой народным легендам об «избавителе», убе-

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 51. – Д. 18. 1882. – Л. 7 об.

дительно доказано, что подобные отстранения народ всегда связывал с реакцией крепостнической элиты на желание монарха отменить крепостное право [8, с. 200]. Кроме того, бескровная реформа «Положения 19 февраля 1861 года» и начало модернизационного процесса могла породить обоснованные надежды, что и другие задачи «избавителя» будут решены без необходимости народного восстания. В связи с данной ситуацией легенда о царе-старце потеряла актуальность как легенда именно об «избавителе».

Однако при новой форме ментальности на первый план вышла потребность в ощущении причастности к духовным ценностям, соответственно, в сюжете религиозного типа. Это ощущение вселяло уверенность в возможность поддержки «свыше» в период модернизационного перехода. Таким стал уже известный Фёдор Кузьмич, который легко превратился в «святого старца» и стал отражением уже такой грани народных представлений, как «отношение мира земного и трансцендентного» [Там же]. На наш взгляд, данная трансформация позволила сюжету стать ближе к ядру ментальности, чем он был изначально.

Переходный характер сюжета о царе-старце в народной ментальности полнее всего отразился в сведениях о посещении Фёдора Кузьмича высокопоставленными лицами, предположительно из окружения монарха, о переписке, которую вёл с ними старец. Приезды неких «господ» к старцу ещё при жизни Фёдора Кузьмича упомянуты в сочинении Г. Василича [12, с. 63], а после смерти старца к его келье наведалься, по словам С. Ф. Хромова, тайный советник М. Н. Галкин-Врасский². В то время он занимал высокий пост начальника тюремного управления и в Томске оказался проездом во время инспекции мест заключения и ссылки в Сибири. В мемуарах эмигранта А. В. Болотова есть сведения о том, что М. Н. Галкин-Врасский по возвращении из поездки по городам Сибири в докладе императору Александру III отметил популярность легенды о царе-старце: «Как в Томске, так и в других городах Западной Сибири Феодора Кузьмича почитают за императора Александра I» [13, с. 351].

А. В. Болотов передал многие сообщения томичей, собранные комиссией по изу-

² Там же. – Л. 10.

чению материалов о Фёдоре Кузьмиче, свидетельствовавшие о том, что «се ходатайства Феодора Козьмича постоянно уважались императором Николаем Павловичем» [13, с. 349–350].

Кроме писем и прошений, которые у старца получали в помощь своим делам удобные ему люди, старец вёл, по некоторым сведениям, и более регулярную корреспонденцию с верхушкой государства: «...комиссия установила, что император Николай I был в постоянной переписке со старцем Феодором Кузьмичем, и переписка велась секретным шифром, ключ к которому после долгих розысков, был найден в одном из секретнейших фамильных хранилищ» [Там же, с. 350]. Ещё больше свидетельств существует в подтверждение переписки подвижника с графом Д. Е. Остен-Сакеном, приближенной к правящей семье особой: «В эмигрантской среде были зафиксированы существенные данные о том, кому он писал. Так, о переписке Феодора Кузьмича с графом Дмитрием Ерофеевичем Остен-Сакеном свидетельствовали и сын его – Николай Дмитриевич Остен-Сакен (посол России в Берлине в 1895–1912 гг.), и внук – граф Н. В. Остен-Сакен» [14, с. 150–151]. Именно с именем Д. Е. Остен-Сакена исследователи связывают так называемую «тайну» Фёдора Кузьмича – три небольших записки с шифрованными записями, обнаруженные С. Ф. Хромовым в келье после смерти старца.

Эта деталь сюжета о царе-старце резко выделяет его среди типологически сходных с ним легенд о «возвращающемся избавителе». Ни один персонаж легенд этого типа после своего отстранения от власти не вёл переписок со своими влиятельными сторонниками в правительстве, тем более не оказывал влияние на текущую политику. Отметим, что ведение переписки с императором и его приближенными и влияние на политику государства было бы невозможно в случае насильственного отстранения правителя от власти. Следовательно, данный элемент сюжета появился, когда легенда об избавителе начала трансформацию в сюжет религиозного типа. Добровольное отречение от власти и уход из мирской жизни в старчество как нельзя более соответствовал такой трансформации, продолжение общения с помощью переписки при данном варианте сюжета было бы вполне возможным и даже закономерным. О старчестве как особом явлении

русской православной церкви повествуют работы В. И. Экземплярского и П. Г. Проценко [15; 16]. Из зарубежных авторов феноменом старчества и отшельничества занимался исследователь Барри Стоун [17].

В условиях отмеченного Б. Н. Миرونным столкновения традиционной крестьянской ментальности с формирующейся городской буржуазной культурой среди крестьянства и городских низов неизбежно должна была возрасти религиозность. В церковных обрядах народ, приверженный традиционной православной ментальности, мог искать противовес ломавшим привычный уклад его жизни процессам модернизации. По этой причине могла измениться и роль сюжетов о «спасителе», ранее бытовавших прежде всего в старообрядческой и сектантской среде, либо среди представителей официального духовенства.

Таким образом, противоречия между традиционной православной ментальностью крестьянства и городского непривилегированного населения и формирующейся на фоне модернизационных процессов буржуазной городской культурой могли актуализировать в народной ментальности фигуру «спасителя» как освободителя мира от греха и скверны, проявлением которых носители традиционной ментальности неизбежно считали новую городскую культуру.

Образ Александра I, ушедшего от власти и мирской жизни в старчество, как нельзя более отвечал запросам народной ментальности на героя нового типа. По легенде он оставался правителем, знания и опыт которого не сопоставимы с тем, что знает простой обыватель провинциального городка. Это и знание иностранных языков, и понимание политических процессов, и владение военным делом. Как мы уже упоминали, по некоторым сведениям, он писал самым высокопоставленным лицам прошения о помощи удобным ему людям, и такие письма не оставались без удовлетворения. Данные особенности пришлись очень кстати для образа святого-спасителя, так как, несмотря на то что «избавитель» как тип героя потерял актуальность, потребность в таком высокопоставленном деятеле, который имел бы большое влияние на правительство и решал бы проблемы людей на местах, никуда не ушла, а в полной мере оставалась и у городских жителей, тем более у переселенцев из деревни в город.

Черты же Фёдора Кузьмича как спасителя и святого отшельника начали подтверждаться такими элементами, как различные проявления прозорливости; отмечались указания на его праведную, аскетичную жизнь, помощь советами и творимые им чудеса. Примером являются многочисленные случаи чудесного исцеления старцем посещавших его людей, зафиксированные С. Ф. Хромовым в «Кратком жизнеописании...»: «Он пришёл в комнату, помолившись Богу, стал здороваться. Старец был ещё на лежанке и говорит: “Здравствуй, отец Иоанн”. Тогда как прежде никогда его не видел. Это мне сказывала Наталья Яковлевна, и тогда же исцелил его болезнь головы»¹. Данный фрагмент включает указание как на прозорливость старца, так и на его способности к целительству. Старец, согласно записям С. Ф. Хромова и другим источникам, жил крайне скромно, избегал внимания, но не отказывал в помощи людям. Несмотря на высокое происхождение и наличие знаний, Фёдор Кузьмич в остальном описан как традиционный святой старец-отшельник. После ухода в старчество он в обычной жизни не нуждался в своих знаниях, часто скрывал их. Старец хотел жить простой жизнью, общаясь с людьми

(но без усиленного внимания и почитания) и молясь Богу. Таким образом, в сюжете о царе-старце соединились потребность людей в высокопоставленном покровителе в мирской жизни и желание сохранить опору на традиционные ценности, главными из которых были христианская религия и стремление к высокой духовности при неприязнательности в быту.

Заключение. В результате проведённого исследования развития сюжета о царе-старце выявлено, что он начал формироваться в период, когда остро стоял вопрос об освобождении крестьян, и имел типичные черты легенды о «возвращающемся избавителе». Однако в устойчивый сюжет он не успел оформиться, так как начались процессы кардинальных общественных преобразований.

В связи с утратой актуальности крестьянского вопроса сюжет о царе-старце на стадии своего формирования претерпел изменения и в нём стал преобладать религиозный контекст. Исходя из анализа записей С. Ф. Хромова, Федор Кузьмич стал восприниматься как типичный старец-отшельник, тем не менее, признавались его высокое происхождение и связанные с этим сюжетные особенности.

Список литературы

1. Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии / пер. с фр. В. А. Мильчиной; предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Языки русской культуры, 1998. 712 с.
2. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
3. Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / Институт российской истории РАН. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.
4. Рёдель А. И. Российский менталитет: к социологическому дискурсу // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 109–118.
5. Пчегатлук С. К. Менталитет как социально-политическое явление: опыт рассмотрения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. Ч. 2, № 9. С. 155–158.
6. Андреева Е. А. Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2009. 28 с.
7. Чешев В. В. Ментальность русской крестьянской общины (по «Письмам из деревни» А. Н. Энгельгардта). Томск: Издательство ТГАСУ, 2014. 88 с.
8. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
9. Литягина А. В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 99–110.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
11. Хромова Е. Б. Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 5/1. С. 53–61.

¹ Хромов С. Ф. Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича. Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / под ред. В. П. Бойко, Е. В. Ситникова; авт. предисл. В. П. Бойко. – Томск: Изд-во Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2015. – 251 с. – С. 35.

12. Василич Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич: по воспоминаниям современников и документам: со многими рисунками и портретами / предисл. Г. Балицкого; рис. на обл. П. Афанасьева. М.: Образование, 1909. 157 с.

13. Болотов А. В. Святые и грешные: Воспоминания бывшего человека. Париж: Франко-русская печать, 1924. 354 с.

14. Громыко М. М. Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный: исследования и материалы к житию. М., 2007. 512 с.

15. Экземплярский В. И. Старчество // Тайна страданий и христианство. СПб.: САТИСЪ, 1996. 44 с.

16. Проценко П. Г. Деревенская религиозность в России: к постановке проблемы. Текст: электронный // Вестник русского христианского движения. 2005. № 189. URL: <http://www.golubinski.ru/vestnik/articles/vestnik2005.html> (дата обращения: 10.06.2022).

17. Stone Barry. I Want to be Alone: Solitary Lives: salvation seekers, celebrity recluses, hermit poets and survivalists from the Buddha to Greta Garbo. London: Allen & Unwin, 2010. Pp. 97–98.

Информация об авторе

Путилин Михаил Сергеевич, аспирант; Томский государственный университет; 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36; e-mail: mish.put.1997@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3839-1409>.

Для цитирования

Путилин М. С. Сюжет о царе-старце как феномен ментальности общества XIX века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 119–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-119-127.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 18.08.2022.

References

1. Blok, M. Kings miracle workers: an essay on ideas about the supernatural nature of royal power, distributed mainly in France and in England/ tr. from French by V. A. Milchina. Aoreword J. Le Goff. Ed. by A. Ya. Gurevich. M: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, 1998. (In Rus.)

2. Ariès, Philippe. Child and the family life under the Old Order / Trans. from French by Ya. Yu. Startsev with the participation of V. A. Babintsev. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. (In Rus.)

3. Trepavlov, V. V. “White Tsar”: The image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia of the XV–XVIII centuries. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. M: Vostochnaya literatura, 2007. (In Rus.)

4. Redel', A. I. Russian mentality: to sociological discourse. Sociological studies, no. 12, pp. 109–118, 2000. (In Rus.)

5. Pchegatluk, S. K. Mentality as a socio-political phenomenon: experience of consideration. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, no. 9, pp. 155–158, 2015. (In Rus.)

6. Andreeva, E. A. The mentality of the urban population of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. Cand. sci. diss. abstr. Tomsk, 2009. (In Rus.)

7. Cheshev, V. V. The mentality of the Russian peasant community: (according to the “Letters from the Village” by A. N. Engelhardt). Tomsk: Izdatel'stvo TGASU, 2014. (In Rus.)

8. Chistov, K. V. Russian folk social and utopian legends of the XVII–XIX centuries. M: Nauka, 1967. (In Rus.)

9. Lityagina, A. V. Factors that influenced the mentality of citizens of Western Siberia of the second half of the XIX – early XX centuries. Historical psychology and sociology of history, no. 1, pp. 99–110, 2013. (In Rus.)

10. Mironov, B. N. The social history of Russia during the empire (XVIII – early XX centuries): In 2 v. V. 1. SPb: Dmitrii Bulanin, 2000. (In Rus.)

11. Khromova, E. B. From the history of the formation of historical anthropology in Russia: the contribution of the history of mentalities. Historical and socio-educational thought, no. 5/1, pp. 53–61., 2018. (In Rus.)

12. Vasilich, G. Emperor Alexander I and the Elder Fyodor Kuzmich: according to the memoirs of contemporaries and documents: with many drawings and portraits. Moscow: Obrazovanie, 1909. (In Rus.)

13. Bolotov, A. V. Saints and Sinners: Memories of a Former Man. Paris: Franko-russkaya pechat', 1924. (In Rus.)

14. Gromyko, M. M. Holy righteous Fyodor Kuzmich – Alexander I the Blessed. Research and materials for life. M., 2007. (In Rus.)

15. Ekzemplarskiy, V. I. Senility. The Secret of Suffering and Christianity. SPb: SATIS, 1996. (In Rus.)

16. Protsenko, P. G. Village religiosity in Russia: to the formulation of the problem. Bulletin of the Russian Christian movement, no. 189. 2005. <http://www.golubinski.ru/vestnik/articles/vestnik2005.html>. Web. 10.06.2022. (In Rus.)

17. Stone, Barry. I Want to be Alone: Solitary Lives: salvation seekers, celebrity recluses, hermit poets and survivalists from the Buddha to Greta Garbo (Allen & Unwin, 2010): 97–98. (In Engl.)

Information about author

Putilin Mikhail S., Postgraduate Student; National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, 634050, Russia; e-mail: mish.put.1997@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3839-1409>.

For citation

Putilin M. S. The Story of the Starets Tsar as a Mental Phenomenon of Society in the 19th century // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 119–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-119-127.

Received: July 12, 2022; approved after reviewing August 15, 2022; accepted for publication August 18, 2022.

АРХЕОГРАФИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ АЗИИ

ARCHAEOGRAPHY: CULTURAL CODES OF ASIA

Научная статья

УДК 94(510)

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-128-135

Халхасский Цогту-тайджи: диссонанс оценок в историографии

Поогоо Чултэмсүрэн¹, Александр Дмитриевич Гомбожапов²

¹Национальный центральный архив Монголии, г. Улан-Батор, Монголия

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

¹chultemsuren@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3197-3289>,

²agombozh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9793-2274>

В статье представлен анализ политической и религиозной деятельности Цогту-тайджи, одной из противоречивых личностей в истории Монголии. В анализе деятельности Цогту-тайджи применён историко-биографический метод. Он позволил проследить истоки формирования политических взглядов Цогту-тайджи. Применение сравнительно-исторического метода выявило общие черты и различия в политических тенденциях Внутренней (Южной) и Халха (Северной) Монголии. Аналитическое сопоставление основных обстоятельств политической борьбы в среде правящего слоя показало, что религиозный фактор стал основной разграничительной линией противоборствующих сторон. На материалах письменных и фольклорных источников прослежены мотивы и причины, побудившие Цогту-тайджи стать сторонником Лигдэн-хана, последнего всемонгольского хана, выступившего за объединение монгольских уделов и централизацию власти в своих руках. Для решения данного вопроса рассмотрен характер взаимоотношений Цогту-тайджи с влиятельными княжескими домами Халхи. Показано, что выразителями общего недовольства знати деятельностью Цогту-тайджи могли быть только правители крупных монгольских удельных владений: Сайн-ноён, Тушэту-хан и Сэцэн-хан. Поддержка Цогту-тайджи политики централизации власти в руках чахарского Лигдэн-хана вела в условиях удельной раздробленности территорий монгольских правителей Халхи к постепенной изоляции Цогту-тайджи, что в итоге обернулось изгнанием из родных земель. К сложному результату переплетений внутренних политических условий и религиозных взаимоотношений был добавлен внешний фактор – нарождающееся государство маньчжуров, которое, став центром притяжения монгольской элиты, было заинтересовано во фрагментарности монгольского политического пространства. Возможно, что и политическая позиция Цогту-тайджи обрела свои окончательные черты именно под влиянием этого обстоятельства.

Ключевые слова: Цогту-тайджи, Халха, Монголия, буддизм, Сакья, Гелуг, Лигдэн-хан

© Поогоо Чултэмсүрэн, Гомбожапов А. Д., 2022

Original article

Khalkhas Tsogtu Khuntaiji: Dissonance of Assessments in Historiography Poogoo Chultemsuren¹, Alexander D. Gombozhapov²

¹National Archives of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia Institute for Mongolian,

²Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

¹chultemsurenp@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3197-3289>,

²agombozh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9793-2274>

The article presents an analysis of the political and religious activities of Tsogtu Khuntaiji, one of the controversial personalities in the history of Mongolia. In the analysis of the activities of Tsogtu Khuntaiji, the historical-biographical method was applied. It made it possible to trace the origins of the political views of Tsogtu Khuntaiji. The application of the comparative historical method revealed common features and similarities in the political trends of Inner (Southern) and Khalkha (Northern) Mongolia. Analytical comparison of the main circumstances of the political struggle among the ruling stratum showed that the religious factor has become the main dividing line of the warring parties. Using the materials of written and folklore sources, the motives and reasons that prompted Tsogtu Khuntaiji to come out as a supporter of Ligden Khan are traced. The latter was the bearer of the title of Great Khan and sought to revive a single Mongolian state. To resolve this issue, the nature of the relationship between Tsogtu Khuntaiji and the influential princely houses of Khalkha is considered. It is shown that the general dissatisfaction of the nobility with the activities of Tsogtu Khuntaiji was expressed in the person of the rulers of large Mongolian specific possessions: Sain-noyon, Tushetu-khan and Setsen-khan. The support of Tsogtu Khuntaiji for the policy of centralization of power in the hands of the Chakhar Ligden Khan led, in the conditions of the specificity of the Mongol rulers of Khalkha, to his gradual isolation, which eventually turned into expulsion from his native lands. An external factor was added to the complex tangle of interweaving of internal political conditions and religious relations – the emerging state of the Manchus, which, having become the center of attraction for the Mongolian elite, was interested in the fragmentation of the Mongolian political space. It is possible that the political position of Tsogtu Khuntaiji acquired its final features precisely under the influence of this circumstance.

Keywords: Tsogtu Khuntaiji, Khalkha, Mongolia, Buddhism, Sakya, Gelug, Ligden-khan

Введение. Одним из сложных и драматичных периодов в истории Монголии является XVII в., когда обострение внутренних противоречий между раздробленными частями некогда великой Монгольской империи достигло своего пика. Именно в этот период в Северо-Восточной Азии началось победное шествие нового государства восточных соседей монголов – маньчжуров [1; 2]. После подчинения южномонгольских племён и завоевания Китая оно стало именоваться Цинской империей. Государство уже с момента своего зарождения представляло потенциальную, а затем и реальную угрозу для ханств Халха-Монголии [3]. Монгольская элита понимала всю опасность создавшегося положения, вызванного появлением маньчжурского государства, но не предпринимала активных действий.

XVII в. также известен укреплением религиозных связей монгольского мира с Тибетом, соответственно, появлением и особым влиянием тибетского религиозного фактора во внутренней и внешней политике монгольских ханств. На северных границах монгольского мира появились русские казаки, своим проникновением свидетельствовавшие об активизации восточной политики Русского

государства. Таким образом, в XVII в. геополитическая обстановка во Внутренней Азии изменилась кардинальным образом.

Успех территориальной экспансии Цинской империи в Центральной Азии нельзя объяснить без подробного анализа политической ситуации в Халха-Монголии. Маньчжурским давлением на монгольские ханства был остро поставлен вопрос о сохранении их самостоятельности и независимости. Наиболее последовательным противником маньчжурского продвижения среди монгольской элиты стал халхаский князь Цогту-тайджи¹ (монг. *ᠴᠣᠭᠲᠤ ᠲᠠᠶᠢᠵᠢ*), занявший непримиримую позицию по отношению к цинскому двору [4]. В монгольских и тибетских исторических хрониках, содержащих лаконичные сведения о биографии Цогту-тайджи, отражена крайне тенденциозная оценка его деятельности, понятная в силу задач цинской придворной историографии и монгольской элиты. Наиболее очевидным свидетельством этого является полное игнорирование имени Цогту-тайджи в официальных изданиях. Среди них одним из значимых явля-

¹ В научной литературе встречаются и другие варианты написания имени: Цогту – хунтайджи, Цогт – тайж и Цогто – хунтайджи.

ется «История монгольских ханов и тайджей», где фиксировалась родословная всей правящей элиты. Она была составлена по указанию цинского императорского двора, неоднократно издавалась и распространялась среди её представителей. Несмотря на принадлежность Цогту-тайджи к правящему роду, политический статус и ту заметную деятельность, которую он проводил по распространению буддизма в Монголии, в издании семейного древа монгольских ханов и знати его имя не упоминается. Именно это противоречие вызывает особый интерес к его личности.

Методология и методы исследования. В анализе деятельности Цогту-тайджи применён историко-биографический метод. Он позволил проследить истоки формирования политических взглядов Цогту-тайджи. Применение сравнительно-исторического метода выявило общие черты и различия в политических тенденциях Внутренней (Южной) и Халха (Северной) Монголии. Аналитическое сопоставление основных обстоятельств политической борьбы в среде правящего слоя показало, что религиозный фактор стал основной разграничительной линией противоборствующих сторон.

Результаты исследования и их обсуждение. В научной литературе седения о том, что Цогту-тайджи остался практически в полной изоляции и был вынужден покинуть свои родовые владения в область оз. Кукур, связывается с двумя обстоятельствами. Во-первых, с политической позицией Цогту-тайджи, поддержавшего южномонгольского Лигдэн-хана. Согласно монгольским и маньчжурским источникам, стремление последнего объединить и возродить централизованное государство монголов вызвало всеобщее сопротивление¹. В политических условиях XVI–XVII вв., когда удельные тенденции нарастали и находились в решающей фазе, намерения Лигдэн-хана по подчинению князей Внутренней Монголии и Халхи своей власти явно не отвечали их интересам и той самостоятельности, которую они обрели. Знать имела свои владения, своих подданных, и все стремились быть независимыми, делая положение Монголии нестабильным. Раздробленные самостоятельные князья и нойоны хотели вести государственные дела по отдельности в

¹ Возможность предвзятости в цинской придворной историографии таких оценок рассмотрена в работе М. Е. Лхамсүрэн [5].

своих собственных интересах. Способствовала этому также политика «разделяй и властвуй» государства Мин.

Монгольский правящий слой разделился на две части: те, которые поддерживали Лигдэн-хана и те, которые придерживались сепаратизма. Чтобы избавиться от децентрализующих факторов перед Лигдэн-ханом, стояла задача удержать своё право на правление как потомка золотого рода, обеспечить усиление государства и армии, защитить независимость Монголии, развить экономику и сохранить целостность границ Монголии. Однако развернулось интенсивное сепаратистское движение против политики централизации последнего великого хана Монголии Лигдэна. Это обстоятельство ослабило его силы в войне с маньчжурами и империи Мин [5–8]. Ситуация постепенно обострялась, часть удельных князей во Внутренней Монголии добровольно приняла подданство маньчжуров, часть бежала в Халху, усугубляя положение внутри Халхи и приводя к междоусобной борьбе.

Во-вторых, это связано с приверженностью и поддержкой Цогту-тайджи школы Сакья. Как описывает Б. Я. Владимирцов, в начальный период распространения тибетского буддизма различия в школах и направлениях не были столь существенны, чтобы стать основой для религиозных преследований и военных столкновений [9; 10]. Вскоре религиозная позиция стала подкреплять политическую. Желтошапочники получили поддержку большинства правящего слоя, лишь узкий круг, образовавшийся вокруг Лигдэн-хана в Южной Монголии и Цогту-тайджи в Северной, стал опираться на красношапочников [11; 12].

Так, традиционный шаманизм и красношапочное направление, получившее некоторое распространение, вытеснялись школой желтошапочников, вместе с тем духовное объединение монголов становилось труднодостижимой целью [13].

Тот факт, что Цогту-тайджи был проводником Лигдэн-хана и приверженцем противоборствующей школы Гелуг секты красношапочников, объясняет причины его забвения и искажения его роли в распространении буддизма и в просветительской деятельности. Однако это не объясняет личных мотивов Цогту-тайджи в отношении того, почему он стал сторонником централизации и союзником Лигдэн-хана, имевшего все

права на великоханский престол. Отметим, что остаётся в силе утверждение Б. Я. Владимирцова о том, что причины, побудившие Цогту-тайджи выступить сторонником Лигдэн-хана, а также мотивы его политики остаются нам неизвестны [10, с. 233].

Для решения данного вопроса необходимо, как нам кажется, рассмотреть характер взаимоотношений Цогту-тайджи с влиятельными княжескими домами Халхи. Общеизвестно, что правление Даян-хана является своеобразной точкой отсчёта в политической истории Монголии позднего средневековья, после чего начинается этап децентрализации. Его сын Гэрсэндзэ-Джалаир-хунтайджи получил в удел область Халха-Монголию. Согласно принципу наследования каждому из своих сыновей (всего их было 11) Гэрсэндзэ должен был выделить собственный удел. Впоследствии главными из них стали три владения, правители которых представляли независимые княжества – Тушэту-хан, Дзасагту-хан и Сэцэн-хан [11]. Владения Цогту-тайджи располагались на территории правителей, носивших наследственный титул Тушэту-хан.

Из источников, освещающих ранний период деятельности Цогту-тайджи, известно, что он был самым влиятельным и авторитетным среди ведущих князей Халхи, в том числе и Джунгарии. Монгольский учёный С. Пэрлээ, анализируя правовой памятник «Восемнадцать степных законов», отметил, что имя Цогту-тайджи упомянуто третьим в законе, утвержденном на сейме князей 7 хошунов Халхи в год водяного кролика (1603). Кроме того, начиная с законов, принятых после 1614 г., его имя стали писать сразу после влиятельных князей Дайчин-хунтайджи и Далай Сэцэн-хунтайджи (хан Шолой) [14, с. 120]. Это свидетельствует о возросшем авторитете Цогту-хунтайджи в политической иерархии и о его значимом политическом влиянии в этот период.

Несмотря на то что Цогту-тайджи был очень могущественным князем, имевшим много подданных и большие владения в Халхе (в бассейне рек Орхон и Туул) и в Джунгарии, он находился в зависимом положении от Тушэту-хана. В монгольском обществе, как известно, действовал родовой принцип наследования, согласно которому ханская власть переходила к старшему в роду. Однако в данном случае наследование было ближе к династийному принципу, и

прямая ветвь Тушэту-ханов считалась старшей над боковыми, которые находились в подчинённом положении.

Халхасский Цогту-тайджи (полное имя на монг. *Tümengken cöyту qong tayji*, Тумэнхэн Цохур Цогту-тайджи) является потомком Чингисхана в девятнадцатом поколении. Он был старшим сыном Бахарай-хошучи (1565), пятого сына Нунуху-Уйдзэна (1534–?). Нунуху-Уйдзэн (Оноху-Уйдзэн) – третий сын Гэрсэндзэ-Джалаир-тайджи (1513–1549). Последний был одиннадцатым сыном Даян-хана Бату-Мункэ (1464–1517), который являлся прямым потомком Чингисхана.

Поскольку Цогту-тайджи не относился к правящей линии потомков Тушэту-ханов, то он должен был признать верховенство их власти. Представляется, что противоречия, возникшие в отношениях с ними, а именно с правителями правящих домов Сайн-ноёна (младшей ветви Тушэту-ханов) Тумэнхэн Хундлон Цохуром (монг. *Tümэнхэн хөндлөн цөөхүр*) и Тушэту-ханом Гомбодоржем (монг. *Гомбодорж Түшээт хан*), сыграли решающую роль в формировании политических предпочтений Цогту-тайджи. Стремление к независимости и претензии на роль одного из лидеров Халхи последнего не могли не вызвать соответствующей реакции.

Крупный монгольский учёный Ш. Нацагдорж считает, что неизвестно, кто из халхаских князей был против Цогту-тайджи и непосредственно возглавлял борьбу против него [15]. Однако самым естественным в данном случае, как мы уже обозначили, было бы предположение, что выразителями общего недовольства знати деятельностью Цогту-тайджи могли стать только правители крупных монгольских удельных владений: Сайн-нойон, Тушэту-хан и Сэцэн-хан. При этом, как отмечено ранее, политическая борьба переплеталась с религиозными разногласиями. Таким образом, необходимым становится более подробное освещение отношений монгольских правителей к тому или иному течению буддизма, начавшему широко распространяться в Монголии в этот период.

Тумэнхэн Хундлон Цохур приходился старшим родственником Цогту-тайджи. Он известен как ревностный последователь буддийской религии, успешно распространявший её идеи. Первоначально он не проявлял открыто свои предпочтения какой-либо из школ, распространяя буддизм в целом.

В этот период в Тибете противоречия между двумя основными сектами буддизма – красношапочниками (школа Сакья) и желтошапочниками (школа Гелуг) – приобрели острую форму [16; 17]. Вскоре в борьбу между двумя направлениями в тибетском буддизме были вовлечены и монгольские князья.

Тумэнхэн Хундлон Цохур встал на сторону желтошапочников и выступил в Тибет для защиты Далай-ламы. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Тумэнхэн Хундлон Цохур мог играть большую роль в изгнании Цогту-тайджи из Халхи, поскольку приверженность и военная поддержка главы школы Гелуг не могла не сказаться и на его позиции в отношении буддийских направлений собственно в Монголии. Цогту-тайджи, как известно, был последователем школы Сакья, то есть красношапочников, противостоящих желтошапочникам.

В пользу предположения о большой роли Тумэнхэн Хундлон Цохура в том, что Цогту-тайджи был подвергнут остракизму и был вынужден переселиться в область Кукунора, говорит и тот факт, что на рубеже XVI–XVII вв. после смерти Абатай-сайн-хана, основателя правящего дома Тушэту-ханов, Тумэнхэн Хундлон Цохур, как его младший брат, остался старшим в роду и фактически управлял Халхой. Его мнение в политических вопросах было решающим. Наиболее наглядно это находит подтверждение в Степном уложении («Законах на бересте»). Тумэнхэн Хундлон Цохур был князем, который имел резкие разногласия с Цогту-тайджи как в политике, так и в религиозных делах.

Известный монгольский учёный С. Пэрлээ отметил, что вполне возможно свидетельством открытого противостояния между Тумэнхэн Хундлоном Цохуром и Цогту-тайджи могут быть обнаруженные им остатки от разрушенной крепости: «...Олон Сумийн хул или восточный Рээту находится на 47 широте и 102 долготе. На выступах на юге и севере реки Онги находятся следы каменных укреплений, которые могут быть связаны с битвой между сторонниками Тумэнхэн-Хундлон-Цохура и Цогту-тайджи» [14, с. 136].

По мере вынужденного переселения южно-монгольской знати в Халху росло влияние Сэцэн-хана Шолоя. Х. Пэрлээ пишет, что «...кочёвка некоторых князей из Внутренней Монголии, которые не хотели быть под управлением Лэгдэн-хана, в аймак Сэцэн-хана сви-

детельствует, что Халха была политическим центром наряду с Чахаром, и Сэцэн-хан Шолой был крупным государственным деятелем в Халхе как Лигдэн» [18].

Сэцэн-хан Шолой не мог не учитывать интересов прибывавших под его покровительство южномонгольских князей, что стало решающим фактором в его отношениях с Цогту-тайджи, поддерживающим Лигдэн-хана, от которого как раз и искали защиты его новые подданные из Внутренней Монголии. После изгнания Цогту-тайджи из Халхи влияние Сэцэн-хана ещё более возросло. В это время Тумэнхэн Хундлон в силу своего возраста снизил политическую активность и почти не принимал участия в государственных делах.

Тушэту-хан Гомбодорж был возведён в ханское достоинство в раннем возрасте и не мог принимать самостоятельных решений. В силу этого Цогту-тайджи, хотя и находился под властью Тушэту-хана, имел большое влияние в политической и религиозной жизни. По мере взросления Тушэту-хана Гомбодоржа излишнее своеволие Цогту-тайджи могло вызвать его недовольство. Монгольский учёный Ч. Сосорбарам пишет, что «Созрело время, когда Тушэту-хан повзрослел и захотел вернуть своё влияние и вытеснить дядю, который жил в дельте рек Орхон и Туул» [19, с. 124]. Данное высказывание позволяет говорить о противоречиях в принципах престолонаследия, когда предъявить свои права на верховную власть могли как старшие в роду, так и прямые наследники правителя [20; 21].

Линия Тушэту-ханов считалась старшей, во многом с ней связывали достижение единства восточных монголов перед лицом внешней угрозы, исходящей от маньчжуров. Одним из проявлений стремления к единству стало провозглашение в 1639 г. сына Тушэту-хана Гомбодоржа Ундур-гэгэн Дзанабадзара первым Богдо Гэгэном – главой буддийской церкви. Предпринятые шаги в этом направлении, хотя и отвечали устремлениям Цогту-тайджи к противостоянию маньчжурам, однако не вели к сближению их позиций, поскольку монгольские князья не были заинтересованы в утрате своей самостоятельности и подчинении власти Лигдэн-хана. Поддержка Цогту-тайджи политики централизации власти в руках чахарского Лигдэн-хана вела в условиях удельности монгольских правителей Халхи к постепен-

ной его изоляции, что в итоге обернулось изгнанием из родных земель.

Казалось бы, что союз с Лигдэн-ханом должен находиться в противоречии со стремлением Цогту-тайджи к большей независимости и самостоятельности. Здесь, как нам кажется, в основных своих мотивах ситуация с Цогту-тайджи повторяет события противостояния Алтан-хана тумэтского с Дарайсун-Годэн-ханом, носившим титул всемонгольского хана [22]. Если Алтан-хан в стремлении утвердить свой независимый статус стал приверженцем буддийской школы Гелуг, что также нашло отражение и в Халхе, всё более отдалявшейся от власти всемонгольского хана, то Цогту-тайджи, находясь в окружении политических противников, стал сторонником красношапочников, что делало его автоматически союзником Лигдэн-хана. Повторимся, что в начальный период распространения буддизма в Халхе правители уделов не делали особых различий между направлениями буддизма, довольно отчётливо позиция проявилась позже и не без влияния политической борьбы. Логичным представляется мнение о том, что отдалённый союзник был предпочтительным, чем нахождение непосредственно под властью Тушэту-ханов. Также нельзя забывать, что политика централизации власти в кочевом обществе не обязательно вела к утрате власти на местах. Речь, скорее, идёт о неких «вассальных» обязательствах.

Политико-религиозные разногласия Цогту-тайджи с местными аристократами привели к изгнанию в 1630 г. Цогту-тайджи и его сподвижников с исторической родины. В

1632 г. Цогту-тайджи намереваясь объединиться с Лигдэн-ханом, который был вынужден бежать после разгрома маньчжурами, направился в область Кукунор, где решил укрепить свои силы и снова бороться против маньчжурской экспансии. К 1634 г. Цогту-тайджи занял область озера Кукунор, подчинив местное монгольское и тибетское население. Его прибытие изменило расклад сил в Тибете, ввергнутого в борьбу школы Гелуг и Сакья [23]. Цогту-тайджи выступил защитником красношапочников, боровшихся против централизации власти Далай-ламы V. Однако вскоре на помощь Далай-ламе пришли ойратские войска во главе с Гуши-ханом, которые в 1637 г. нанесли окончательное поражение Цогту-тайджи.

Заключение. Таким образом, в данной статье нельзя исчерпывающе раскрыть все причины и мотивы того, почему Цогту-тайджи выступил в поддержку единства монголов и централизации власти в лице чахарского Лигдэн-хана. Материал, скорее, носит постановочный характер. На наш взгляд, пути решения связаны с необходимостью более тщательного анализа характера взаимоотношений Цогту-тайджи с влиятельными князьями. К сложному результату переплетений внутренних политических условий и религиозных взаимоотношений добавлен внешний фактор – нарождающееся государство маньчжуров, которое, став центром притяжения монгольской элиты, было заинтересовано во фрагментарности монгольского политического пространства. Возможно, что и политическая позиция Цогту-тайджи обрела свои окончательные черты именно под влиянием этого обстоятельства.

Список литературы

1. Perdue P. Boundaries, Maps, and Movement: Chinese, Russians, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia // *The International History Review*. 1998. No. 20. Pp. 263–286.
2. Perdue P. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press. 2005. 725 p.
3. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Восточная литература, 1974. 196 с.
4. Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 214 с.
5. Lkhamsuren M. E. *The Taiji government and the rise of the warrior state: the formation of the Qing imperial constitution*. Leiden: Brill, 2021. 567 p.
6. Di Cosmo N. *Competing Strategies of Great Khan Legitimacy in the Context of the Chaqar-Manchu Wars // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth–Twentieth Centuries*. Bellingham: Western Washington University Press, 2006. Pp. 1620–1634.
7. Elliott M. *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. 608 p.
8. Elverskog J. *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. 264 p.

9. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи. Статья первая // Известия Академии наук СССР. 1926. Серия VI. Т. 20, вып. 13–14. С. 1253–1280.
10. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхаского Цогту-тайджи. Статья вторая // Известия Академии наук СССР. 1927. Серия VI. Т. 21, вып. 2. С. 215–240.
11. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 103 с.
12. Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.
13. Энхээ Ц. Манжийн түрэмгийлэл ба Лигдэн хааны улс төрийн үйл ажиллагаа: Монголын түүхийн судалгааны шинэ хандлага, тулгамдсан асуудал (XVII–XX зууны эхэн) хурлын эмхтгэл. Сэндай, 2009. С. 30–45.
14. Пэрлээ С. Халхын шинээр олдсон цааз-эрхэмжийн дурсгалт бичиг. Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг // Monumenta Historica. Т. VI, fasc. I–II. Улаанбаатар, 1974. 139 х.
15. Нацагдорж Ш. Халхын түүх / Хоёрдахь удаагийн хэвлэл. Улаанбаатар, 2008. 383 с.
16. Wallace V. A. (ed.). Buddhism in Mongolian History, Culture and Society. Oxford: Oxford University Press, 2015. 325 p.
17. Kitinov B. U. The Spread of Buddhism Among Western Mongolian Tribes Between the Thirteenth and Eighteenth Centuries. Lewiston; Queenstone; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2010. 324 p.
18. Пэрлээ Х. Хэсэг байшингийн монгол бичээс. Бүтээлийн чуулган. III боть. Улаанбаатар: “БЭМБИ САН” хэвлэлийн газарт хэвлэв, 2012 он. Х. 272–281.
19. Сосорбарам Ч. Чингис хааны геополитик: Монгол улсын халхлалт, хамгаалалтын тогтолцоо: XII зуунаас – XVIII зууны цэрэг туухийн шинжилгээ. Улаанбаатар, 2012. 214 х.
20. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.
21. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
22. Афонина Е. Н. К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507–1581) – Mongolica-VI: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 39–47.
23. Laird T. The story of Tibet: conversations with the Dalai Lama // Grove/Atlantic. 2007. Inc. 1. 496 p.

Сведения об авторах

Чултэмсүрэн Поогоо, научный сотрудник; Национальный центральный архив Монголии; 14200, Монголия, г. Улан-Батор, район Хан-Уул, ул. Архивариуса, 21-й квартал, здание архивного комплекса; e-mail: chultemsurenp@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3197-3289>.

Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник; отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: agombozh@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9793-2274>.

Вклад авторов

Чултэмсүрэн Поогоо – основной автор, определял концепцию и методологию исследования, работал с источниками.

А. Д. Гомбожапов редактировал и оформлял статью.

Для цитирования

Чултэмсүрэн Поогоо, Гомбожапов А. Д. Халхаский Цогту-тайджи: диссонанс оценок в историографии // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 128–135. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-128-135.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 04.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

References

1. Perdue, P. Boundaries, Maps, and Movement: Chinese, Russians, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia. The International History Review, no. 20, pp. 263–286, 1998. (In Engl.)
2. Perdue, P. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. (In Engl.)
3. Ermachenko, I. S. Policy of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia in the 17th century. M: Vost. lit., 1974. (In Rus.)
4. Chimitdorzhiev, Sh. B. National liberation movement of the Mongolian people in the XVII–XVIII centuries. Ulan-Ude: BNTs SB RAS Publishing House, 2002. (In Rus.)

5. Lkhamsuren, M. E. The Taiji government and the rise of the warrior state: the formation of the Qing imperial constitution. Leiden: Brill, 2021. (In Engl.)
6. Di Cosmo, N. Competing Strategies of Great Khan Legitimacy in the Context of the Chaqar-Manchu Wars. *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth–Twentieth Centuries*. Bellingham: Western Washington University Press, 2006: 1620–1634. (In Engl.)
7. Elliott, M. *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. (In Engl.)
8. Elverskog, J. *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China*. University of Hawaii Press, 2006. (In Engl.)
9. Vladimirtsov, B. Ya. Inscriptions on the rocks of the Khalkha Tsogtu-taiji. Article one. *Izvestiya of the Academy of Sciences of the USSR. VI series, issue. 13–14*, pp. 1253–1280, 1926. (In Rus.)
10. Vladimirtsov, B. Ya. Inscriptions on the rocks of the Khalkha Tsoktu-taiji. Article two. *Izvestiia of the Academy of Sciences of the USSR. VI series, v. 21, issue. 2*, 215–240, 1927. (In Rus.)
11. Skrynnikova, T. D. Lamaist church and state. *Outer Mongolia. XVI – the beginning of the XX century*. Novosibirsk: Nauka, 1988. (In Rus.)
12. Vanchikova, Ts. P. *Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries*. Irkutsk: Publishing House “Ottisk”, 2019. (In Rus.)
13. Enkhae, Ts. The Manchu invasion and the political activity of Ligden Khan, *Proceedings of the Conference on New Approaches and Challenges in Mongolian Historical Research (XVII–XX)*. Sendai, 2009: 30–45. (In Mong.)
14. Perle, S. Khalkh’s newly discovered death-honorary memorial. Two rare documents related to the cultural history of Mongolia and Central Asian countries. *Monumenta Historica. V. VI, fasc. I-II*. Ulaanbaatar, 1974. (In Mong.)
15. Natsagdorj Sh. *History of Khalkh*. Ulaanbaatar, 2008. (In Mong.)
16. Wallace, V. A. (ed.). *Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society*. Oxford University Press, 2015. (In Engl.)
17. Kitinov, B. U. *The Spread of Buddhism Among Western Mongolian Tribes Between the Thirteenth and Eighteenth Centuries*. – Lewiston, Queenstone, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2010. (In Rus.)
18. Perle, S. Mongolian inscription of a part of a house. *Assembly of Creation. Volume III*. Ulaanbaatar: Published by “BEMBI SAN” publishing house, 2012: 272–281. (In Mong.)
19. Sosorbaram, Ch. *Chinggis Khan’s Geopolitics: Covering and Defense System of Mongolia: Analysis of Military History from the 12th Century to the 18th Century*. Ulaanbaatar, 2012. (In Mong.)
20. Skrynnikova, T. D. *Charisma and Power During the Epoch of Genghis Khan*. St. Petersburg, 2013. (In Rus.)
21. Trepavlov, V. V. *Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars*. Moscow: Quadriga, 2015. (In Rus.)
22. Afonina, E. N. On the assessment of the policy of the Tumet Altan Khan (1507–1581). *Mongolica-VI*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2003: 39–47. (In Rus.)
23. Laird, T. *The story of Tibet: conversations with the Dalai Lama*. Grove/Atlantic, Inc., 2007. (In Rus.)

Information about authors

Chultemsuren Poogoo, Scientific Researcher; National Central Archive of Mongolia, Archival complex building, Archivist’s street, Khan-Uul district-21st khoroo, Ulaanbaatar, 14200, Mongolia; e-mail: chultemsuren@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3197-3289>.

Gombozhapov Alexander D., Candidate of History, Leading Researcher; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 6 Sakh’yanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia; e-mail: agombozh@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0001-9793-2274>.

Contribution of authors to the article

Poogoo Chultemsuren – first author, main research work of the article.

A. D. Gombozhapov – editing and formatting of the article.

For citation

Poogoo Chultemsuren, Gombozhapov A. D. *Khalkhas Tsogtu Khuntaiji: Dissonance of Assessments in Historiography // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 128–135. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-128-135.*

Received: July 30, 2022; approved after reviewing September 4, 2022; accepted for publication September 8, 2022.

Научная статья

УДК 930.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-136-144

Деятельность Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова по изучению истории и культуры монгольских народов в 1920-е годы**Иван Николаевич Семусhev***Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия*
ivansemushev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1167-2537>

События 1917 г. оказали огромное влияние на все сферы жизни общества бывшей Российской империи, в том числе – на развитие научной и просветительской деятельности. Изучение особенностей и опыта работы научно-просветительских учреждений 1920-х гг. важно и значимо для более эффективного построения исследовательской деятельности, государственной политики в области науки. В данной статье рассматриваются история и деятельность первых научно-просветительских учреждений Бурятии в изучении истории и культуры монгольских народов на примере деятельности образованного в 1924 г. Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Прослеживается связь между научными востоковедческими учреждениями дореволюционной России и новыми советскими научными организациями. На основе материалов Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива Иркутской области, отдельных исследований, посвящённых истории развития Бурятии в этот период, в статье рассматриваются история создания Бурят-монгольского научного общества, его структура, основные направления и результаты деятельности, а также даётся оценка результатов научно-просветительской работы в Бурят-Монголии. Учреждение состояло из трёх основных секций: политико-экономической (экономической), физико-географической и историко-этнологической. Особое внимание в статье уделяется работе историко-этнологической секции общества, внёсшей большой вклад в развитие исторической науки в целом, в изучение истории и культуры монгольских народов, просветительской деятельности на местах, в деле о накопления, описания и сохранения архивных материалов. Важным источником для написания статьи стало печатное издание Бурят-Монгольского научного общества «Бурятиеведение», изданные опубликованные в нём доклады участников и отчёты о работе учреждения. Автор называет ключевым аспектом изменение отношения со стороны государства к деятельности научно-просветительских, краеведческих обществ в начале 1930-х гг., что повлияло на становление исследовательской работы в Бурят-Монголии.

Ключевые слова: монголоведение, Бурят-Монгольское научное общество имени Доржи Банзарова, бюллетень «Бурятиеведение», Бурятия, история и культура монгольских народов

Благодарность: Работа выполнена при поддержке гранта Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова № 22-07-0502 «Отечественное монголоведение на переломе эпох (начало XX в. – 1920-е гг.): традиции, преемственность, направления».

Original article

Work of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongolian Scientific Society for the Study of the History and Culture of the Mongolian Nation in the 1920s**Ivan N. Semushev***Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia*
ivansemushev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1167-2537>

The events of 1917 had a major effect on all spheres of society in the former Russian Empire. These events also had a major effect on the development of scientific and educational activities. The study of the features and experience of scientific and educational institutions of the 1920s is important and significant for more effective construction of research activities, state policy in the field of science. This article reviews the history and work of the first scientific and educational institutions of Buryatia. The processes of studying the history and culture of the Mongolian peoples are considered on the example of the works of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongolian Scientific Society formed in 1924. There is a connection between the scientific Oriental institutions of pre-revolutionary Russia and the new Soviet scientific organizations. The article views the history of the Buryat-Mongolian

© Семусhev И. Н., 2022

Scientific Society, its structure, main directions and results of work. The results of scientific and educational work in Buryat-Mongolia were also evaluated. The article is based on materials from the State Archive of the Republic of Buryatia and the State Archive of the Irkutsk region. The institution consisted of three main sections: political-economic (economic), physical-geographical and historical-ethnological. Special attention is paid to the work of the historical and ethnological section of the society, which has made a great contribution to the development of historical science, the study of the history and culture of the Mongolian peoples, educational activities, as well as the accumulation, description and preservation of archival materials. An important source for writing the article was the print publication of the Buryat-Mongolian scientific society "Buryatievedenie", the lectures of participants published in it and reports on the work of the institution. An important aspect of the study is the matter of changes in state policy in relation to scientific, educational, local history societies in the early 1930s and its impact on research work in Buryat-Mongolia.

Keywords: Mongolian studies, Buryat-Mongolian Scientific Society named after Dorzhi Banzarov, Buryatievedenie, Buryatia, history and culture of the Mongolian peoples

Acknowledgment: The work was supported by the grant from Dorzhi Banzarov Buryat State University, no. 22-07-0502 "Domestic Mongolian studies at the turn of the epochs (beginning of the 20th century – the 1920s): traditions, continuity, directions".

Введение. В 2022 г. исполняется 200 лет со дня рождения Доржи Банзарова (1822–1855), первого бурятского учёного, получившего европейское образование, монголоведа. Д. Банзаров – важное звено в большой цепи развития научного монголоведения в России, в котором значительное место занимало становление востоковедного образования [1, с. 89]. Не случайно одно из первых советских научно-просветительских обществ Бурят-Монголии носило имя выдающегося учёного.

Октябрьская социалистическая революция и последовавшие за ней коренные изменения в социально-экономическом, политическом и культурном развитии нашего государства не могли не затронуть основы научно-исследовательской деятельности. Двадцатые годы прошлого столетия принято считать временем расцвета отечественного краеведения, его «золотым десятилетием» [2].

В 1920-е гг. произошло формирование такого направления, как «Краеведение», появилась основа для будущего всестороннего изучения тех или иных регионов. Фундаментом для данного изучения продолжали оставаться местные локальные архивы, музеи, библиотеки, отдельные краеведческие кружки и общества, но именно в это десятилетие произошла институализация краеведческого знания, возникла определённая структура краеведения. Так, после проведения I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения, которое возглавил С. Ф. Ольденбург¹. Изначально действовавшее при Академии

¹ С. Ф. Ольденбург (1863–1934) – российский, советский востоковед, индолог, общественный и поли-

наук, Центральное бюро краеведения взяло под контроль процесс создания и организации местных краеведческих учреждений и организации их деятельности. Благодаря централизации краеведческой деятельности после Октябрьской революции произошло увеличение числа библиотек, музеев, научных и просветительских обществ, что в итоге привело к расширению поля научной деятельности.

Научные общества играли важную роль в процессе изучения и накопления материала о Востоке, в том числе: «Российское Географическое Общество, Археологическое общество, Императорское общество востоковедения, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии» [3, с. 124]. В этих учреждениях работали известные учёные-востоковеды. Нарботанный опыт подготовки востоковедческих кадров практической направленности в дореволюционном Санкт-Петербурге стал в 1920-е гг. отправной точкой реорганизации и создания новых учебных учреждений в СССР [4].

В это время на территории Бурятии произошло создание первых научно-просветительских учреждений и организаций. В 1922 г. был образован Бурят-Монгольский учёный комитет (Буручком) – первое научное учреждение Бурятии. Несмотря на ограниченность бюджетного финансирования и острый дефицит научных кадров, Буручком достаточно успешно занимался организацией и проведением научных исследований, решая важную задачу создания основ гуманитарных научных исследований в Бурят-Монголии [5, с. 159]. В апреле 1924 г.,

тический деятель, организатор науки, директор Азиатского музея, директор Института востоковедения АН СССР.

уже после образования Бурят-Монгольской АССР, было организовано Бурят-Монгольское научное общество имени Доржи Банзарова. Важное место в исследовательской деятельности организаций занимало изучение монгольской культуры и истории. Верхнеудинск (Улан-Удэ) был тем пунктом, через который зарождались контакты русских и монголов, происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур этих народов [6, с. 43].

У Бурят-монгольского научного общества и Учёного комитета были свои предшественники, которые занимались в регионе краеведческой работой. К старейшим краеведческим организациям в Бурятии относится Троицкосавский краевой музей, основанный в 1889 г. Через пять лет после основания он вошел в состав Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества. После Октябрьской социалистической революции (1918) в Верхнеудинске было организовано Общество изучения Прибайкалья, просуществовавшее до 1923 г. Помимо перечисленных учреждений были созданы Прибайкальский народный университет (1920–1922) и Прибайкальский областной музей (1921–1923).

История создания и деятельности Бурят-Монгольского общества им. Доржи Банзарова рассматривалась в нескольких работах. Среди них стоит отметить статьи А. К. Тулохонова и С. Н. Ивановой «Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова и становление современной академической науки Бурятии» [7] и «К истокам становления академической науки и высшего образования Бурятии» [8], В. В. Номогоевой «Из истории Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова» [9], в которых на основе архивных материалов рассматриваются основные вехи истории научного общества, его структура и роль в процессе становления науки на территории БМАССР. Данная тема нашла отражение в исследованиях Е. В. Игумнова [10], который указывает на значение деятельности общества имени Д. Банзарова в становлении исторической науки в целом в БМАССР. Следует отметить, что в названных работах тема развития монголоведческого направления в научной деятельности общества не получила достаточного освещения.

Методология и методы исследования. Основным методологическим подхо-

дом, позволившим рассмотреть историю развития монголоведения в Бурят-Монгольском научном обществе имени Д. Банзарова, является историко-системный подход. Принцип историзма позволил определить общее содержание и направление исследования, благодаря чему стало возможным изучение истории развития Бурят-Монгольского научного общества в условиях становления советского общества и реорганизации прежних общественных институтов. Соблюдение принципа объективности позволило комплексно рассмотреть, сопоставить и объективно проанализировать имеющиеся источники. В работе использовались такие методы, как анализ и обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение. 21 декабря 1923 г. на заседании Комиссии по организации Бурят-Монгольского научного общества и Научного института под председательством Базара Барадиевича Барадина¹ был заслушан проект положения общества, присутствовал на заседании и Владимир Петрович Гирченко². Так, научный институт должен был объединить в себе три учреждения: музей, библиотеку и архив³.

Организационное заседание Бурят-Монгольского общества, с которого ведётся начало его истории, было созвано 19 апреля 1924 г.⁴ В ходе работы заседания были решены основные организационные вопросы, а также определены основные направления деятельности данного учреждения. Председатель комиссии по организации Бурят-Монгольского научного общества, избранный председателем и данного заседания, первый Председатель ЦИК БМАССР Матвей Иннокентьевич Амагаев⁵ огласил повестку собрания. Помимо председателя на данном заседании был избран секретарь – Владимир Петрович Гирченко.

Во-первых, в ходе работы организационного заседания был заслушан доклад об уставе общества и доклад о плане его бу-

¹ Барадин Б. Б. (1878–1937) – профессор, первый Председатель Бурят – Монгольского учёного комитета, востоковед, монголовед, общественный и государственный деятель.

² Гирченко В. П. (1878–1953) – историк, архивист, краевед, заведующий первым Архивным управлением Бурят-Монгольской АССР.

³ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 246. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 3.

⁴ Там же. – Ф. 246. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.

⁵ Амагаев М. И. (1897–1944) – советский политический, общественный деятель, первый Председатель ЦИК Бурят-Монгольской АССР, востоковед, экономист.

дущей и текущей работы. Во-вторых, произошли выборы председателя правления общества. В-третьих, был заслушан доклад «Происхождение бурятского народа» Н. Н. Козьмина, вызвавший большой интерес у слушателей¹. Николай Николаевич Козьмин, профессор Иркутского университета, член ВСОИРГО, сибирский историк, востоковед, этнограф, журналист, общественный деятель² в своём докладе сообщил о том, что все сведения свидетельствуют о сосредоточении бурятских племён вокруг Байкала, а сами буряты появились в первой половине XIV в.³ Выступление Н. Н. Козьмина стало важным этапом в развитии научной проблемы происхождения бурят и начала научной дискуссии на эту тему.

В ходе работы был поднят вопрос о выделении из состава правления научного общества президиума из пяти человек. Президиум сформировали в следующем составе: председатель – М. И. Амагаев; заместители председателя – Б. Б. Барадин и Н. Н. Козьмин; казначей общества – Н. Ф. Черноморченко; секретарь – Л. И. Воскобойников. 26 апреля 1925 г., после перевыборов правления, председателем стал М. Н. Ербанов⁴.

Научно-исследовательская и просветительская деятельность общества была разделена на три секции: политико-экономическую, историко-этнологическую и физико-географическую (в 1927 г. появилась секция школьного краеведения). Организация работы данных секций была поручена Н. Н. Козьмину, Б. Б. Барадину и Л. И. Воскобойникову⁵. Председатели секций вместе с заведующим Верхнеудинским краевым музеем вошли в состав правления с решающим голосом, была создана ревизионная комиссия из трёх человек, куда вошли И. В. Авдюкова, А. И. Алексеева и Мункоева [11].

Если в отдельных случаях учреждение опиралось на имеющуюся базу (Троицкосавск, Верхнеудинск), то в остальном имелась необходимость создания ячеек общества для организации работы на местах. Для организации низовых ячеек общества было принято предложение Н. Н. Козьмина: «В аймаках создаются филиалы научного

общества, на каковые возлагается ведение краеведческой работы. Руководство ими в краеведческой отрасли работы принадлежит организационному бюро краеведения в Верхнеудинске. Аймачные филиалы конструируются в следующем виде: общее собрание и бюро отделения в составе трёх человек. В краеведческой работе могут принимать участие и непостоянные члены общества, но в данном случае они должны быть на правах сотрудников»⁶. В 1930 г. созданы следующие отделения: Кырен-Тункинское, Хоринское, Аларское, Мухоршибирское и Эхирит-Булагатское.

Научные статьи, тексты докладов, критические рецензии, а также отчёты о деятельности научного общества печатались в выходившем в Верхнеудинске с 1925 г. бюллетене «Бурятияведение». С 1928 г. «Бурятияведение» стало общим журналом Бурят-Монгольского учёного комитета и Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Журнал выходил четыре раза в год, однако с 1925 по 1930 г. выпустили лишь десять номеров издания [12, с. 8].

Отдельные статьи членов общества публиковались в журнале «Жизнь Бурятии». Например, в 1924–1925 гг. были опубликованы статьи «Очерки Монголии» Б. Б. Барадина [13], «Этапы революционного движения в Бурятии» В. П. Гирченко [14], «Забайкальское бурятское казачье войско» Г. Ц. Цыбикова [15] и др. Краткая информация о работе секций, докладах, зачитанных на заседаниях, публиковалась в газете «Бурят-Монгольская правда».

Основная работа по изучению и накоплению источников по истории и культуре монгольских народов в рамках учреждения была сосредоточена в историко-этнологической секции Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова, организованной в марте 1925 г. Основными задачами секции, что было зафиксировано на организационном собрании, стали сбор материалов и разработка вопросов, касающихся истории, археологии и этнографии края «путём учёта и выявления архивного материала, собирания этнографических, археологических материалов, устройства научных экскурсий, индивидуальной и коллективной разработки вопросов истории и этнографии края»⁷.

¹ ГАРБ. – Ф. 246. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.

² Российские исследователи Монголии (XIX – начало XXI в.): библиографический справочник. – Иркутск: Репроцентр, 2022. – С. 270.

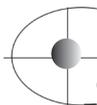
³ ГАРБ. – Ф. 246. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – Д. 5. – Л. 1.

⁶ Там же. – Л. 6.

⁷ Там же. – Д. 11. – Л. 5.

На 1 октября 1924 г. в состав историко-этнологической секции входило 12 человек. За год количество действительных членов секции достигло 21. В состав Президиума секции помимо председателя (Б. Б. Барадина) входили В. П. Гирченко (заместитель председателя) и Ф. А. Кудрявцев (секретарь секции) [16, с. 30].

Для более эффективной деятельности секция решила в своей работе установить связь с хозяйственными и культурными организациями Бурятии: с Краевым музеем, Архивным Управлением, органами власти Республики и с партийной организацией (Истпарт) [17, с. 20]. Несколько исследовательских работ было проведено совместно с другими учреждениями: Народным комиссариатом земледелия СССР, Госпланом, Архивным управлением, Горным управлением, Бурят-Монгольским институтом культуры.

Деятельность историко-этнологической секции можно разделить на несколько направлений: 1) изучение истории и этнографии края с последующей апробацией результатов исследований на конференциях разного уровня, публикацией статей и отдельных монографий; 2) организация научных экспедиций в регионе и за его пределами; 3) просветительская работа среди населения.

Работа историко-этнологической секции Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова во многом является одной из ярких страниц в истории изучения истории, культуры и традиций Бурятии. За годы существования общества (и секции) в той или иной степени в его работе принимали участие такие деятели как Б. Б. Барадин, В. П. Гирченко, Ф. А. Кудрявцев, П. П. Батаров, Г. Ц. Цыбиков, В. В. Попов, П. С. Гилев и многие другие.

Изучение истории и общества включало в себя ряд отдельных вопросов, которые зафиксированы в «схеме краеведческой работы в Бурят-Монгольской АССР» [18]. Круг рассматриваемых обществом задач включал в себя следующие: население края, изучение человека как производительной силы, этнологию и этнографию, доисторическую и историческую археологию, историю местного края, топонимику, палеонтологию и др.

Большой интерес исследователей вызывали вопросы древней и средневековой истории (Г. Ф. Дебец, Г. В. Ксенофонов); этнографии края (А. М. Попова, П. П. Хоро-

ших, П. П. Батаров); этнологии (Б. Б. Барадин, П. П. Батаров). Интересные, содержательные и оригинальные исследования проведены членами общества по этнографии бурят и опубликованы в Бурятоведческом сборнике в 1926–1928 гг.: П. П. Батаров и П. П. Хороших подготовили статью «Материалы по народному скотолечению у иркутских бурят»; А. Балдунников – «О тарасунокурении и шаманстве»; П. П. Батаров – ряд работ по фольклору монгольских народов, в частности, исследования «Легенда о происхождении агинских бурят», «Культ орла у северобайкальских бурят», – все они результат продолжительной экспедиционной работы среди бурятских кочевий. Важное место в исследовательской работе занимала история развития общественного и революционного движения среди бурят: Н. Н. Козьмин в 1926 г. в сборнике общества опубликовал статью «1905 год и буряты», П. П. Хороших – статью «Литература о революционном движении в Бурятии», этот аспект нашёл отражение и в работах П. С. Гилева [19], В. П. Гирченко [14]. Продолжилась работа по изучению истории Троицкосавска и его роли в экономическом развитии Бурятии (Ф. А. Кудрявцев).

Изучение культуры и истории края было бы невозможным без накопления определённой источниковой базы, состояние которой в эти годы было описано в работах В. П. Гирченко. Большое значение для исследований имели проводимые с 1926 г. экспедиции. В. В. Попов совместно с В. П. Дуненко и А. Ф. Кобылкиным организовали археологические работы в долине Тугнуя, в Иволгинском и Оронгойском районах. Совместно с Г. Ц. Цыбиковым и Б. Б. Барадиным участвовали в исследовании территории Хоринского и Агинского аймаков для изучения исторических памятников [11, с. 116].

По программе, составленной Н. Н. Козьминым, летом 1926 г. А. М. Попова организовала этнографическую экспедицию среди семейских Верхнеудинского уезда, в результате которой на основе изучения около пятидесяти хозяйств были собраны сведения и материалы по фольклору, народной медицине, традициям и обрядам [20, с. 140]. В следующем году в Эхирит-Булагатском и Боханском аймаках И. И. Бардамовым и С. Осодоевым была сделана запись произведений бурятской народной словесности. Кроме того, проводились совместные с

другими учреждениями (Бурят-Монгольский институт культуры, Народный комиссариат земледелия СССР и др.) экспедиции по изучению Бурят-Монголии [12, с. 6–7].

Участие представителей научного общества в конференциях различного уровня, в том числе выступление руководства Бурят-Монгольского научного общества в январе 1928 г. с докладом «о научно-исследовательских работах в Бурятии на Особом комитете Академии наук СССР по исследованию союзных и автономных республик» свидетельствуют о высокой значимости исследований [8, с. 34].

Бурят-Монгольское научное общество имени Доржи Банзарова было закрыто в 1931 г. в связи с изменением в регионе структуры краеведческих организаций. Действовавшее к тому времени Восточно-Сибирское географическое общество в октябре 1930 г. было реорганизовано в Общество изучения производительных сил Сибири (ОИС). 30 июля 1930 г. Сибирский край был разделён на Западно-Сибирский с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский край с административным центром в Иркутске, в состав которого вошла Бурят-Монгольская АССР. В том же году ОИС было реорганизовано в Краевое общество изучения производительных сил Восточной Сибири (КОИВС) [21, с. 80]. Председателем общества был избран Н. Н. Козьмин.

Так, 2 марта 1931 г. секретарь Бурят-Монгольского научного общества В. В. Попов отправил в КОИВС выписку из протокола заседания Правления общества по вопросу о вхождении в КОИВС¹. Заседание постановило признать желательным вхождение Бурят-Монгольского общества в состав Общества изучения производительных сил Восточной Сибири на условиях пересмотра устава общества, что связано с отсутствием положений, учитывающих особенности региона как автономной национальной республики со всеми вытекающими последствиями.

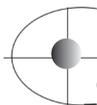
По итогам Четвёртой Всероссийской конференции по краеведению, прошедшей весной 1930 г., СНК РСФСР 30 марта 1931 г. принял постановление «О мерах по развитию краеведного дела». В соответствии с ним уничтожались самодеятельные небольшие территориально организованные организации, вместо них создавались массовые аморфные общества по месту работы их

¹ ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. Р-2383. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9–10.

членов. 7 июня 1931 г. «в Иркутске Президиум Оргбюро собрался на своё первое заседание по реорганизации КОИВС в массовое краеведческое общество под руководством председателя КрайУНО М. М. Басова» [21, с. 80].

В работе Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова были свои трудности и недочёты, которые не раз отмечались в различных отчётах о деятельности общества и отдельных секций, в обращениях редакции периодических изданий к читателям и, конечно же, на различного рода заседаниях и собраниях. Среди основных трудностей стоит отметить нехватку профессиональных кадров, что сказывалось на темпе работы и её объёме. Недостаточное количество работников сказывалось и на качестве работы на местах. В отчётах отмечается, что научное общество обслуживается только одной штатной единицей – учёным секретарём, который заведует всей организационной частью, ведёт переписку, связывается с учреждениями и лицами по вопросам деятельности общества, составляет доклады, ведёт протоколы, журналы заседаний правления общества и общих собраний [11, с. 111]. Отсутствие должного финансирования (необходимого для осуществления всей полноты намеченных целей) отражалось на количестве и частоте выхода периодических изданий. Недостаток финансирования сказывался и на экспедиционной деятельности общества. Как отмечается в статье Ф. А. Кудрявцева «Пять лет нашей работы», опубликованной в 1930 г., признавался тот факт, что «часть членов Н. О. числилась формально и не проявляла себя в работе» [12, с. 8].

Заключение. Таким образом, Бурят-Монгольское научное общество имени Доржи Банзарова, просуществовавшее до 1931 г., являлось одним из главных общественных учреждений, занимавшихся научно-исследовательской, просветительской деятельностью в Бурят-Монголии. За относительно небольшой срок учреждению удалось организовать работу по всестороннему изучению БМАССР и добиться в этом, несмотря на отдельные трудности, определённых результатов. Привлечение высококвалифицированных специалистов, взаимодействие с другими государственными, культурными и научными учреждениями региона и государства, широкий спектр вопросов,

рассматриваемых учреждением, отличало научное общество от предшественников и предопределило его особенности.

Благодаря научному обществу в целом и историко-этнологической секции в частности совместными усилиями и трудом отдельных исследователей-энтузиастов была организована работа по изучению края, сбору и анализу исторических источников, намечены пути работы для следующих поколений исследователей культуры и

истории монгольских народов. Общество имени Д. Банзарова фактически сменило прекратившие свою деятельность отделы Русского географического общества, которые следовали главному принципу – включённости в жизнь региона для того, чтобы проводить плановую последовательную систематическую работу по изучению этнографии, фольклора, религии монгольских народов, делать объективные обоснованные выводы.

Список литературы

1. Полянская О. Н. Традиции востоковедного образования в России. к 195-летию Д. Банзарова // Январские исторические чтения, посвящённые памяти Юрия Петровича Шагдурова: материалы междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 87–90.
2. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. 1990. Вып. 1. С. 11–27.
3. Полянская О. Н. Монголоведческие направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 7. «История». С. 123–130.
4. Полянская О. Н., Семушев И. Н. Востоковедческое образование в России. Подготовка монголоведов в начале XX в. – 1920-е гг. // SHS Web of Conferences. 2022. Vol. 134. DOI: 10.1051/shsconf/202213400151.
5. Плеханова А. М. Трудности и проблемы в организации научных исследований в Бурятии в 1930-е гг. // Мир Центральной Азии – V: материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. А. П. Деревянко, Б. В. Базаров. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 159–162.
6. Полянская О. Н. Научное монголоведение в России: этапы становления и развития // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 1. С. 33–44.
7. Тулохонов А. К., Иванова С. Н. Бурят-Монгольское научное общество им. Д. Банзарова и становление современной академической науки Бурятии // Банзаровские чтения: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ – БГУ: в 2 ч. Ч. 1 / науч. ред. В. В. Номогоева; отв. ред. О. Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. С. 7–10.
8. Тулохонов А. К., Иванова С. Н. К истокам становления академической науки и высшего образования Бурятии (к 100-летию Республики Бурятия) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 2. С. 30–39.
9. Номогоева В. В. Из истории Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. Вып. 7. История. С. 137–140.
10. Игумнов Е. В. Формирование научных учреждений Бурятии и их деятельность в области исторической науки: конец XIX – 50-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2000. 211 с.
11. Отчёт о деятельности Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова с 1-го октября 1926 года по 1-е января 1928 года // Бурятияведение. 1928. № 8. С. 107–138.
12. Кудрявцев Ф. А. Пять лет нашей работы // Бурятияведение. 1930. № 11–12. С. 3–9.
13. Барадин Б. Б. Очерки Монголии // Жизнь Бурятии. 1924. № 4-5. С. 8–13.
14. Гирченко В. П. Этапы революционного движения в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1925. № 7-8. С. 1–16.
15. Цыбиков Г. Ц. Забайкальское бурятское казачье войско // Жизнь Бурятии. 1925. № 9-12. С. 38–42.
16. Историко-этнологическая секция // Бурятияведение. 1925. № 2. С. 30–31.
17. Кудрявцев Ф. А. Историко-этнологическая секция. Деятельность Бурят-Монгольского научного общества имени Д. Банзарова // Бурятияведение. 1925. № 1. С. 20–21.
18. Схема краеведческой работы в Бурят-Монгольской АССР // Бурятияведение. 1927. № 3-4. С. 147.
19. Гилев П. С. К истории общественно-революционного движения среди учащихся Прибайкалья в 1905–1907 гг. // Бурятияведение. 1929. № 1-2. С. 152–163.
20. Попова А. М. Краткий отчёт о летней работе в Верхнеудинском уезде Бурят-Монгольской АССР в 1926 г. // Бурятияведение. 1927. № 3-4. С. 140–141.
21. Зуляр Ю. А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (к итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1. С. 73–85.

Информация об авторе

Семусhev Иван Николаевич, аспирант; Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: ivansemushev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1167-2537>.

Для цитирования

Семусhev И. Н. Деятельность Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова по изучению истории и культуры монгольских народов в 1920-е годы // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 136–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-136-144.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

References

1. Polyanskaya, O. N. Traditions of Oriental education in Russia. To the 195th anniversary of D. Banzarov. January historical readings dedicated to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov: materials of the international scientific and practical conference. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2017: 87–90. (In Rus.)
2. Shmidt, S. O. The “Golden Decade” of Soviet Local history. Fatherland. Local history almanac. M., 1990. Vol. 1. Pp. 11–27. (In Rus.)
3. Polyanskaya, O. N. Mongolian studies in the research of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia. Bulletin of the Buryat State University, vol. 7, pp. 123–130, 2013. (In Rus.)
4. Polyanskaya, O. N., Semushev, I. N. Oriental studies education in Russia. Training of Mongolists at the beginning of the 20th century to 1920. SHS Web of Conferences, vol. 134, 00151, 2022. DOI: 10.1051/shsconf/202213400151. (In Engl.)
5. Plekhanova, A. M. Difficulties and problems in the organization of scientific research in Buryatia in the 1930s. The World of Central Asia – V: collection of scientific articles. Novosibirsk: CO RAN, 2022: 159–162. (In Rus.)
6. Polyanskaya, O. N. Scientific Mongol studies in Russia: stages of formation and development. Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian studies of Inner Asia, no. 1, pp. 33–44, 2014. (In Rus.)
7. Tulokhonov, A. K., Ivanova, S. N. Buryat-Mongolian Scientific Society named after D. Banzarov and the formation of modern academic science of Buryatia. Banzarov readings: materials of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of D. Banzarov and the 90th anniversary of the BSPI – BSU. In 2 P. Part 1. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2022: 7–10. (In Rus.)
8. Tulokhonov, A. K., Ivanova, S. N. To the origins of the formation of academic science and higher education in Buryatia (to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia). Bulletin of BSU, SB RAS, no. 2, pp. 30–39, 2022. (In Rus.)
9. Nomogoeva, V. V. From the history of the Buryat-Mongolian Scientific Society named after Dorzhi Banzarov. Bulletin of the Buryat State University, vol. 7, pp. 137–140, 2008. (In Rus.)
10. Igumnov, E. V. Formation of scientific institutions of Buryatia and their activities in the field of historical science: the end of the XIXth – 1950s. Cand. sci. diss. Ulan-Ude, 2000. (In Rus.)
11. Report on the activities of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongolian Scientific Society from October 1, 1926 to January 1, 1928. Buryatievedenie, no. 8, pp. 107–138, 1928. (In Rus.)
12. Kudryavtsev F. A. Five years of our work. Buryatievedenie, no. 11–12, pp. 3–9, 1930. (In Rus.)
13. Baradin, B. B. Essays of Mongolia. Life of Buryatia, no. 4–5, pp. 8–13, 1924. (In Rus.)
14. Girchenko, V. P. Stages of the revolutionary movement in Buryatia. Life of Buryatia, no. 7–8, pp. 11–16, 1925. (In Rus.)
15. Tsybikov, G. Ts. Zabaikalskoe Buryat Cossack army. Life of Buryatia, no. 9–12, pp. 38–42, 1925. (In Rus.)
16. Historical and Ethnological section. Buryatievedenie, no. 2, pp. 30–31, 1925. (In Rus.)
17. Kudryavtsev, F. A. Historical and ethnological section. Activity of the Buryat-Mongolian Scientific Society named after D. Banzarov. Buryatievedenie, no. 1, pp. 20–21, 1925. (In Rus.)
18. Scheme of local history work in the Buryat-Mongolian ASSR. Buryatievedenie, no. 3–4, pp. 147, 1927. (In Rus.)
19. Gilev, P. S. On the history of the socio-revolutionary movement among students of the Baikal region in 1905–1907. Buryatievedenie, no. 1–2, pp. 152–163, 1929. (In Rus.)
20. Popova, A. M. A brief report on summer work in Verkhneudinsky district of the Buryat-Mongolian ASSR in 1926. Buryatievedenie, pp. 140–141, 1927. (In Rus.)

21. Zulyar, Yu. A. On the periodization of the history of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (To the results of the 160-year activity of ESBGRS). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 73–85, 2012. (In Rus.)

Information about author

Semushev Ivan N., Postgraduate Student; Dorzhi Banzarov Buryat State University; 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; e-mail: ivansemushev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1167-2537>.

For citation

Semushev I. N. Work of the Dorzhi Banzarov Buryat-Mongolian Scientific Society for the Study of the History and Culture of the Mongolian Nation in the 1920s. // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 136–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-136-144.

Received: July 30, 2022; approved after reviewing September 5, 2022; accepted for publication September 8, 2022.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

PEOPLE. EVENTS. TIME

Очерк

УДК 908

DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-145-154

**Зоя Вениаминовна Мошкина – ведущий учёный
по истории политической каторги и ссылки в Забайкалье**

Анна Владимировна Волочаева

*Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
rossav1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9851-3987>*

Работа посвящена памяти замечательного человека, педагога, глубокого и требовательного исследователя истории политической каторги в Забайкалье, доктору исторических наук Зое Вениаминовне Мошкиной. За длительный период её деятельности в сфере науки (порядка 30 лет) написано около 100 научных работ, среди которых представлены монография, статьи в журналах, рецензируемых ВАК, труды по итогам участия в различных всероссийских и региональных конференциях. Большинство научных работ Зои Вениаминовны посвящены истории политической каторги и ссылки в Забайкалье (Нерчинской каторге). Скоропостижная смерть не позволила учёному создать обновлённый систематизированный труд по истории каторги в Забайкалье, что было запланировано на ближайшее время. Систематизация трудов автора по различным направлениям исследования Нерчинской политической каторги, анализ проблематики и определение новизны её исследований позволяют назвать З. В. Мошкину ведущим историком по истории политической каторги и ссылки в Забайкалье. Научные исследования Зои Вениаминовны выполнены на стыке истории, юриспруденции и психологии, не только носят региональный характер, но и имеют всероссийское значение, поскольку политическая каторга во второй половине XIX в. в большинстве своём была сконцентрирована в Нерчинском горном округе в Забайкалье. Работы Зои Вениаминовны – комплексное исследование Нерчинской политической каторги (организация системы управления политкаторжанами, нормативно-правовые основы содержания этой категории преступников, условия жизни на каторге, половозрастной и социальный состав политических заключённых, поведение каторжан в условиях каторги и др.). В работах З. В. Мошкиной нашли отражение актуальные для современной исторической науки персональный, историко-психологический, гендерный и социологический подходы, применение которых в истории политической каторги внесло существенную научную новизну. Проблематика исследований забайкальского историка, новые аспекты изучения проблем Нерчинской политической каторги стали научной базой для нового поколения учёных.

Ключевые слова: З. В. Мошкина, Нерчинская каторга, политическая каторга, история Забайкалья, историческая наука, историография

© Волочаева А. В., 2022

Feature article

Zoya Veniaminovna Moshkina – Leading Scientist on the History of Political Hard Labor and Exile in Transbaikalia

Anna V. Volochaeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

rossav1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9851-3987>

The work is dedicated to the memory of Zoya Veniaminovna Moshkina, Doctor of Historical Sciences, a remarkable person, a teacher, a deep and demanding researcher of the history of political hard labor in Transbaikalia. For a long period of her activity in the field of science (about 30 years), about 100 scientific papers have been written, including a monograph, articles in journals reviewed by the Higher Attestation Commission, works on the results of participation in various All-Russian and regional conferences. Most of Zoya V. Moshkina's scientific works are devoted to the history of political hard labor and exile in Transbaikalia (Nerchinsk penal servitude). Sudden death did not allow the scientist to create an updated systematic work on the history of penal servitude in Transbaikalia, which was planned for the near future. Systematization of the author's works in various areas of research of the Nerchinsk political penal servitude, analysis of the problems and determination of the novelty of her research allow us to call Z.V. Moshkina a leading historian on the history of political penal servitude and exile in Transbaikalia. Zoya Moshkina's scientific research was carried out at the junction of history, jurisprudence and psychology, it is not only regional in nature but also have all-Russian significance, since political hard labor in the second half of the XIXth century was mostly concentrated in the Nerchinsk mountain district in Transbaikalia. Zoya Moshkina's works are a comprehensive study of the Nerchinsk political penal servitude (the organization of the management system of political convicts, the regulatory framework for the maintenance of this category of criminals, living conditions in penal servitude, the gender, age and social composition of political prisoners, the behavior of convicts in conditions of penal servitude, etc.). The works by Z. V. Moshkina reflect personal, historical-psychological, gender and sociological approaches relevant to modern historical science, the application of which in the history of political hard labor has made a significant scientific novelty. The problems of the Trans-Baikal historian's research, new aspects of studying the problems of the Nerchinsk political penal servitude have become a scientific basis for a new generation of scientists.

Keywords: Z. V. Moshkina, Nerchinsk penal servitude, political penal servitude, history of Transbaikalia, historical science, historiography

Зоя Вениаминовна Мошкина

Zoya Veniaminovna Moshkina

Жизненный путь учёного. 21 ноября 2021 г. ушла из жизни доктор исторических наук, преподаватель исторического и юридического факультетов Забайкальского государственного университета Зоя Вениаминовна Мошкина. Ученица известного историка В. Г. Тюкавкина, она всю жизнь исследовала проблемы политической каторги и ссылки второй половины XIX в. в Забайкалье (Нерчинская политическая каторга). В её багаже около 100 научных трудов, в том числе одна монография «Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века» (1998). Зоя Вениаминовна – активный участник научно-практических конференций различного уровня. Под её руководством, продолжая исследование каторги, ссылки и преступности в Забайкалье, защитили диссертации А. В. Волочаева по теме «Нерчинская уголовная каторга во второй половине XIX века» (2009) и А. С. Петров по теме «Уголовная преступность и сыск в Забайкалье в межреволюционный период: июнь 1907 – февраль 1917 г.» (2016). Скоропостижная смерть З. В. Мошкиной не позволила создать обновлённый совместный

труд по истории уголовной и политической каторги в Забайкалье. В настоящее время требуется обобщение и систематизация опыта исследования учёного З. В. Мошкиной, определение её вклада в изучение данной темы. В исторической литературе нет работ, в полной мере отражающих различные аспекты изучения данной проблемы.

Зоя Вениаминовна окончила аспирантуру Московского государственного педагогического института, в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Нерчинская политическая каторга во второй половине XIX века», в 2000 г. – докторскую диссертацию по теме «Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан». Именно в это и в последующее время вышли её научные статьи, а также монография (1998). Большинство упоминаний трудов З. В. Мошкиной в различных научных исследованиях относится к концу 1990-х – началу 2000-х гг. Исследователи либо просто упоминали её имя в библиографических обзорах своих работ, либо цитировали отдельные фрагменты, указывая тем самым на высокий вклад в разработку отдельных тем [1–4].

В современных исследованиях находим лишь упоминание имени автора и её отдельных работ в историографических обзорах [5; 6 и др.]; в некоторых указывается большой вклад в изучение отдельных тем, например, по проблеме женщин-политкаторжанок [7]. Некоторые исследователи-юристы вообще не упоминают её имени в своих трудах [8; 9]. Кроме того, появились работы с определённой долей критики отдельных аспектов её работ [10]. А. С. Гулин критикует не только позицию З. В. Мошкиной, но и других исследователей политической каторги в аспекте анализа нормативной документации. Большинство авторов ещё в советское время выделяли такую особенность политической каторги, как режим, который часто не соответствовал общему закону – «Уставу о ссыльных», а регулировался в административном порядке отдельными положениями и правилами. А. С. Гулин не соглашается с этой позицией, указывая на то, что в самом законодательстве были заложены корректировки, возможные при отдельных местных условиях. По мнению этого исследователя, если правила и положения, принимаемые даже местной властью, утверждались на высшем уровне, то они уже становились

законом и не могли считаться подзаконными актами. В данном случае определяется сложность темы, поскольку она находится на стыке разных направлений исследований – истории и юриспруденции. Всё это представляет важность систематизации и обобщения опыта исследования нашего учёного и учителя З. В. Мошкиной, определения её весомого вклада в изучение темы.

Методы исследования. В данной работе используются общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения исторических трудов З. В. Мошкиной по проблемам политической каторги в Забайкалье. Данные методы необходимы для определения основной проблематики исследований учёного, вычленения важной информации для исторической науки и истории региона, проработки выводов для определения дальнейших исследований темы. Применяются историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, последний необходим также для выделения основных проблем в исследовании политической каторги и ссылки второй половины XIX в., исследования данных проблем с учётом исторического времени. Сравнительно-исторический метод в комплексе с проблемно-хронологическим позволяет исследовать авторский подход З. В. Мошкиной в конкретное историческое время и на основе сравнения выделить особенности отдельных периодов. Как самостоятельный метод исследования, он позволяет сравнить позицию учёного с мнениями других авторов по отдельным проблемам.

Пробел в истории политической каторги. Как отмечала сама Зоя Вениаминовна в своих диссертационных исследованиях и монографии на основе анализа большого количества литературы дореволюционного, советского и постсоветского времени (1990-е гг.), ссылка осуждённых на каторжные работы и политическая каторга рассматривались как побочный сюжет истории политической ссылки и не были темой самостоятельного изучения в целостном изображении. В литературе предыдущего времени были представлены отдельные сюжеты Нерчинской каторги, которые включались в исследования по истории ссылки, были представлены биографии революционеров, отбывавших наказание здесь, но целостной истории политической каторги не было. Именно этот пробел и попыталась

заполнить своими работами Зоя Вениаминовна, используя архивные материалы и опубликованные документы библиотек и архивов страны (Москва, Санкт-Петербург, Иркутск, Чита, Ялуторовск).

Политическая каторга в России: социально-психологический облик политкаторжан и система управления. В монографии З. В. Мошкиной [11] представлены первая и вторая главы её докторской диссертации [12]. При этом политическая каторга рассматривается как карательное учреждение, которое ещё более усиливало свой функционал в связи с ростом революционного движения на протяжении всей второй половины XIX в. Корректировка правил и режима содержания происходили с учётом как общероссийских событий (террористические акты, массовые судебные процессы над революционерами), так и местных условий (наличие работы, местные каторжные трагедии – Карийская трагедия 1889 г. и массовые побеги каторжан – групповой побег 1882 г.).

Вместе с тем исследователь отмечает, что лучшее положение политкаторжан (имеется в виду его соответствие Уставу о ссыльных, т. е. возможные льготы при положительном поведении и прохождении определённого времени) наблюдалось в 1860-е гг. (до выстрела Д. Каракозова в 1866 г.) [11, с. 12–40]. Кроме того, труд государственных преступников на каторге фактически использовался нерегулярно. Это отмечается и в современных исследованиях, например в работах А. С. Гулина [13, с. 247–248].

З. В. Мошкина полагает, что снисхождение к политзаключённым было связано с личностью заведующего ссыльнокаторжными в Нерчинском горном округе, речь идёт о полковнике В. О. Кононовиче (1873–1881), который испытывал к этим людям уважение и старался возможными способами смягчить условия содержания, при этом соблюдая закон [11, с. 21]. Данная идея продолжает своё развитие в статье Зои Вениаминовны – «Администраторы Нерчинской политической каторги» [14]. Отдельные вопросы регламентации режима политкаторжан представлены в других работах автора [15–18].

Следует отметить, что в статьях указано об общем законе «Устав о ссыльных», который не разделял уголовных и политических по условиям и режиму содержания, но из МВД исходили отдельные инструкции по

уточнению отдельных вопросов, например «Инструкция Лорис-Меликова», циркуляры МВД. Две специальные инструкции, созданные «после группового побега 1882 года, были за подписью Генерал-Губернатора Восточной Сибири» [15, с. 20]. Данные подзаконные акты, именно так на наш взгляд их и нужно называть, появлялись, по мнению Зои Вениаминовны, именно в годы политической реакции и порождены были несовершенством в законодательстве о ссылке [16, с. 34]. Последнее может подтвердить частично позицию А. С. Гулина, обозначенную нами ранее.

В описании условий жизни политкаторжан в монографии представлены организация питания, особенности медицинской части, состояние тюрем каторги. Последующие исследователи каторги нередко брали за основу работы Зои Вениаминовны для подробного исследования организации каторжных работ в конкретных местах каторги, например «История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги» М. Г. Бодяк [1], «История Акатуйской тюрьмы Нерчинской каторги: 1883–1917 гг.» Д. А. Мясникова [4], «Организация медицинской помощи в каторжных тюрьмах» С. Л. Домрачевой [5] и др.

В монографии З. В. Мошкиной также подробно раскрывается система управления политической каторгой в Забайкалье, которая изменялась под воздействием реорганизаций тюремного ведомства, а также с наличием-отсутствием каторжных работ (что требовало постройки или ликвидации тюрем, а значит и их управления). Также автор указывает, что целью государственной власти при любой реорганизации было выделить надзор за политическими преступниками из общеуголовного и поставить под контроль специального политического учреждения. Эта идея развивается в отдельных научных статьях Зои Вениаминовны, которые касались данной проблемы и вводили отдельные новые архивные данные [19; 20].

Особо следует отметить, что З. В. Мошкиной удалось установить численность и исследовать состав политкаторжан и его изменение на протяжении второй половины XIX в. Этой проблеме посвящена вторая глава в монографии и докторской диссертации автора. Хотя первый опыт по этому вопросу был представлен автором ещё в 1993 г. в статье «Состав заключённых Нерчинской политической каторги во второй половине

XIX века» [21]. Следует отметить, что в монографии более целостно и аргументированно определены волны поступления политкаторжан, которые совпадали с периодами репрессий; определены временные рамки – 1861–1895 гг. В работе в табличной форме представлено изменение числа политкаторжан, даны характеристики по статейным спискам с именами, социальным положением, преступлениями, сроками наказаний, местами размещения и др. Представленная систематизация данных о политкаторжанах является существенным дополнением к работе другого читинского учёного – А. Г. Патроновой¹, которая и вдохновила своей деятельностью Зою Вениаминовну.

В работах Александры Георгиевны представлена политическая каторга в исторических портретах политических преступников. Зоя Вениаминовна систематизировала эту информацию, дополнив её новыми материалами архивов по статистике и другими документами, и представила комплексное исследование по данной проблеме. По итогам изучения данной проблемы З. В. Мошкина пришла к выводу, что социальный состав политзаключённых соответствовал составу революционной оппозиции 1860–1890-х гг. – это были в основном студенты, учащаяся молодёжь, интеллигенция. Автор проанализировала взаимоотношения и поведение политических преступников с применением нового подхода – историко-психологического. Историческая психология как новое направление в исторической науке особенно активно стало развиваться на рубеже XX–XXI столетий. Внедрение исторической психологии в изучение политической каторги и ссылки стало актуально именно в работах З. В. Мошкиной. Данный подход представлен и в статьях Зои Вениаминовны по отдельным личностям политкаторжан, что также нашло отражение в биографических работах А. Г. Патроновой.

Автор изучила поведение знаменитых политических преступников, отбывавших наказание на Нерчинской каторге – Н. Г. Чернышевского [22], И. Н. Мышкина [23], Е. С. Сазонова [24] и др. На примерах конкретных поступков людей, представленных в воспоминаниях бывших политкаторжан,

¹ Патронова А. Г. Государственные преступники на Нерчинской каторге (1861–1895 гг.): библиографический справочник: материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита: ЗабГПУ, 1999. – Ч. 1. А–И, вып. 1. – 215 с.; Ч. 2. К–О, вып. 2. – 328 с.; Ч. 3. П–Я, вып. 3. – 433 с.

характеристиках тюремной администрации и письмах самих заключённых, автор попытался определить мотивы поведения людей, проанализировал их влияние на коллектив каторжников, охарактеризовал особенности выживания в условиях тюрьмы.

Зоя Вениаминовна постаралась охарактеризовать различные аспекты взаимоотношений политкаторжан, которые влияют на их поведение в тюрьме, что нашло отражение как в третьей главе докторской диссертации, так и в отдельных статьях автора [25–30]. Так, автор пришёл к выводу, что поведение государственных преступников 1860 годов заметно отличалось от последующего времени. Влияние на положительные отношения с тюремной администрацией оказала и личность арестанта Н. Г. Чернышевского. По мнению автора, в поведении заключённых этого времени не наблюдалась склонность к экстремизму, агрессии, каторжане старались вести себя гибко, неконфликтно, придерживались правил так называемой «конституции» [12, с. 34–36].

Подобное поведение будет уже не свойственно новым поколениям каторжных. С одной стороны, в 1870-х гг. отдельные нормы взаимоотношений сохранялись, продолжала действовать «конституция». С другой стороны, это был уже не единый коллектив с его органами управления и общим хозяйством, политкаторжане разделились на «интеллигентов» и «людей простого звания». Атмосфера была хоть и спокойная, но не демократическая, интеллигенты были лидерами; часто встречались люди с неуравновешенной психикой, в это время участились случаи самоубийств [Там же, с. 38]. Проблеме самоубийств среди политкаторжан посвящена отдельная статья Зои Вениаминовны [30].

На каторге 1880–1890-х гг. изменился состав заключённых, другим стало их поведение. По мнению исследователя, «каторга становилась более женской». Мужчин-политкаторжан по поведению в это время можно разделить на приверженцев спокойной жизни, бесконфликтных с администрацией и «протестантов» (нередки случаи возникновения акций протестов и побегов – групповой побег 1882 г., протест 1889 г., вылившийся в Карийскую трагедию). Вместе с тем в обеих группах несомненно коллективистское начало и понимание его значимости для выживания [12, с. 39].

Есть у З. В. Мошкиной и необычные темы, касающиеся поведения заключённых, например статья «Юмор в среде политзаключённых Нерчинской каторги» [31], в которой на основе воспоминаний собран материал по смешным случаям на каторге. Автор отмечает, что каторжане 1860-х гг., несмотря на тяжесть обстановки, смеялись и шутили над собой, товарищами, ситуациями; каторжане 1880–1890-х гг. не утратили способность шутить, было много желающих писать смешные рассказы на разные темы. Вместе с тем у заключённых 1870-х гг. поведение отличалось большой серьёзностью и малым количеством смешных и забавных ситуаций. В целом автор приходит к выводу, что юмор позволял выжить и постепенно формировал тюремную культуру.

Гендерный подход в исторической науке. Отдельное направление исследования забайкальского учёного – изучение женской политической каторги. З. В. Мошкина открывает в истории политической каторги и ссылки новое направление в рамках актуального в исторической науке гендерного подхода. Применение данного подхода сочетается с применением исторической психологии. Во второй главе докторской диссертации автор отмечает факт зарождения этого явления, связанного с ростом в составе заключённых женщин; в третьей главе выделен отдельный параграф по поведению женщин при отбывании наказания.

Данный гендерный подход актуален и в настоящее время в большинстве исторических исследований, в том числе и при изучении состава преступников каторги. Автор обоснованно выделяет женскую психологию, отмечая такие особенности, как высокая эмоциональность, тяжёлое переживание стресса, длительные депрессии, это влияет на повышение конфликтности и агрессивности поведения [12, с. 40]. Данная тема подробнее раскрывается в более поздних статьях учёного [27; 28; 32–34].

Через поведение отдельных женщин – М. Ковалевской, С. Богомолец, О. Сигиды, Е. Брешковской, С. Лешерн и других – раскрывается сложность взаимоотношений на женской каторге и её отличие от мужской, где конфликты были не только с администрацией тюрьмы, но и друг с другом. Исследование «женской темы» на каторге продолжается и в современной исторической науке – диссертация В. Н. Максимовой

«Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.)» [3], статья Н. А. Беловой «Наказание участниц движения народников за политический терроризм» [7] и др.

Значимо участие З. В. Мошкиной в региональном проекте «Энциклопедия Забайкалья». Написанные научные статьи по персоналиям политкаторжан и пребыванию женщин на политической каторге представлены в электронной версии «Энциклопедии Забайкалья» [19], в соавторстве опубликована статья в печатной версии данного издания по Нерчинской каторге [35]. Кроме того, в учебных пособиях по истории Забайкалья¹, изданных коллективом кафедры истории для студентов и старшеклассников общеобразовательной школы, разделы по истории каторги и ссылки представлены в авторской версии З. В. Мошкиной.

Ведущий учёный по истории политической каторги и ссылки в Забайкалье. Таким образом, работы Зои Вениаминовны Мошкиной в настоящее время заслуживают внимания и актуальны для современного поколения историков. Научные исследования автора выполнены на стыке истории, юриспруденции и психологии, не только носят региональный характер, но и имеют всероссийское значение, поскольку политическая каторга в изучаемое время в большинстве своём была сконцентрирована в Нерчинском горном округе в Забайкалье. Работы З. В. Мошкиной – комплексное исследование Нерчинской политической каторги. Здесь представлены: система управления политкаторжанами, нормативно-правовая основа содержания этой категории преступников, условия жизни на каторге, половозрастной и социальный состав и поведение политических заключённых и др.

В работах забайкальского учёного отмечены персональный подход к изучению периода политической каторги в Забайкалье, основанный на исследовании личностей каторги, а также историко-психологический, направленный на исследование психологических мотивов их поведения. Данные подходы актуальны в современной исторической науке. Вместе с тем актуальными являются при-

¹ История Восточного Забайкалья. Читинская область / отв. ред. И. И. Кириллов: учеб. пособие для учащихся средней школы. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. – 283 с.; Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область / под ред. И. И. Кириллова. – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – Т. 1. – 172 с.

меняемые учёным гендерный и социологический подходы, позволяющие исследовать положение и поведение женщин-каторжанок и молодёжи как группы населения, являю-

щейся основной в контингенте заключённых. Всё это позволяет назвать З. В. Мошкину ведущим учёным по истории политической каторги и ссылки в Забайкалье.

Список литературы

1. Бодяк М. Г. История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги (1879–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2004. 26 с.
2. Коломенцев Д. В. Тюремная система в России в 50–80-е годы XIX века и её реформирование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2004. 24 с.
3. Максимова В. Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2003. 28 с.
4. Мясников Д. А. История Акатуйской тюрьмы Нерчинской каторги: 1883–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2007. 22 с.
5. Домрачева С. Л. Организация медицинской помощи в каторжных тюрьмах // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 146–148.
6. Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Сибирская ссылка в отечественной историографии 1990–2010-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 395–413. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413.
7. Белова Н. А. Наказание участниц движения народников за политический терроризм // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30, вып. 1. С. 35–47.
8. Березина О. Б. Нерчинская каторга в системе пенитенциарных учреждений России в конце XVIII – начале XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. № 4. С. 14–18.
9. Кораблин К. К. Каторга в дореволюционной России // Государство, общество, личность: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. А. Володиной. Пенза: Изд-во Пензен. гос. аграрн. ун-та, 2016. С. 46–52.
10. Гулин А. С. Каторга и ссылка 60–70-х гг. XIX в.: общеуголовные законы и правила о политических ссыльных // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 55–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-55-65.
11. Мошкина З. В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века. Чита: ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 1998. 112 с.
12. Мошкина З. В. Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1999. 51 с.
13. Гулин А. С. «Во глубине сибирских руд...»: к вопросу о характере повседневных каторжных работ политических ссыльных на Нерчинских рудниках в 60–70-е годы XIX в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6. С. 235–251. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-235-251.
14. Мошкина З. В. Администраторы Нерчинской политической каторги // Материалы научно-практической конференции к 100-летию государственной архивной службы. Воронеж: Фаворит, 2018. С. 182–188.
15. Мошкина З. В. Подзаконные акты в практике исполнения наказания на политической каторге во второй половине XIX века // История государства и права. 2010. № 11. С. 18–21.
16. Мошкина З. В. Правовая регламентация режима Нерчинской политической каторги // Министерство внутренних дел – от прошлого к настоящему (вопросы теории и истории): материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию МВД России (20–21 марта 2002 г.) Чита: Центр научных и образовательных программ, 2002. Вып. 1. С. 30–37.
17. Мошкина З. В. Применение к ссыльным каторжникам государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55.
18. Мошкина З. В. Регламентация режимных учреждений дореволюционной России // Проблемы гражданского общества и правового государства: сборник статей и материалов. Чита: Поиск, 2003. Вып. 3. С. 40–45.
19. Мошкина З. В. Женская политическая каторга. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=479> (дата обращения: 30.06.2022).
20. Мошкина З. В. Управление Нерчинской политической каторгой (вторая половина XIX в.) // Российское общество и власть в прошлом и настоящем: материалы научной конференции памяти профессора В. Г. Тюкавкина (12–13 февраля 2003 г.) / под общ. ред. А. В. Лубкова. М.: Прометей: МПГУ, 2004. С. 140–147.
21. Мошкина З. В. Состав заключённых Нерчинской политической каторги во второй половине XIX века // Забайкалье: некоторые аспекты истории края: межвузовский сборник научных трудов. Чита: Читинский педагогический институт, 1993. С. 12–22.
22. Мошкина З. В. Ещё раз о Н. Г. Чернышевском на каторге // Ментальное пространство личности: сборник статей и материалов региональной научной конференции. Чита: ЗабГПУ, 2004. С. 87–93.

23. Мошкина З. В. Ипполит Мышкин на Нерчинской каторге (социально-психологический феномен) // Забайкалье: судьба провинции: сборник статей. Чита: Поиск, 2001. Вып. 3. С. 43–50.
24. Мошкина З. В. Каторжный путь Егора Сазонова // Проблемы гражданского общества и правового государства: сборник статей и материалов / сост. Б. Д. Семашкин. Чита: ЗабГУ, 2016. Вып. 21. С. 29–47.
25. Мошкина З. В. Нерчинская каторга глазами политзаключённого // КЛИО: журнал для учёных. 2005. № 1. С. 51–55.
26. Мошкина З. В. Организация и взаимодействие в среде политзаключённых Нерчинской каторги (60-е гг. XIX в.) // Преступность в России: история формирования и возможные перспективы: материалы 40-й Всероссийской заочной научной конференции / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2006. С. 55–59.
27. Мошкина З. В. Поведение политзаключённых женщин и карийская трагедия 1889 года // Гуманитарный вектор. 2008. № 2. С. 78–85.
28. Мошкина З. В. Поведение политических узниц в условиях содержания на Нерчинской каторге в 80-е гг. XIX века // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 56–63.
29. Мошкина З. В. Поведенческая адаптация политзаключённых в условиях каторги // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: материалы XIX Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 15–16 мая 2006 г.): в 2 ч. / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2006. Ч. 2. С. 86–90.
30. Мошкина З. В. Самоубийство в среде политзаключённых // Культурно-исторические формы поведения человека: сборник статей и материалов региональной научно-практической конференции. Чита: Поиск, 2003. С. 170–175.
31. Мошкина З. В. Юмор в среде политических заключённых Нерчинской каторги // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 102–105.
32. Мошкина З. В. Возмездие или продолжение борьбы? (Сибирское дело М. И. Кутитонской) // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): сборник статей: М.: Прометей: МПГУ, 2008. Ч. 2. С. 431–443.
33. Мошкина З. В. Из истории открытия женской политической каторги в России // Россия – Китай: проблемы обеспечения национальной и международной безопасности: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Чита: ЧитГУ, 2009. С. 156–160.
34. Мошкина З. В. Политкаторжанки: социальный портрет конца XIX – начала XX вв. // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск: Оттиск, 2007. Вып. 4. С. 173–187.
35. Волочаева А. В., Мошкина З. В. Нерчинская каторга // Малая энциклопедия Забайкалья: власть и общество: в 2 ч. Ч. 2. М–Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2013. С. 78–81.

Информация об авторе

Волочаева Анна Владимировна, кандидат исторических наук; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: rossav1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9851-3987>.

Для цитирования

Волочаева А. В. Зоя Вениаминовна Мошкина – ведущий учёный по истории политической каторги и ссылки в Забайкалье // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 145–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-145-154.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 27.08.2022.

References

1. Bodyak, M. G. The history of the Zerentui prison of the Nerchinsk penal servitude (1879–1917). Cand. sci. diss. abstr. Irkutsk, 2004. (In Rus.)
2. Kolomentsev, D. V. The prison system in Russia in the 50–80s of the XIX century and its reformation. Cand. sci. diss. abstr. Voronezh. 2004. (In Rus.)
3. Maksimova, V. N. Women's Political hard labor and exile in Eastern Siberia (1907–1917): Cand. sci. diss. abstr. Irkutsk, 2003. (In Rus.)
4. Myasnikov, D. A. The history of the Akatuisks prison of the Nerchinsk penal servitude (1883–1917): Cand. sci. diss. abstr. Irkutsk, 2007. (In Rus.)
5. Domracheva, S. L. Organization of medical care in hard labor prisons. Gaps in Russian legislation, no. 4, pp. 146–148, 2015. (In Rus.)
6. Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2022). Siberian Exile in Russian Historiography of 1990s – 2010s. Nauchnyi dialog, 11: 395–413. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413. (In Rus.)

7. Belova, N. A. Punishment of members of the Narodnik movement for political terrorism. Bulletin of the Udmurt University, issue 1, pp.35–47, 2020. (In Rus.)
8. Berezina, O. B. Nerchinsk penal servitude in the penitentiary system of Russia in the late XVIII – early XX centuries. Bulletin of Tambov University, no. 4, pp. 14–18, 2006. (In Rus.)
9. Korablin, K. K. Penal servitude in pre-revolutionary Russia. State, society, personality: history and modernity. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Pod obshch. red. N. A. Volodinoi. Penza: Izd-vo Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2016: 46–52. (In Rus.)
10. Gulin, A. S. Penal servitude and exile of the 60–70s of the XIX century: ordinary laws and rules on political exiles. Bulletin RGGU, no. 7, pp. 55–65, 2021. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-55-65. (In Rus.)
11. Moshkina, Z. V. Nerchinsk political penal servitude. The second half of the XIX century. Chita: Izd-vo ZabGPU im. N. G. Chernyshevskogo, 1998. (In Rus.)
12. Moshkina, Z. V. Political hard labor in Russia and the socio-psychological appearance of political prisoners. Dr. sci. diss. abstr. Moskva, 1999. (In Rus.)
13. Gulin, A. S. “In the depths of the Siberian ores...”: on the nature of the daily hard labor of political exiles at the Nerchinsk mines in the 60–70s of the XIX century. Bulletin RGGU, no. 6, pp. 235–251, 2018. DOI: 10.28995/2073-6355-20186-235-251. (In Rus.)
14. Moshkina, Z. V. Administrators of the Nerchinsk political penal servitude. Materials of the scientific and practical conference on the 100th anniversary of the State Archival Service. Voronezh: Favorit, 2018: 182–188. (In Rus.)
15. Moshkina, Z. V. By-laws in the practice of execution of punishment in political penal servitude in the second half of the XIX century. History of the state and law, no. 11, pp. 18–21, 2010. (In Rus.)
16. Moshkina, Z. V. Legal regulation of the regime of the Nerchinsk political penal servitude. Materials of the IV interregional scientific and practical conference dedicated to the 200th anniversary of the Ministry of Internal Affairs of Russia, March 20–21, 2002. “The Ministry of Internal Affairs – from the past to the present (issues of theory and history)”. Issue 1. Chita: Centr nauchnykh i obrazovatel'nykh programM, 2002: 30–37. (In Rus.)
17. Moshkina, Z. V. Application to exiled state criminals of the order of detention outside prison in the Nerchinsk penal servitude in the second half of the XIX century. Humanitarian Vector, no. 6, pp. 48–55, 2018. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55. (In Rus.)
18. Moshkina, Z. V. Regulation of regime institutions of pre-revolutionary Russia. Problems of civil society and the rule of law: articles and materials. Issue 3. Chita: Poisk, 2003: 40–45 (In Rus.)
19. Moshkina, Z. V. Women’s political hard labor. Encyclopedia of Transbaikalia. Web. 30.06.2022. <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=479> (In Rus.)
20. Moshkina, Z. V. Management of the Nerchinsk political penal servitude (the second half of the XIX century). Russian society and power in the past and present: Materials of the scientific conference in memory of Professor V. G. Tyukavkin (February 12–13, 2003). pod obshch. Red. A. V. Lubkova. M: GNO “Prometej” MPGU, 2004: 140–147 (In Rus.)
21. Moshkina, Z. V. The composition of prisoners of the Nerchinsk political penal servitude in the second half of the XIX century. Transbaikalia: some aspects of the history of the region. Chita: izd-vo Chitinskogo pedagogicheskogo instituta, 1993: 12–22. (In Rus.)
22. Moshkina, Z. V. Once again about N. G. Chernyshevsky in hard labor. Mental space of personality: articles and materials of the regional scientific conference. Chita: Izd-vo ZaBGPU, 2004: 87–93. (In Rus.)
23. Moshkina, Z. V. Ippolit Myshkin on the Nerchinsk penal servitude (a socio-psychological phenomenon). Transbaikalia: the fate of the province: Issue 3. Chita: Poisk, 2001: 43–50. (In Rus.)
24. Moshkina, Z. V. The convict way of Yegor Sazonov. Problems of civil society and the rule of law: articles and materials / Zabajkal. Gos. un-t; sost. B. D. Semashkin. Chita: ZaBGU, 2016. Issue 21: 29–47. (In Rus.)
25. Moshkina, Z. V. Nerchinsk penal servitude through the eyes of a political prisoner. CLIO. Journal for scientists, no. 1, pp. 51–55, 2005. (In Rus.)
26. Moshkina, Z. V. Organization and interaction among political prisoners of the Nerchinsk penal servitude (60s of the XIX century). Crime in Russia: the history of formation and possible prospects: Materials of the 40th All-Russian Correspondence Scientific Conference / pod red. S. N. Poltoraka. SPb: Nestor, 2006: 55–59. (In Rus.)
27. Moshkina, Z. V. The behavior of women political prisoners and the Kariya tragedy of 1889. Humanitarian Vector, no. 2, pp. 78–85, 2008. (In Rus.)
28. Moshkina, Z. V. Behavior of political prisoners in conditions of detention in the Nerchinsk penal servitude in the 80s of the XIX century. News of the Irkutsk State University, no. 2, pp. 56–63, 2010. (In Rus.)
29. Moshkina, Z. V. Behavioral adaptation of political prisoners in conditions of penal servitude. Dynamics of moral priorities of a person in the process of his evolution: Proceedings of the XIX International Scientific Conference, St. Petersburg, May 15–16, 2006 / pod red. S. N. Poltoraka. SPb.: Nestor, 2006. Past. 2: 86–90. (In Rus.)
30. Moshkina, Z. V. Suicide among political prisoners. Cultural and historical forms of human behavior: articles and materials of the regional scientific and practical conference. Chita: Poisk, 2003: 170–175. (In Rus.)

31. Moshkina, Z. V. Humor among political prisoners of the Nerchinsk penal servitude. Siberian link: scientific articles. Irkutsk: OttisK, 2003: 102–105. (In Rus.)

32. Moshkina, Z. V. Retribution or continuation of the struggle? (Siberian case of M. I. Kutitonskaya). Historical science and Russian education (actual problems): Part.2. M.: Prometej MPGU, 2008: 431–443. (In Rus.)

33. Moshkina, Z. V. From the history of the opening of women's political penal servitude in Russia. VII All-Russian Scientific and Practical Conference "Russia – China: problems of ensuring national and international security". Chita: ChitGU, 2009: 156–160. (In Rus.)

34. Moshkina, Z. V. Political prisoners: a social portrait of the late XIX – early XX centuries. Siberian link: scientific articles, issue 4, pp. 173–187, 2007. (In Rus.)

35. Volochaeva, A. V., Moshkina, Z. V. Nerchinsk penal servitude. Small Encyclopedia of Transbaikalia: Power and Society: in 2 parts. P. 2 / ed. by R. F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2013. Part. 2: M–YA. Pp. 78–81. (In Rus.)

Information about author

Volochaeva Anna V., Candidate of History; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: rossav1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9851-3987>.

For citation

Volochaeva A. V. Zoya Veniaminovna Moshkina – Leading Scientist on the History of Political Hard Labor and Exile in Transbaikalia // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17, No. 3. Pp. 145–154. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-145-154.

Received: July 20, 2022; approved after reviewing August 22, 2022; accepted for publication August 27, 2022.

Очерк**УДК 329.78:93/94(47+57)****DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-155-162****Прозвучит ли сигнал пионерского горна?****Александр Васильевич Константинов***Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия,
konstant1956@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9509-0130>*

Автором предпринята попытка рассмотреть историю развития детского движения в стране и его проблемы в год 100-летия пионерского движения (2022). Актуальность темы обусловлена вниманием к проблеме исследователей, широкой общественности, а также необходимостью проведения государственной политики в отношении детских и молодёжных организаций. Отмечается, что эта тема имеет междисциплинарный характер и находится на стыке различных научных направлений. Политика государства относительно детского движения не раз кардинально менялась. Важнейшими вехами в данном отношении является 1922 г. – запрет скаутского движения и создание пионерской организации и 1991 г. – роспуск пионерской организации и переход к многообразию форм детских организаций. Современный период развития детского движения характеризуется многообразием форм детских организаций, но и за это время политика государства по отношению к детскому движению заметно эволюционировала. В 2015 г. вновь была предпринята попытка создания массовой детской организации (Всероссийское движение школьников). Юбилей обозначил различия в позициях государства и общества, в то же время он стимулировал процесс решения накопившихся проблем в новых политических условиях. Именно 19 мая 2022 г. Председатель Совета Федерации Российской Федерации В. И. Матвиенко сообщила, что группа депутатов и сенаторов внесла в Думу законопроект о российском движении детей и молодёжи. Возможно, детское движение в стране находится на пороге нового этапа своего развития. По мнению автора, история детского движения в целом и пионерского в частности стала одной из наиболее проблемных явлений отечественной истории. Особое внимание в статье уделено развитию детского движения на территории Забайкалья. В заключении статьи автором приводятся предложения по организации нового массового детского движения.

Ключевые слова: детское движение, детские организации, скаутское движение, пионерская организация, И. Н. Жуков

Feature article**Will the Pioneer Horn Sound?****Alexander V. Konstantinov***Transbaikal State University, Chita, Russia
konstant1956@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9509-0130>*

The author made an attempt to study the history of the development of the children's movement in the country and its problems in the year of the 100th anniversary of the pioneer movement (2022). The relevance of the topic is due to the attention to the problem of researchers, the public, as well as the need for state policy in relation to children's and youth organizations. It is noted that this topic is interdisciplinary in nature and is at the junction of various scientific areas. The policy of the state in relation to the children's movement changed dramatically more than once. The most important milestones in this regard are 1922 – the prohibition of the scout movement and the creation of a pioneer organization and 1991 – the dissolution of the pioneer organization and the transition to a variety of forms of children's organizations. The current period in the development of the children's movement is characterized the diversity of forms of children's organizations. But even during this time, the policy of the state in relation to the children's movement has evolved markedly. In 2015, an attempt was again made to create a mass children's organization (the All-Russian Movement of School students). The anniversary marked the differences in the positions of the state and society, at the same time it stimulated the process of solving accumulated problems in the new political conditions. It was on May 19, 2022 that V. N. Matvienko Chairman of the Federation Council of the Russian Federation said that a group of deputies and senators had submitted to the Duma a bill on the Russian movement of children and youth. Perhaps the children's movement in the country is on the threshold of a new stage of its development. According to the author, the history of the children's movement and the pioneer movement in particular has become one of the most problematic phenomena in the

© Константинов А. В., 2022

Russian history. Particular attention is paid to the development of the children's movement in the territory of Transbaikalia. In conclusion, the author presents proposals for organizing a new mass children's movement.

Keywords: children's movement, children's organization, scout movement, pioneer organization, I. N. Zhukov

Рисунок Л. В. Болотова¹

A figure made by L. V. Bolotov

Введение. В статье мы рассматриваем историю развития детского движения в стране (XX – начало XXI в.), его проблемы в год 100-летия пионерской организации. Юбилей пионерии мог послужить поводом для активизации изучения истории и обсуждения современных проблем детского движения.

Тема имеет междисциплинарный характер и находится на стыке различных научных направлений (история, педагогика, история педагогики). Историография проблемы очень обширна и может быть предметом отдельного изучения по периодам, регионам и т. д. [1; 2]. В то же время, по мнению автора, история детского движения в целом и пионерского в частности стала одной из наиболее проблемных явлений отечественной истории.

Данная тема теснейшим образом связана с современностью, проблемами воспитания детей и молодежи, проблемами современного детского движения. Изложенные вопросы особенно волнуют в год 100-летия пионерской организации. Юбилей обозна-

чил определённые различия в позициях государства и общества, вместе с тем стимулировал процесс решения накопившихся проблем в новых политических условиях.

День рождения пионерии: опыт становления и борьбы. Накануне 100-летия пионерской организации в адрес федеральных и региональных органов власти направлялись письма и от различных детских объединений, и от ветеранских организаций с предложениями широко отметить эту дату, были обращения и от частных лиц. Два десятка губернаторов заявили о готовности поддержать данную идею. Предполагалось 19 мая, в День рождения пионерии, организовать большой детский праздник, провести всероссийский концерт, встречи с ветеранами, провести обсуждение проблем современного детского движения. Предложения были вполне логичны: пионерская организация действовала почти 70 лет (с 1922 по 1991 г.), и те, кому в настоящее время за сорок, а это значительная часть российского населения, помнят своё пионерское детство. Ожидалось, что этот юбилей подтолкнёт власть к иному взгляду на детское движение, а именно – созданию массовой детской организации и оказанию ей реальной поддержки.

За время, что в России существует детское движение (с 1909 г.), накоплен большой опыт как по его организации, так и (как это ни странно звучит) по борьбе с ним. Напомним, что детское движение в форме скаутского пришло в Россию из Англии и успешно развивалось. Ситуация изменилась после революции с укреплением позиций советской власти и появлением коммунистической молодёжной организации – комсомола (РКСМ). В 1920 г. в ЦК РКСМ был разработан план «абсолютного уничтожения враждебного нам буржуазного скаутизма», вскоре оно было запрещено официально советской властью: учило не тому, чему надо. Многие его руководители были арестованы и отправлены «на перевоспитание» на Соловки.

На смену скаутизму пришла пионерская организация, созданная в 1922 г. комсомолом. С 1926 г. она стала называться Всесоюзной пионерской организацией имени В. И. Ленина и вскоре монополизировала

¹ См.: Партизаны: сборник статей. – Чита: Печатное дело, 1929. – 204 с.

поле детского движения. Провозгласив лозунг уничтожения скаутизма, на практике пионерская организация использовала многие его практические наработки, начиная с девиза, символики и т. д. Как бы сейчас ни относились к пионерской организации, следует признать, что ею был накоплен гигантский положительный опыт работы с детьми, и успех её работы в значительной степени связан с комсомолом. В 1991 г. после новой революции пионерская организация была распущена. История повторилась: новая демократическая власть (по сути антисоветская) «в период активного строительства капитализма» не смирилась с существованием детской советско-коммунистической организации (тоже учит не тому, чему надо). С пионерской организацией поступили более сурово, чем с компартией. Партия продолжает свою деятельность и имеет определённую государственную финансовую поддержку, а пионерская организация её лишена. Деятелей пионерии, конечно, не сослали на Соловки, как некогда скаут-мастеров, но и они «как-то все разбрелись». В очередной раз дети стали заложниками политических «игр» взрослых. Возникает вопрос: «При чём здесь дети? Что они получили взамен?» На всём постсоветском пространстве только в Белоруссии пионерская организация осталась массовой и пользуется поддержкой со стороны государства.

Вопрос о памяти и забвении. Современные дети и зачастую и организаторы детского движения не имеют представления об истории детского движения, хотя этот материал может и должен быть включён в учебный курс. В настоящее время нужно позаботиться и написать объективную историю детского движения. В современных учебниках истории школьники не найдут материала ни о скаутах, ни о пионерах. В одном из них осталось упоминание о пионерах – Героях Советского Союза Марате Казее и Вали Котике. В другом, более «продвинутом» учебнике, этих же пионеров называют подростками-партизанами без упоминания о присвоении им этого высокого звания. Ещё в одном издании лишь намёк о пионерах: благодаря репродукции с картины С. Я. Светлова «Пионеры поймали английского шпиона» (1939). На картине девочка и мальчик в пионерских галстуках с пистолетами в руках ведут английского шпиона со связанными руками. Как же узнать совре-

менным школьникам о пионерах? Получается, что возникли ниоткуда и ушли в никуда. Выходит, в этом незнании кто-то заинтересован. Остаётся нашим детям листать семейные альбомы, рассматривать школьные фотографии родителей в красных галстуках и спрашивать: а что это? Для них те времена стали совсем далёкими, легендарными.

Как-то спросил у студентов-заочников, многие из которых работают в школах, о том, есть ли у них какая-либо детская организация? В некоторых, в основном сельских школах, сохранились пионерские организации (почти все – имени Ю. А. Гагарина). Посильную помощь им оказывает КПРФ. Есть межшкольные объединения – «Юнармия», Республика юных забайкальцев (РЮЗ), «Искра». В последние годы возникло Российское движение школьников (РДШ). Во многих школах вообще нет детских объединений. Вспомнив популярную телепередачу «Угадай мелодию», предлагаю упомянутым студентам послушать наиболее известные пионерские песни. Оказывается – не знают, вообще не слышали! Что же эти молодые учителя расскажут детям о пионерии? Как видим, приложено немало усилий, чтобы пионерское движение (вместе с песнями) ушло в небытие.

Приведённые примеры, на наш взгляд, поднимают важную проблему передачи памяти. В научной литературе, в частности в журнале «Сибирские исторические исследования», поднимался важный вопрос о памяти и забвении, который на первый взгляд может показаться странным. Подводя итоги дискуссии, её организаторы отметили отличительную черту отечественного мемориального дискурса – отсутствие интереса к проблематике забвения [3, с. 113]. Приведённые примеры доказывают, что забвение имеет место быть. Кроме того, в данном журнале в статье С. Г. Маслинской поднимается важный вопрос трансформации культа пионеров-героев [4]. Как видно, история пионерии к её 100-летию стала одной из наиболее проблемных явлений отечественной истории. Объяснение этому можно найти, анализируя историю детского движения. После запрета в стране скаутского движения в советское время о нём фактически было запрещено упоминать. Тема прочно вошла в состав не только не актуальных, но и запрещённых. Как видно, здесь мы явно видим механизмы преднамеренного забывания,

которые исходили от государства. Первые научные исследования истории скаутизма относятся к 1990-м гг. [5; 6]. В то же время «в опалу» попало пионерское движение. История повторилась. Сколько лет должно пройти, чтобы эта тема вышла из зоны забвения?

Подобное отношение даже к подвигу пионеров-героев вошло в явное противоречие с жизнью и принятыми государством нормативными актами, подтверждение тому – постановление Правительства «О военно-патриотических молодёжных и детских объединениях» (2000), государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» и т. д. . Как видно, нам с трудом удаётся освободиться от груза 1990-х гг., когда патриотизм в стране фактически был предан забвению.

Несмотря на то что о 100-летнем пионерском юбилее заговорили давно, накануне почти все СМИ оглушительно молчали, в интернете удалили материалы о его подготовке (19 мая официально не является ни праздничным, ни памятным днём). С 18 по 19 мая в Москве в Гостином дворе прошёл «Большой школьный пикник» – фестиваль Российского движения школьников. Министр просвещения Российской Федерации С. С. Кравцов в эти дни отметил, что российское движение школьников помогает ученикам реализовать себя, и взрослые должны максимально поддержать это движение. Как и ожидалось, никаких пионерских и детских песен по официальным каналам 19 мая не звучало. Тем не менее праздник в стране отмечался своего рода «подпольно»: люди поздравляли друг друга, наверное, были миллионы звонков, репостов в виде открыток и т. д. Старшее поколение проявило удивительное единство по отношению к юбилею, а молодёжь – интерес и желание что-то изменить в современном детском движении. Но этот день никак нельзя назвать примером единением власти и народа!

Кроме того, 19 мая государство вспомнило о важности массового детского движения. Председатель Совета Федерации Российской Федерации госпожа В. И. Матвиенко сообщила, что группа депутатов и сенаторов внесла в Думу законопроект о российском движении детей и молодёжи «Большая перемена». Но почему такое

название? Как к ним обращаться? «Большепеременщики»? О 100-летнем юбилее пионерии В. И. Матвиенко не упомянула. Вероятно, позже мы узнаем подробности о том, как заинтересованные лица с мыслью «сейчас или никогда» пробивали идею создания массовой детской организации. Пока же известно, что 20 апреля на заседании наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей» семиклассница Диана Красовская обратилась с предложением к президенту о создании «общего детского движения», и он данную идею поддержал. Это сработало, и вскоре документы поступили в Думу.

Кроме того, 19 мая по центральным каналам прошла информация о том, что в некоторых городах (в основном в архивах и музеях) организованы выставки, прошли встречи школьников с ветеранами пионерского движения, состоялся приём в пионеры! Вместе с тем присутствовало ощущение, что былой детский праздник утратил размах и публичность, приобрёл какой-то закрытый архивно-музейный характер. Более активно в эти же дни по линии министерств просвещения и культуры отмечалось 350-летие Петра I (олимпиада, Ночь в музее и т. д.), прошёл студенческий фестиваль.

Пионерия Забайкалья. Что же в Забайкальском крае? Ранее отмечено: детско-юношеских организаций с различной направленностью у нас достаточно, и работают они «под крышами» Министерства образования и науки Забайкальского края, партий, спонсоров, общественных организаций. Организации могут возникнуть для получения грантовых средств, после чего прекращают деятельность. Некоторые зарегистрированы как юридические лица, другие – нет. О численности организаций судить сложно, например, в РДШ формально можно зачислить всех школьников края. Оценку деятельности организаций дать сложно, поскольку их никто не координирует, нет детских и молодёжных газет, радио- и телевизионных передач.

Как сказано ранее, пионерская организация в Забайкальском крае сохранилась благодаря поддержке КПРФ. В 2020 г. она получила официальный статус – Забайкальская коммунистическая детская пионерская общественная организация «Пионерия Забайкалья». Пионерские отряды и дружины численностью более двух тысяч

человек действуют в Чите, Краснокаменске, Шелопугинском, Чернышевском и других районах края. В Чите своеобразный памятник пионерской эпохи – здание Дворца пионеров и школьников на улице Журавлёва, расположенное на территории парка, который горожане по-прежнему называют пионерским. На фасаде – художественное панно с пионерской символикой и сюжетами направлений пионерской работы (их ещё не задрапировали и не заштукатурили). В настоящее время Дворец пионеров можно отнести к памятникам советской монументальной пропаганды. Он открылся в 1973 г., около 20 лет считался штабом пионерской работы в городе. Здесь проходили основные пионерские мероприятия. Справа от входа в 1974 г. установили памятную доску с надписью «Дворец пионеров построен в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР за счёт средств, заработанных на коммунистических субботниках». За доской была устроена ниша, где поместили капсулу с обращением забайкальской пионерии 1970-х гг. к пионерам 2000 г. В нём, в частности, были такие слова: «Вы – пионеры 2000 года будете жить при коммунизме!». В то время казалось, что так и будет – пионеры вечны, светлое будущее не за горами.

В обозначенное время капсулу вскрыли. Только уже не было Всесоюзной пионерской организации имени Ленина, как и страны под названием «СССР». Кроме того, в 1982 г. здесь отмечалось 60-летие образования СССР; в 2022 г. – 100-летие образования СССР, дата, которую, как и 100-летие пионерии, стараются не замечать. Коллектив Дворца пионеров был инициатором многих достойных дел. На всю страну стала известна деятельность военно-патриотической бригады мальчишек «Отвага», Забайкальской малой академии наук. Сейчас бывший Дворец пионеров – это городской центр детского творчества. На его базе нет ни одной детской организации, детское творчество ограничивается только кружковой работой. Как сказала одна моя знакомая – «нет здесь детского духа». 19 мая в здании и на территории парка ничего не происходило. Над входом в здание закрепили вывеску с лозунгом «С Днём рождения, любимый город!».

Вместе с тем юбилей у нас отметили. В большом зале военно-исторического центра «Дом офицеров Забайкальского края» собрались ветераны комсомола, пионерии,

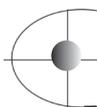
те, для кого этот день остался праздником. Были здесь и дети – представители детских движений, в том числе и пионеры. Прозвучал гимн пионеров, написанный ещё в 1922 г.

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы, пионеры, -
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов,
Клич пионеров:
«Всегда будь готов!»

Кажется, слова «близится эра светлых годов» воспринимаются в наше время особенно остро. Встреча оказалась волнующей и тёплой. Нужно отдать должное ветеранам комсомола и пионерского движения, организовавшим мероприятие. За год до юбилея была задумана художественно-публицистическая книга «Все мы из страны Пионерии» [7]. В её создании приняли участие несколько десятков авторов. Она содержит архивные материалы, воспоминания, массу иллюстраций по истории пионерской организации и, несомненно, будет интересна читателям разных возрастов. Книга отражает наш уровень знаний по истории пионерского движения в Забайкалье. Следует признать, что эти знания далеко не полные, с большими «белыми пятнами», предстоит большая работа по изучению истории краевой пионерской организации и в целом детского движения.

Отметим, что пионерская организация в Забайкалье была создана в 2023 г. В этом же году по предложению И. Н. Жукова на базе детского дома ДальОНО была организована детская организация юнисов (юных исследователей) [8; 9]. Для Забайкальского края в плане детского движения и этот год является юбилейным.

Дальнейшие события, связанные с детским движением, развивались стремительно. Государственная Дума 6 июля 2022 г. приняла закон о создании в стране движения детей и молодёжи, 14 июля Президент страны В. В. Путин подписал этот закон; 20 июля в «Артеке» в рамках состоявшегося финала Всероссийского конкурса «Большая перемена» прошло учредительное собрание нового движения, на котором присутствовал Первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С. В. Кириенко. На собрании присутствовало 46 человек – представители Россий-

ского движения школьников, юнармейцы, участники конкурса «Большая перемена» и 26 региональных организаций и движений. Забайкальский край представляла организация «Республика юных забайкальцев». Главное, что участники собрания решили – детскому движению быть! На конец года намечен общероссийский съезд, где будут приняты окончательные решения о том, какой будет создаваемая организация. Детям предложено подумать, как будет называться организация, можно предложить её девиз, атрибуты и т. д. Обещают, что новое движение станет общедоступным, интересным и современным пространством для детей и подростков. В. В. Путин дал согласие возглавить наблюдательный совет движения.

В качестве заключения. Имперскому, советскому и постсоветскому периодам истории соответствовали различные формы детского движения, которые отличались друг от друга по идеологическому наполнению. Политика государства в отношении детского движения не раз существенно менялась, что связано с кардинальной сменой социально-политической системы. Важнейшими вехами в этом отношении является 1922 г., когда запретили скаутское движение, создали пионерскую организацию, и 1991 г., когда прекратила существование пионерская организация, произошёл переход к многообразию форм детских организаций. Современный период развития детского движения характеризуется отказом от коммунистической идеологии и многообразием форм детских организаций. Но и за это время политика государства по отношению к детскому движению заметно эволюционировала.

Произошедшие события должны быть осмыслены историками и педагогами, вместе с тем необходимо деятельное участие в этом процессе. От нас зависит, каким будет будущее детское движение. Хотелось бы, чтобы оно было не только массовым, но и опиралось на лучший опыт скаутского и пионерского движений. Важно, чтобы в окончательных учредительных документах создаваемой детской организации нашло отражение педагогическое наследие нашего земляка – скульптора и педагога И. Н. Жукова.

И. Н. Жуков успешно руководил детским движением в Чите (фактически во всём Забайкалье и в Сибири) в сложное время революционных потрясений и Гражданской войны (с 1917 по 1921 г.) при пяти различных

политических режимах. В трудные годы он убеждал не втягивать детей в политику (вырастут, сами разберутся), а старался подарить подрастающему поколению детство через участие в деятельности детской организации. Для него главным в воспитании были понятия «Родина», «Отечество». Педагог учил детей заповедям – «Живи для Родины, для ближних», «Будь рыцарем, защитником бедных, слабых и поборником правого дела», «Носи Бога в сердце и помни девиз свой: “Будь готов!”» [10]. После запрета скаутского движения он принял активное участие в создании пионерской организации. Неслучайно его удостоили почётного звания «Старший пионер республики». И. Н. Жуков считал, что не важно, как называется детская организация, главное наполнение её работы и реальные дела. Забайкальцами немало сделано для увековечивания имени своего земляка. На здании бывшего городского училища, где он работал педагог, установлена мемориальная доска. Усилиями И. В. Руденко собраны и опубликованы многочисленные педагогические статьи И. Н. Жукова [11–13]. В упомянутой книге по истории пионерской организации в Забайкалье ему посвящены статьи [14–16].

И. Н. Жуков до конца остался верен детям и работал в одной из московских школ учителем географии и пионервожатым, дети называли его «дядя Кеша». О назначении ему персональной пенсии ходатайствовала Н. К. Крупская. Он до сих пор остаётся наиболее значимой фигурой как теоретик и практик в российском детском движении [17–19]. В октябре 2022 г. в Чите состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Детское движение: история, современность, инновации», посвящённая памяти И. Н. Жукова. Конференция была инициирована Забайкальской краевой детской общественной организацией «Республика юных забайкальцев».

Вспомнят ли о его заветах на предстоящем съезде, или по-прежнему будем воспитывать юных ленинцев, юных соколов Жириновского и т. д. Правильно ли это? Как отмечено, детям предложено подумать о названии организации, атрибутах и т. д., но для этого надо знать историю развития детского движения в стране. Ведущая роль в этом деле за взрослыми, которые должны помочь ребятам сделать правильный выбор. Остаётся надеяться, чтобы 2022 г.,

год 100-летия пионерии, стал переломным в развитии детского движения в стране. Мне бы хотелось, чтобы у новой организации сохранилось название «пионерская» (ведь со-

хранили основу советского гимна), а девиз скаутский – «Будь готов!» – «Всегда готов, за Россию!» и пусть прозвучит сигнал горна – «Слушайте все!».

Список литературы

1. Кудинов В. А., Ярмольчук А. В. История скаутского движения в России в XX веке. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2004. 163 с.
2. Алиева Л. В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. М., 2002. 323 с.
3. Куприянов П. С., Соколова А. Д. Забыть и вспомнить: память о советском прошлом в современных исследованиях // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 112–118.
4. Маслинская С. Г. Забыть, чтобы вспомнить (память о пионерах-героях в XXI в.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 138–159.
5. Крайнов Т. Скауты в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 207–212.
6. Кудряшов Ю. В. Российское скаутское движение: Исторический очерк. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. 393 с.
7. Все мы из страны пионерии. Чита: Читинская городская типография, 2022. 655 с.
8. Фалилеев В. Н. Педагогическая работа в 1-ой детской экспедиции ДальОНО // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке. 1923. № 1. С. 100–121.
9. Константинов А. В., Федосеев А. Ю., Рафибеков Э. М. У истоков детского движения в Забайкалье: от скаутов к юнисам // Народное образование Забайкалья: история и опыт: сб. материалов науч. конф. Чита: Поиск: ЗабГПУ, 2000. С. 91–97.
10. Жуков И. Н. Спутник сибирского скаута. Чита, 1921. 79 с.
11. Игра и детское движение: И. Н. Жуков – в помощь организаторам детского движения и педагогам: сборник / сост. И. В. Руденко. М.: НПЦ ЦС СПО (ФДО), 1992. 72 с.
12. Игра и детское движение / сост. и авт. вступ. ст. И. В. Руденко. Изд. 2-е, перераб. и доп. Тольятти, 2002. 20 с.
13. Педагогические парадоксы Иннокентия Жукова / сост. и ред. И. В. Руденко. Тольятти: ТГУ, 2010. 161 с.
14. Руденко И. «Старший пионер» И. Н. Жуков – земляк забайкальцев // Все мы из страны пионерии. Чита: Читинская городская типография, 2022. С. 6–17.
15. Константинов А. «Будь готов!» – «Всегда готов! За Россию!» // Все мы из страны пионерии. Чита: Читинская городская типография, 2022. С. 18–25
16. Иманаква Е. Скульптор Жуков – певец «красногалстучного детства» // Все мы из страны пионерии. Чита: Читинская городская типография, 2022. С. 26–28
17. Руденко И. В. Традиции отечественного внешкольного воспитания в практике современного детского движения // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 14. С. 310–318.
18. Константинов А. В. Скауты и юнисы И. Н. Жукова // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 21–25.
19. Ефимова Е. А. «Игра в героических пионеров новой культуры»: утопия Иннокентия Жукова // Историко-педагогический журнал. 2018. № 1. С. 96–117.

Информация об авторе

Константинов Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор; Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: konstant1956@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9509-0130>.

Для цитирования

Константинов А. В. Прозвучит ли сигнал пионерского горна? // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 155–162. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-155-162.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Kudinov, V. A. History of the scout movement in Russia in the 20th century. M: Nat. Institute of Business, 2004. (In Rus.)
2. Alieva, L. V. Establishment the country's children's movement as a subject of educational space. Dr. sci. diss. Moscow, 2002. (In Rus.)

3. Kupriyanov, P. S., Sokolova, A. D. Forget and remember: the memory of the Soviet past in modern research. *Siberian Historical Research*, no. 4, p. 112–118, 2021. (In Rus.)
4. Maslinskaya, S. G. Forget to remember (the memory of pioneer heroes in the 21st century). *Siberian Historical Research*, no. 4, pp. 138–159, 2021. (In Rus.)
5. Krainov, T. Scouts in Russia. *Russian History*, no. 5, p. 207–212, 1993.
6. Kudryashov, Yu. V. Russian scout movement: Historical essay. Arkhangelsk: Pomor State University Publishing House, 1997. (In Rus.)
7. We are all from a country of pioneers. Chita: city printing house, 2022. (In Rus.)
8. Falileev, V. N. Pedagogical work in the 1st children's expedition DalONO. *Questions of education in the Far East*, no. 1, pp. 100–121, 1923. (In Rus.)
9. Konstantinov, A. V., Fedoseev A. Yu., Rafibekov, E. M. At the origins of the children's movement in Transbaikalia: from scouts to youths. *Public education of Transbaikalia: history and experience: coll. Of scientific materials. conf. Chita: Search: Publishing House of ZabGPU, 2000: 91–97. (In Rus.)*
10. Zhukov, I. N. Companion of the Siberian scout. Chita. 1921. (In Rus.)
11. Game and children's movement: I. N. Zhukov – to help the organizers of the children's movement and teachers: a collection / comp. by I. V. Rudenko. M.: NPTs TsS SPO (FDO), 1992. (In Rus.)
12. Game and children's movement / Author of the introductory article I. V. Rudenko. Ed. 2nd, revised and additional. Tolyatti, 2002. (In Rus.)
13. Pedagogical paradoxes of Innokenty Zhukov / comp. and ed. by I. V. Rudenko. Tolyatti: TSU, 2010. (In Rus.)
14. Rudenko, I. "Senior Pioneer" I. N. Zhukov, fellow countryman of the Transbaikilians. We are all from the country of the pioneers. Chita: City Printing House, 2022: 6–17. (In Rus.)
15. Konstantinov, A. "Be ready!" – "Always ready! For Russia!" We are all from a country of pioneers. Chita: City Printing House, 2022: 18–25. (In Rus.)
16. Imanakova, E. Sculptor Zhukov – the singer of "red-tie childhood". We are all from the country of the pioneers. Chita: city printing house, 2022: 26–28. (In Rus.)
17. Rudenko, I. V. Traditions of the country's out-of-school education in the practice of modern children's movement. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 14, pp. 310–318, 2007. (In Rus.)
18. Konstantinov, A. V., I. N. Zhukov's Scouts and Yunis. *Humanitarian vector*, no. 1, pp. 21–25, 2009. (In Rus.)
19. Yefimova, E. A. "Playing the Heroic Pioneers of a New Culture": Innokenty Zhukov's Utopia. *Historical and Pedagogical Journal*, no. 1, pp. 96–117, 2018. (In Rus.)

Information about author

Konstantinov Alexander V., Doctor of History, Professor; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: konstant1956@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9509-0130>.

For citation

Konstantinov A. V. Will the Pioneer Horn Sound? // *Humanitarian Vector*. 2022. Vol. 17, No. 3. PP. 155–162. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-155-162.

Received: July 25, 2022; approved after reviewing August 29, 2022; accepted for publication August 30, 2022.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами) на русском, английском, китайском языках, выполненные в жанре научно-исследовательская статья, научный обзор, научное сообщение, рецензия. Все поступающие материалы проходят проверку на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность разделов «Результаты исследования», «Обсуждение результатов», «Заключение» должна быть не менее 80 %.

Один автор в одном номере может опубликовать только одну статью.

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного **лицензионного договора**.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными). Название должно быть компактным и достаточным для понимания содержания статьи (не более 10 слов).

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Аннотация должна отражать содержание статьи и включать **следующие блоки:**

1. Введение (актуальность, новизна, постановка проблемы, цель и гипотеза исследования).
2. Материалы и методы исследования.
3. Конкретные результаты исследования.
4. Обсуждение результатов исследования.
5. Выводы и перспективы исследования.

Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий или маркеров проблемы, отражают содержание и концепцию статьи) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи должен содержать следующие блоки: введение, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

По возможности нужно использовать **наглядный материал:** диаграммы, карты, рисунки, таблицы и др. Необходимо указывать авторство всех иконических данных, полученных из других источников (рисунки, таблицы, диаграммы и др.), сопровождая их соответствующей ссылкой и названием на русском и английском языках.

Ссылки на грант, организации и людей, оказавших финансовую поддержку в подготовке статьи, указываются в **разделе Благодарности** – на русском и английском языках.

Список литературы указывается по мере цитирования (упоминания в тексте статьи) и должен включать не менее 25 источников, включая за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10. При наличии в источнике указывается DOI.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются **источниками**, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить **References** согласно следующим требованиям:

1. Автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN).
2. Название работы/ источника (перевод на английский язык).
3. Выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация).
4. Указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 10 % от общего количества источников в списке литературы.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию. При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи. Рисунки, полученные из других источников, должны сопровождаться соответствующей ссылкой.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Приём статей, их редакторская подготовка и публикация бесплатны для авторов.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют по России – 200 р.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Забайкальский государственный университет

Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7 (3022) 35-24-79

MANUSCRIPT SUBMISSION PROCEDURE

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared in Russian, English or Chinese should not exceed 40,000 characters with spaces and are to be written in the genre of research article, scientific review, scientific report, review. The sent articles are checked for originality by the anti-plagiarism software. The originality of the sections "Research Results", "Discussion of Results", "Conclusion" should be 80%.

One author can publish only one article in the issue.

Submission Package

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's name and the title of the article.
2. Data of access and publishing agreement.
3. Information about the author.

The Structure of the Paper Submitted to the Editorial Board

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID.

Initials, author's surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (place of work) in Russian and English.

Mail address.

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, because, as, that, etc.*) are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of the research and include the following parts:

1. Introduction (relevance, novelty, problem statement, purpose and hypothesis of the research).
2. Materials and research methods.
3. Specific results of the study.
4. Discussion of the research results.
5. Conclusions and perspectives of the study.

The abstract should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7 terms/concepts or problem markers, reflecting the content and concept of the article, separated by a comma. They are given in Russian and English).

The main text of the article should contain the following parts: introduction, literature review, methodology and research methods, results of the study, discussion of the results, conclusion – resumes. The titles of the parts are given in bold type.

The article should have in-text references to cited works. References are given in square brackets, indicating the source number in the reference list and the page number as well, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon, e.g. [1; 3; 4].

If possible, it is necessary to use visual material: diagrams, maps, figures, tables, etc. It is necessary to indicate the authorship of all iconic data obtained from other sources (figures, tables, diagrams, etc.), accompanying them with the appropriate reference and title in Russian and English.

References to the grant, organizations and people, who provided financial support in the preparation of the article, should be indicated in the Acknowledgements section – in Russian and English.

The list of references is given as cited (mentioned in the text of the article) and should include not less than 25 sources, including the sources for the last 4 years – not less than 15, foreign ones – not less than 10. If available in the source DOI is indicated.

Textbooks, publicism, archives, reference, dictionary and legislative materials are **sources**, which are not included in the list of references but are included in the text of the article as footnotes (footnotes at the bottom of the page). The footnote marker is an Arabic numeral; the numbering is according to the page number.

The reference list should be compiled according to the Russian State Standard (GOST) R 7.0.5-2008. For each source the publisher, the total number of pages must be specified.

It is necessary to repeat the Russian-language list of references also in English, to form **References** according to the following requirements:

1. Author/s (transliteration in BSI, BGN format).
2. Title of the work/source (translated into English).
3. The output data: city, publisher, year, volume, page range (transliteration).
4. Indication of the source language (In Rus.).

Self-citation is allowed in the volume of not more than 10 % of the total number of sources in the list of references.

Article Format Requirements

Languages of publications: Russian and English, Chinese

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s signature.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. All captions in Russian and English are included in a separate list at the end of the article. Figures obtained from other sources should be accompanied by an appropriate reference. Figures must not exceed 1/4 length of the article text.

The articles that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage.

Article submission, processing and publication are free of charge.

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to the following address:

129 Babushkina st., Chita, 672007, Russia
Transbaikal State University, Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7 (3022) 35-24-79